

Сергей Протасов

ДУСИМСКИЕ ХРОНИКИ

Мы пришли

Новые земли

Чужие берега

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Сергей Протасов

**Цусимские хроники: Мы пришли.
Новые земли. Чужие берега**

«Издательство АСТ»

2018, 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Протасов С. А.

Цусимские хроники: Мы пришли. Новые земли. Чужие берега / С. А. Протасов — «Издательство АСТ», 2018, 2019 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-138287-2

Николай Нестеренко знал все о Цусимском сражении... После несчастного случая его сознание временно переместилось в голову вице-адмирала Рожественского. Узнав, чем закончится поход его эскадры, «первый после Бога» организовал во время перехода и вынужденных стоянок полноценную и эффективную боевую подготовку с использованием всех последних достижений военно-морской мысли того времени. Обученные экипажи и решительные офицеры превратили разношерстное сборище кораблей в грозную силу, сумевшую за два дня боев круто изменить ход русско-японской войны. Но первый раз Цусима – это только начало... Пусть все получилось не совсем так, как планировалось, но все же действия, предпринятые Рожественским после прорыва эскадры во Владивосток, оказались успешными. Но этого мало... Тихоокеанский флот вынужден искать новые способы ведения морской войны. Не имея возможности одолеть противника в прямом противостоянии, приходится искать его уязвимые места и бить только по ним. Теперь определяющим становится не «кто кого побьет», а «кто кого передумает». И все пути снова ведут к Цусиме.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138287-2

© Протасов С. А., 2018, 2019
© Издательство АСТ, 2018, 2019

Содержание

Мы пришли	7
Пролог	7
Поход	14
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	44
Глава 6	47
Глава 7	52
Мы пришли!	63
Глава 1	63
Глава 2	66
Глава 3	72
Глава 4	73
Глава 5	75
Глава 6	78
Глава 7	80
Глава 8	85
Бой	87
Глава 1	87
Глава 2	96
Глава 3	113
Глава 4	118
Глава 5	120
Глава 6	126
Глава 7	149
Точка	151
Глава 1	151
Глава 2	153
Глава 3	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Сергей Протасов
Цусимские хроники:
Мы пришли. Новые земли. Чужие берега

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 33
Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова
© Сергей Протасов, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Мы пришли

Пролог

Был поздний вечер пятницы. Ноябрь. Колька Нестеренко, хотя нет, Колькой он был лет двадцать – двадцать пять назад, а теперь Николай Иванович Нестеренко, механик хладокомбината пробирался домой по темным улочкам своего родного поселка.

Пробирался, потому что весь день шел дождь, а к вечеру заморозило, так что дорога, тротуары и стены домов блестели как стекло, и идти совсем не получалось. Можно было лишь пробираться мелкими шажками, избегая любых мало-мальски наклонных поверхностей.

День выдался непростым с самого утра. Механик на мелком предприятии – это и снабженец, и слесарь, а иногда даже и технолог в одном лице. Разные проверки, опять же. Снова все на нем. Начальство за все отвечает, а механик все обеспечивает. Как – это уже его проблемы. Задача поставлена, будь любезен, выполняй.

Вот и сегодня с утра озадачили, что к обеду приедет проверка по линии СЭС из области. В связи с очередной эпидемией очередного птичьего гриппа. Инженер-технолог уже третий день был на больничном по причине этого самого гриппа у одного из своих сыновей. А куда деваться, зарплата жены в два раза больше, поэтому бюллетенил у них в семье всегда он. Исходя из этого, все хлопоты достались исключительно Николаю Ивановичу.

Нет, на производстве у них был полный порядок, и директор за любое нарушение драл по три шкуры, все же страну кормим. Но проверка в любом случае проверка. И приезжает не для того, чтобы обнаружить полное соблюдение санитарно-гигиенических норм и технологии производства и хранения продуктов и полуфабрикатов. Где-то в чем-то всегда найдутся изъяны. Бумаги соответствующие напишут, укажут руководству на недостатки. А потом уедут в полной уверенности, что тот ящик масла и коробка мясной вырезки килограммов под десять – пятнадцать в багажнике их служебной «Волги» образовались там сами собой и исключительно благодаря их заслугам.

Так было и в этот раз, только ассортимент багажника несколько расширился. В нем нашлось место еще коробке шоколада и пяти батонам колбасы разных сортов. Николая это все коробило, но деваться-то было некуда. С работой в поселке с каждым годом становилось все туже, а ездить на вахту на месяц от семьи, где трое ребятишек двух, четырех и семи лет, он категорически не хотел, поэтому и терпел, приспособлялся.

Семью свою он любил, и его любили и понимали. Да и вообще, у них дома хорошо все было. Даже несмотря на вечную свою занятость, Кольке удавалось выкроить время, так сказать, «для души». А душа у него еще с детства к кораблям прикипела. В поселковой библиотеке он уже к двенадцати годам перечитал по два-три раза все книжки, хоть как-то касавшиеся флота, особенно эпохи брони и пара. Вот и сейчас он нес домой новую книгу – о Цусимском сражении. Сегодня, совершенно случайно, пробегая мимо витрины книжного магазина, зацепился взглядом за обложку и не удержался – купил. Так что этим вечером, кроме обычных стимулов, тянущих семейного человека домой после трудного рабочего дня, был и еще один. Невтерпез было завалиться на диван и наконец открыть эту книгу.

В предвкушении этого момента он немного зазевался, и ноги скользнули на коварном льду. Пытаясь удержать равновесие, Николай взмахнул руками, извернулся так, что где-то в боку мышцы затянуло, а все позвонки смачно хрястнули, и рухнул на колени, сильно зашибив его о тротуар. Не любил Колька материться, но тут само вырвалось.

От боли даже в глазах засверкало и все поплыло куда-то. Так и растянулся на льду в полный рост. Чуток полежав так и придя в себя, начал вставать на ноги. Пытаясь подняться,

оперся на руки, встал на четвереньки и подполз к железному ограждению вдоль бордюра. Боль вроде бы стихала, нога двигалась, значит цела. Перебирая прутки ограждения, он уже почти поднялся и в этот момент увидел выскочившую из-за поворота желтую «Ниву». Кроме штатных фар на ней были еще четыре штуки на «кенгурятнике», и неслась она так, как будто не лед был кругом, а сухой асфальт.

Ослепленный мощным светом, Николай прикрылся рукой, но фары вдруг ушли в сторону, и он увидел, что прямо на него несется желтый бок автомобиля. В «Ниве» сидели четверо молодых парней и смотрели на него широко раскрытыми глазами. При этом все четверо что-то орало, а тот, что был за рулем, бестолково крутил его во все стороны, пытаясь поймать дорогу.

«Чего ж ты крутишь-то так, баран! Теперь уже бесполезно! Зачем гнал-то ты так!» – промелькнуло в Колькиной голове. Отпрыгнуть в сторону он уже не успевал, ноги никак не хотели стоять на льду. Оставалось только попытаться взобраться на ограждение, чтобы потом перескочить с него по верху через машину, благо багажника на крыше не было. Но ботинки подскользнулись на стылом железе, и Николай повалился на бок, успев лишь выставить вперед руки, почти сразу, с ходу упершиися в задний левый угол крыши. Руки тут же отбило вверх, а по ногам, груди и животу машина ударила всем боком – и все...

Он уже не видел, как его швырнуло в стену дома, в которую спустя доли секунды впечаталась и сама «Нива», всего в десяти сантиметрах от его головы. Мощная яркая вспышка погасила все вокруг, а в уши хлынула липкая ватная тишина. Затем эта вспышка сошлась в круглое пятно, где-то впереди. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее Николай поплыл в этот светлый круг, не в силах пошевелить ни одним мускулом. Вдруг где-то над головой раздался стальной лязг, и властный голос скомандовал: «Задраить люки! Срочное погружение!» Свет впереди тут же погас. Вокруг была абсолютная тьма и тишина.

Первое, что Николай почувствовал, была легкая качка. Как на корабле. Затем было тепло постели и легкая вибрация. Затем появился звук... Это был звук работающей паровой машины, шедший откуда-то из глубины всего того, где он сейчас находился. Продолжая прислушиваться к себе, Николай пролежал так еще несколько минут. Несмотря на то, что руки-ноги были явно целы, потому что нигде ничего не болело, хоть сколько-нибудь пошевелиться не удавалось. Даже глаза открыть.

Холодный ужас захлестнул его, поднявшись откуда-то изнутри. Неужели все! Приплыли!

И тут же чей-то чужой голос где-то совсем рядом переспросил: «Что вы имеете в виду? И вообще, кто здесь?»

Ничего себе! Кто здесь?! Где здесь?! Раздвоение личности у меня, что ли?! Шизофрения?! Или это я головой так приложился, что мерещится всякое?!

А рядом кто-то начал быстро нашептывать молитву, поминая Николая Угодника. Это было совсем странно. Должны же были в больницу везти, а я, похоже, в церковь угодил, подумал Николай.

И тут же этот голос: «Как в больницу?! Почему?! Какая же больница в походе?! Это просто сон! Сейчас все пройдет!»

Николай решил помолчать и просто подождать продолжения, тем более что сам он ничего сделать по-прежнему не мог.

Второй голос закончил молиться, и глаза открылись. Но это были не Колькины глаза. Он как бы смотрел через них, но не управлял ими совершенно, так же как и всем остальным телом, которое начало подниматься с постели. Руки потеряли лицо, но при этом Николай снова ничего не почувствовал. Он жадно осматривал место, в котором оказался. Судя по всему, это была просторная каюта на большом корабле. В иллюминаторе виднелось море, где-то далеко внизу. Рядом с кроватью бельевой шкаф, тумбочка, книжная полка. Много книг на русском языке. Все вокруг было каким-то старинным, хотя еще совсем новым и не обшарпанным.

К этому времени Колька уже понял, что если думать тихо, как бы про себя, шепотом, то этот другой ничего не слышит. И решил, что это, наверно, наркоз на него, то есть на Николая, так действует. Лежит он сейчас себе на операционном столе, а его после этой желтой «Нивы» латают, вот и мерещится всякое. О другом даже и помыслить боялся. Поэтому решил отнестись ко всему, что видел, как к фильму. Просто просмотреть до конца, и домой.

Между тем хозяин тела, в котором болтался сейчас Колька, занялся утренним туалетом. «Елки-палки, да у нас тут своя ванная!» – не удержавшись, мысленно воскликнул Николай, когда его носитель открыл дверь в соседнюю комнату.

Того как подкосило. Он сел прямо на пол, нет – на палубу каюты, и забормотал что-то невнятное. Удалось только разобрать «Кажется, я с ума схожу!»

Понемногу тот, другой, успокоился и начал одеваться. При взгляде на него в зеркало Николая посетила мысль, что он знает этого человека. Прямой взгляд, правда, изрядные мешки под глазами. Лицо холеное. Недлинная борода, усы. Шишка, судя по всему, не маленькая. Адмирал, наверно, какой-то. А флот еще явно царский. В знаках различия он не разбирался, но, судя по мундиру и каюте, выходило так.

Закончив одеваться и осмотрев еще раз себя в зеркале, Колькин носитель заглянул в соседнее помещение, и Николай едва сдержался от нового вопля изумления. Оказывается, те апартаменты, в которых они сейчас находились, были всего лишь спальenkой, а за дверью был еще и салон. Точно! Так он и называется, наверно, адмиральский салон.

Фильм Николаю начинал нравиться. Он мысленно подгонял своего адмирала, чтобы тот скорее топал на палубу. Раз в голове мутится у товарища, так самое то воздухом подышать. Глядишь и прояснится, в кого это меня занесло. Они прошли по коридору, поднялись по трапу на палубу, повернули направо и прошли еще немного.

И тут Николай буквально обомлел. Картина, увиденная им, завораживала. Вот это был пейзаж! Они находились на палубе броненосца, где-то на кормовом мостике. Прямо под ногами находилась здоровенная башня главного калибра, а справа и слева торчали стволы шестидюймовых башен. Мимо сновали люди, адмирал с ними разговаривал, но Колька этого не замечал. Вокруг был океан до самого горизонта. А за кормой нестройной колонной шли еще три броненосца. Все пушки в башнях. Круглые борта. Точно... Тип «Бородино». За ними виднелись еще какие-то корабли, но из-за жирного черного дыма, густо валившего из труб броненосцев, их невозможно было как следует разглядеть. Все это зрелище поражало своей грандиозностью, мощью и красотой! Так это же мы на «Князе Суворове», выходит, сейчас находимся! А этот здесь, судя по всему, самый главный, то есть Зиновий Петрович Роженственный собственной персоной. Вон как перед ним все вытягиваются. И он эту всю силу сейчас на убой ведет!!!

Эмоции захлестнули Николая. Он напрочь забыл о своем решении не обозначать своего присутствия. Он даже не замечал, что «носитель» пытается что-то сказать, что ему явно поплохело, настолько, что картинка поплыла перед глазами, а моргая, он уже очень медленно открывал веки.

Рядом кто-то суетился, откуда-то принесли раскладное кресло и усадили адмирала, послали за доктором. А в Колькином мозгу вихрем пронеслись мысли, связанные со второй тихоокеанской эскадрой. Вспомнилась та самая первая, еще детская обида за наших, проигравших Цусимское сражение. То непонимание, почему же они так и не смогли ничего сделать, даже и не пытались, по сути? Почему же просто тупо шли под японские снаряды, а потом и торпеды? Как мог их вести на это адмирал?! Чем он думал?! На что надеялся?! Вспоминалось все, что когда-либо читал: от хвастливых и явно не совсем достоверных описаний этого боя в японских источниках и до оправдывающих Роженственного – наших. И все, что было между этими крайностями.

Видимо, все эти картины были увидены и тем, в чьем теле сейчас Николай находился. Он схватился за голову и взмолился: «Господи! Помогите! Наставьте на путь истинный!»

Услышав это, Николай опомнился. Ну вот! Нам теперь еще слез на глазах у подчиненных не хватало!

Собрав всю злость на этого человека, он мысленно рявкнул: «Прекратить истерику! Вы же русский офицер! Прикажите принести карандаш и бумагу, сидите, слушайте и записывайте!»

Теперь Колька знал, что надо делать, и боялся не успеть объяснить всего. Кто знает, надолго ли он тут. Кончится наркоз и все. Он тараторил все подряд, что приходило в голову. Начал с того, чтобы этот не смел орать на подчиненных. «Тебе же, дураку, с ними в бой идти! Ведь только на них, молодых и сильных, у тебя надежда! Из-под шпика ты много помощи получишь, как думаешь? Ты здесь самый главный, ты все решаешь! Только от тебя зависит, как дело повернется!» А потом, закончив выволочку, начал выкладывать все, что помнил: от боевой подготовки до отработки совместного маневрирования и связи в бою. Адмирал сначала просто слушал, как бы со стороны, но постепенно втянулся. Начал уточняющие вопросы задавать и писать.

Видимо, появился доктор, так как какой-то офицер заглядывал адмиралу в глаза, что-то спрашивал, но Николай не замолкал ни на минуту. Вскоре Рождественский встал и пошел обратно в свою каюту, отказавшись от помощи оказавшихся рядом офицеров. Просто сказал им, что устал и немного отдохнет у себя.

У дверей каюты стоял здоровенный матрос, вытянувшийся во фрунт. Адмирал приказал подать ему в каюту завтрак и заварить чаек покрепче.

Услышав это распоряжение, Николай мысленно похвалил своего носителя за правильный ход мыслей. Едва добравшись до письменного стола, продолжили быстро записывать основные идеи.

Так прошел час, два, а Нестеренко все так же оставался в голове Рождественского, и никаких признаков возвращения в свое тело не наблюдалось. Становилось все тоскливее.

Это не наркоз. Похоже, я надолго тут завис. Кто же меня сюда определил-то? И зачем? Что это за «срочное погружение»? Должен же быть какой-то смысл. Николай всегда верил, что во всем, что происходит, есть какой-то смысл. Может быть, его видно не сразу, но если каждый на своем месте все будет делать правильно и требовать этого от других, то у всех все будет хорошо. И все встанет на свои места. Но какой был смысл совать его, далеко не морского офицера, который и море-то видел всего пару раз и то с берега, в голову командующего целой эскадрой, призванной изменить ход неудачной войны. Что я могу-то? Что понимаю? Бредятина наивная какая-то!

Вдруг все вокруг начало блекнуть и таять, и вскоре погасло совсем. Все звуки также исчезли. Так. Это еще что такое? Николай ждал довольно долго. Но вокруг ничего не происходило. Мысли в мозгу неслись галопом. А домой, к своим, хотелось невероятно.

«Может, это испытание для меня какое-то? Может, я помирать уже начал, не зря же свет видел и к нему летел, а мне последний шанс дали, чтобы я что-то такое учудил, чего и быть-то не может? Вот эта Цусима, например. Может, для того и впахнули меня в адмиральскую голову, чтобы я его заставил все правильно делать, а он – других?»

И тут Колька снова почувствовал себя в голове Рождественского.

«Намекают, что ли? Ну, держитесь тут все! Не рады будете, что заставили!»

Дальше начались будни. Сначала у адмирала, а потом и у всех...

Много времени прошло с того дня. Николай с Рождественским можно сказать сжились, научились общаться не вслух, а так, чтобы только друг друга слышать, даже рот не открывая. Со стороны должно быть казалось: «Чапай думает». Окружающие привыкли, а остальные, да

бог с ними. Но когда снаряд с «Якумо» ударил в броню носовой двенадцатидюймовой башни на «Александре III» и его осколки как метлой прошли по амбразурам боевой рубки, искромсав и загнув защитные козырьки, отброшенный ко входу в рубку, вместе со всеми, кто там в этот момент оказался, командующий Тихоокеанским флотом России и наместник императора на Дальнем Востоке, полный адмирал Российского флота Рожественский, придя в себя, не услышал в своей голове уже привычного голоса. Выбравшись из-под окровавленных тел, почти не видя ничего вокруг и уже теряя сознание, он громко звал Николая. А потом замирал, словно прислушиваясь. Вокруг стоял чудовищный грохот яростного боя. А склонившиеся над своим адмиралом уцелевшие офицеры сочли это следствием тяжелого ранения. Белый китель быстро пропитывался кровью, в ране на голове был виден мозг.

После вспышки взрыва, погасившей все вокруг, наступила неестественная, глубокая тишина. Затем свет сошелся в одну далекую яркую точку, которая продолжала удаляться и вскоре погасла совсем. Зато появился звук. Поначалу он был глухим и невнятным, но вскоре удалось разобрать: «Приходит в себя! Надо же! В рубашке родился!»

«Это что, про меня, что ли, сейчас сказали?» Николай открыл глаза. Было очень светло. Прикрыв веки, обвел глазами вокруг. Как-то это было необычно. Он не понимал, где находится, как попал сюда, не помнил. Но все ощущения были какими-то непривычными.

Над ним склонились четверо парней. Молодые, крепкие. У одного бровь рассечена и из раны еще течет кровь, у другого ухо покраснело и распухло, а из-под волос также стекает капелька свежей крови. Но они этого явно не замечают и хлопчут вокруг Николая.

Парни кажутся знакомыми, он где-то их видел, но вспомнить не удастся. В глазах все плывет, тело болит. Как будто его, как старый ковер, повесили на забор и долго били палкой. Какие-то призрачные воспоминания тают где-то в глубине сознания, но сосредоточиться не удается. Зато руки и ноги шевелятся, уже хорошо!

Чуть присмотревшись, нашел источник яркого света. Им оказались автомобильные фары, светящие куда-то вдоль улицы. Цвет машины не разобрать, но какой-то светлый. Зато марку удалось определить, это точно «Нива». Машина тоже кажется знакомой.

С той стороны, куда светили фары, появилась «Скорая помощь». Сверкая мигалками, подкатила к ним, уверенно затормозив на скользкой дороге. «Ну еще бы, на этих узиках – скорой и полиции – уже давно и антибуксы, и антизаносы стоят, – мелькнуло у Николая в голове. – Стоп-стоп. Какой антибукс, какой антизанос? Это на узике-то?! Еще скажи там АБС стоит! Хотя чего это я? АБС-ка вообще уже лет двадцать у них в базовой комплектации. Как-то перемешалось все в голове. Видно, здорово ей досталось. Ага! Припоминаю! Я домой шел. А эту «Ниву» на льду крутануло и на меня выбросило. А эти четверо на ней как раз и ехали, вот теперь и суетятся».

Из «буханки» выбрался доктор. Его встретил тот, что на «Ниве» за рулем был. Пока до пострадавшего шли, он ему рассказал вкратце, что случилось, так что врач сразу приступил к осмотру. Проверил руками Колькину голову. Потом каким-то прибором прозвонил позвоночник, подключившись к мизинцу на ноге и затылку. Спросил, как он себя чувствует и может ли говорить.

Говорить Николай Иванович мог и даже, кажется, встать уже мог. Что и попытался продемонстрировать, но ему категорически не позволили, заявив, что с этим спешить не надо. Закончив предварительный осмотр, кололи что-то внутривенно, погрузили потерпевшего на носилки и отправили в больницу. Его сопровождал водитель «Нивы», которого так же тщательно проверили уже по дороге.

Быстро зарегистрировав в приемном покое, Николая на лифте подняли на третий этаж. Потом, на той же каталке, что он лежал в «скорой», его начали возить из кабинета в кабинет. Сначала рентген, потом МРТ, дальше еще какие-то обследования, названия которых он

и не слышал даже никогда. Николай Иванович не успевал удивляться, когда же они успели это все понаставить, правда, и был-то он в больнице в последний раз лет десять назад, когда аппендицит вырезали. Но о проблемах здравоохранения и по «ящику», и по радио каждый день говорят. Хотя вроде там больше о врачебном чутье, которое в двадцать первом веке уже сходит на нет. Без сложной аппаратуры типа даже насморк боятся лечить. Или у них все-таки оборудования не хватает? Да пес его знает! Чего-то закружили они меня совсем. Интересно, что за пакость они мне вкатили. Глаза прямо слипаются, и все тело как свинцом налилось. Скоро имя-то свое забуду. Хоть бы закатили уже куда-нибудь в уголок да дали тихо отлежаться! Словно услышав его мысли, медики прекратили все обследования и поместили пострадавшего в отдельную палату.

«Как-то это я удачно попал!» – мелькнуло в голове у Николая. Палата одноместная, телевизор, холодильник, шкаф для одежды и даже что-то типа тахты, это, наверное, для сиделок или посетителей. «Это что же я – в люксе, выходит, лежу? Могли бы и в обычную, восьмиместную, засунуть, как сосед рассказывал. Ему, когда ураган был, по башке сучком прилетело, так его без сознания в больницу привезли и в такую палату бросили. Именно бросили, потому, что врач к нему подошел только через день, когда жена все морги обзвонила, его в этой клинике нашла и всех на уши поставила. Хотя нет. Это он про свой отпуск рассказывал то ли во Вьетнаме, то ли в Японии. А это палата как палата. После аппендицита я в такой же лежал».

Не успел Колька оглядеться как следует, как прилетела жена. Вся встревоженная, натянутая, как струна. Увидела его и сразу в слезы. «Ну, здравствуй! Приехали! Что за паника?! Считай просто на льду подскользнулся! Живой ведь! Чего реветь-то!»

Малость успокоившись, Любка рассказала, что врач, который Кольку первым осматривал, констатировал клиническую смерть в течение полутора минут. Это сразу после удара.

– Какой врач, чего он мелет! Я же помню, как «скорая» приехала!

– Это уже потом было. В той машине, что на тебя вынесло, ехали парни молодые, так вот тот, что за рулем был, военный хирург. Он в Маньчжурском округе служит, сюда в отпуск к родителям приехал. Они с рыбалки ехали, а им под колеса мальчишка какой-то сиганул с тротуара. Они от него шарахнулись, вот их на тебя и бросило. Я это сама на записи камер наружного наблюдения видела. Мне пэпэсники показывали, пока сюда везли. Считай он тебя и «откачал». «Скорая» уже только сюда привезла, да проверили тебя тут как следует. Все удивляются, как легко ты отделался, а я все поверить боялась, пока сама не увидела! Вот медики книгу там подобрали, говорят, ты нес, а после аварии выронил.

В голове у Николая вообще все пошло кувырком. Начиная от камер наружного наблюдения, которые вроде бы у них в поселке стояли только на отделении полиции, зданиях банка, администрации и школы, но это все было очень далеко от того места, где он под машину попал. А с другой стороны, какая-то вторая память подсказывала, что эти камеры уже лет восемь – девять как по всему поселку расставили. И из любой полицейской машины можно было выйти на любую из них. Колька даже сам этим пользовался, когда их пес пропал. Тогда из патрульной машины за пять минут его выследили и нашли.

А потом этот Маньчжурский округ! Это еще что за новости. Мысли явно начинали буксовать. Глаза открывались с трудом. Он просто лежал, смотрел на свою жену и улыбался, почти не улавливая, о чем она говорит. Было хорошо и спокойно, как после очень тяжелой и ответственной работы, которая выжала весь организм до капли. Зато сейчас, с чувством полного удовлетворения, можно позволить себе отдохнуть.

Вскоре появился врач, обнаруживший почти заснувшего пациента. Люба уже просто сидела рядом и держала его за руку. Доктор принялся объяснять ей, что больному нужен отдых и лучше будет навестить его завтра.

Николай малость очнулся и сказал жене, чтобы она шла к детям, что он скоро домой вернется. Она согласилась, сунула ему в руку книжку и, поцеловав, вышла из палаты. Проводив

её взглядом, Колька еще какое-то время лежал, тупо глядя в потолок. Потом решил взглянуть, что же за книжонку он сегодня урвал. Бегло пролистав страницы с текстом, начал рассматривать фотографии в конце, и тут... Его словно прострелило. Забыв про наваливавшийся еще секунду назад сон, он уселся на кровати и вылупился на картинку. Точнее даже не на саму картинку, а на подпись под ней.

Под хорошей, современной цветной фотографией было написано: «Эскадренный броненосец «Князь Суворов» – корабль-музей во Владивостоке». Еще с минуту он ошарашенно хлопал глазами, пытаясь понять, не бредит ли он. Ущипнул себя за щеку. Больно! Прислушался.

Где-то в коридоре громко работал телевизор. Шли новости. Спокойный голос диктора рассказывал о спуске на воду в Санкт-Петербурге нового авианесущего крейсера типа «Варяг».

Уже двенадцатого в серии и первого, построенного для ВМС Франции, где он будет называться «Мистраль». Всего контрактом предусмотрено строительство двух таких кораблей. Причем кормовую часть для обоих с силовой установкой строят сами французы, а уже на Балтийской верфи в доке ее присоединяют к готовому корпусу. Часть вооружения также будет французским. Но в составе авиагруппы будут российские самолеты с вертикальным взлетом ЯК-141.

«Вот это да! Так это мы французам «Мистрали» строим, а не они нам? Хотя чему тут удивляться? У них был Трафальгар, а у нас была ЦУСИМА!» И при этом воспоминании всплыли ассоциации о невиданном ни до, ни после разгроме, и... огромная гордость за страну и флот, этот разгром учинивших. За эту невероятную и блестящую победу кое-как собранной, недоученной, измотанной восьмимесячным переходом в тяжелейших условиях эскадры над мощным, опытным, перевооруженным, подготовленным и отдохнувшим японским объединенным флотом!

Теперь все встало на место. Теперь все так, как и должно быть. Путаница в голове моментально улеглась. Навалилась огромная усталость, и Николай Иванович провалился в крепкий здоровый сон.

Поход

*Мы эскадры вели за три моря,
От жары в своем поте варясь!
Воевать мы учились в походе,
Так, чтоб песни слагали о нас!*

Глава 1

Неудачи первых месяцев русско-японской войны, явившиеся следствием неготовности к ней Российской империи, побудили генеральный штаб к поиску способов усиления морских сил на театре военных действий. В условиях, когда боеспособность японской армии целиком зависела от надежности её снабжения из метрополии, господство на море являлось решающим фактором в войне. Действия Владивостокского отряда крейсеров не могли серьезным образом повлиять на морские перевозки противника в Корейском проливе ввиду явного недостатка сил, а порт-артурская эскадра, оказалась недостаточно мощной для овладения морем. Исходя из этого, было принято решение о срочном формировании второй тихоокеанской эскадры для достижения безусловного превосходства над японским объединенным флотом.

Подготовка и снаряжение второй эскадры для флота Тихого океана велись на Балтике с апреля по сентябрь 1904 года. При этом постоянно возникали задержки, вызванные трудностями со снабжением, достройкой и ремонтом кораблей. Отсутствие у Российского генерального штаба, даже в черновом виде, плана ведения войны и связанного с ним плана мобилизации и развертывания вызвало низкую готовность тыловых портовых служб к обеспечению флота всем необходимым. Никаких предварительных запасов не делалось, так что для эскадры собиралось всё буквально с миру по нитке, с бору по сосенке.

Слабая оснащённость ремонтных мастерских в Кронштадте, Ревеле и Порте Александра III (Либава), а также недостаток материалов, к чему добавлялась ещё и недостаточная мощность казённых адмиралтейств Петербурга, вынудили руководство флота поручить практически весь ремонт Балтийскому заводу, который, в свою очередь, для сокращения сроков выполнения работ привлек к заказу несколько частных фирм. В общем и целом им удалось неплохо справиться с работой и, что самое важное, почти уложиться в отведенные сроки.

На судостроительных заводах Нового адмиралтейства и Галерного островка в авральном темпе успели достроить эскадренные броненосцы «Бородино» и «Орел», чьё строительство к тому времени уже сильно затянулось. Также были закончены все работы и на транспортно-мастерской «Камчатка». Из-за ускоренных темпов достройки новейших кораблей на последнем этапе качество работ часто было не на должном уровне, но времени на исправление брака уже не оставалось, и в большинстве случаев корабли принимались в казну даже без проведения полноценных испытаний. При этом планировалось провести все необходимые исправления и доводки в период освоения кораблей экипажами, для чего к каждому броненосцу приписывался свой корабельный инженер-судостроитель, участвовавший в его достройке. Кроме того, инженера получил и «Сисой Великий». Общее руководство всеми этими работами возлагалось на старшего инженера-строителя Е. С. Политовского. Доводка кораблей в процессе начала их службы, в свою очередь, до крайности осложняла и задерживала прохождение курса боевой подготовки.

Существенно тормозили снабжение и бюрократические проволочки, что, в конце концов, вынудило отвечающего за снаряжение эскадры главного командира Балтийского флота вице-

адмирала А. А. Бирилёва распорядительным порядком отменить многие ограничения, связывавшие строителей, что существенно ускорило дело.

Снижение уровня требований при приемке выполненных работ и отмена либо радикальное сокращение некоторых испытаний сильно сказывались на боеготовности сданных флоту кораблей. Начальник ГМШ Зиновий Петрович Рожественский, непосредственно занимавшийся этим и назначенный командовать формирующимся соединением, слишком много времени уделял канцелярской работе, решая, в общем-то, не свойственные начальнику столь высокого ранга вопросы. Его положение позволяло не обращать внимания на требование МТК до начала похода провести опытное определение остойчивости новых броненосцев. Также были проигнорированы рекомендации к выработке мер по их разгрузке, ввиду допущенной заводами большой строительной перегрузки кораблей. Из соображений экономии времени мало-мальски проверялись лишь главные механизмы новых кораблей, а проверку и доводку всего остального предстояло провести уже вдали от родных берегов. Поэтому на каждый броненосец принималось невероятное количество запчастей, материалов и прочего лишнего оборудования, вес которого на некоторых кораблях перевалил за 1000 тонн.

Но при комплектовании эскадры никем не поднимался вопрос об учете опыта боевых действий в вопросах вооружения и подготовки личного состава и офицеров. Из важных новшеств, необходимость которых была очевидна еще до войны, на второй эскадре появились горизонтально-базисные дальнометы «Бар энд Струdda» с базой 1,2 метра, которые имелись на всех броненосцах и крейсерах. Также удалось снабдить корабли оптическими прицелами системы капитана Перепелкина для орудий калибром от 75 миллиметров и выше. Давно устаревшие чугунные снаряды в боекомплектах были заменены на стальные, а вместо старых бронбойных шестидюймовых снарядов в погреба были приняты новые с «макаровским наконечником».

Единственным нововведением по опыту боев было оборудование боевых рубок горизонтальными противоосколочными козырьками из 51-миллиметровой брони. Но при этом не было предпринято никаких мер для уменьшения размеров самих амбразур этих рубок и усиления противоосколочной защиты артиллерии, особенно в открытых палубных установках.

На всех больших кораблях, и даже миноносцах, были установлены радиостанции германской фирмы «Телефункен», но к моменту выхода эскадры в поход они еще не были достаточно освоены личным составом. При своем техническом несовершенстве, ненадежности и недостаточной дальности действия, они, тем не менее, открывали новые широкие возможности для управления эскадрой на дальностях до 50 миль.

После императорского смотра с последующим напутствием вторая эскадра Тихого океана собралась в Либаве к концу сентября, где, приняв уголь, воду и прочие припасы отправилась в плавание.

Этот поход, не имеющий аналогов в истории парового флота, начался 2 октября 1904 года. Поскольку Россия находилась в состоянии войны с Японией, русские корабли не имели возможности заходить в нейтральные порты для выполнения необходимых ремонтных работ, даже на погрузку угля и продовольствия в чужих гаванях накладывались очень жесткие ограничения. До этого лишь англичане на отряде броненосцев отважились совершить поход от Британских островов до мыса Доброй Надежды, но при этом они располагали своими базами на всем пути следования, где могли спокойно ремонтировать корабли и дать отдых экипажам.

Русская эскадра состояла из новых эскадренных броненосцев: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя», а также их устаревших собратьев «Сисой Великий» и «Наварин», старых броненосных крейсеров «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской», крейсеров первого ранга: «Аврора», «Светлана» и второго ранга «Алмаз» и «Жемчуг». С эскадрой шли эсминцы: «Быстрый», «Бравый», «Бодрый», «Безупречный», «Бедовый», «Буйный», «Блестящий», «Прозорливый». Организационно эскадра была разде-

лена на два броненосных отряда и отряд крейсеров. Первый броненосный отряд, состоявший из новейших и самых мощных броненосцев типа «Бородино», возглавлял командир «Суворова» капитан первого ранга В. В. Игнациус, второй броненосный отряд из «Осляби» и старых кораблей контр-адмирал Д. Г. Фёлькерзам, державший свой флаг на «Ослябе». Крейсерами командовал контр-адмирал О. А. Энквист, флагман «Алмаз». Флагманским кораблем эскадры был эскадренный броненосец «Князь Суворов», на котором разместился штаб вице-адмирала З. П. Рожественского.

Двигались в четыре эшелона в сопровождении обоза из транспорта-мастерской «Камчатка», морского буксира «Роланд», позже переименованного в «Русь», шести транспортов и ледокола «Ермак». На Черном море снаряжались еще семь транспортов для этой эскадры, с которыми должны были встретиться где-то в пути. У транспортов был свой главнокомандующий – капитан первого ранга О. Л. Радлов. Грузить уголь планировали в подходящих для этого бухтах либо прямо в море. Обеспечение топливом на маршруте взяла на себя Гамбургско-Американская пароходная компания. Пополнять запасы провизии предполагалось в нейтральных портах, а также снабжением русского купца М. А. Гинсбурга и нескольких иностранных фирм, с которыми были заключены соответствующие контракты. За тыл и снабжение отвечал известный военно-морской администратор капитан второго ранга А. Г. Витте.

7–8 октября у мыса Скаген грузили уголь, после чего отправили обратно за ненадобностью «Ермак» и «Прозорливый», у которого потек холодильник. С самого начала перехода к адмиралу Рожественскому всякими путями поступала информация о повышенной активности японцев в балтийских проливах и Северном море. Высказывались предположения о большой вероятности минных атак на достраивавшихся в Англии для Японии миноносцах, поэтому по эскадре был отдан приказ на следующем переходе «идти с заряженными орудиями и повысить бдительность». Балтийские проливы прошли спокойно, но нервы у всех были на взводе.

При проходе Доггер-банки с отставшей от эскадры «Камчатки» были получены радиogramмы о преследующих её миноносцах. Вскоре и с эскадры были обнаружены подозрительные затемненные силуэты, пытавшиеся прорезать строй русских кораблей. Немедленно началась стрельба, бестолковая и неуправляемая. Многие офицеры утверждали, что видели от трех до пяти миноносцев, и приказывали стрелять по ним. Палили без разбора во все стороны, во все, что попадало в поле зрения.

Итогом этой перестрелки стали пять попаданий с «Суворова» в «Аврору», а миноносцами оказались английские рыболовные траулеры, занимавшиеся ловлей сельди. Одно из рыбацких судёнышек было потоплено, а еще четыре получили повреждения. При этом погибли и были ранены несколько рыбаков, один матрос и священник с «Авроры». Этот инцидент, наглядно показавший степень подготовленности наших экипажей, получил название «Гульский», по порту приписки обстрелянных траулеров.

В английских газетах это происшествие вызвало бурю негодования. Русскую эскадру называли эскадрой бешеной собаки и требовали её немедленно уничтожить. Броненосцы и крейсера Английского флота канала сопровождали нашу эскадру до испанского порта Виго, где планировалась погрузка угля.

Но едва наши корабли вошли в гавань, как англичане потребовали покинуть порт и проследовать дальше, не позволив пополнить запасы. Рожественский двинулся на юг. Теперь его сопровождали лишь девять английских крейсеров. Следуя за эскадрой до Танжера, англичане лихо маневрировали и перестраивались на виду у русских. Все маневры выполнялись безупречно, быстро и четко, что вызывало законную зависть у наших офицеров. На протяжении всего перехода до Танжера командующий находился в дурном настроении. Штабные офицеры не раз слышали от него пессимистические предположения на тему нехватки угля посреди океана, вдали от основных транспортных путей. Эта идея постепенно полностью завладела рассудком Зиновия Петровича.

Обеспокоенный неудавшейся погрузкой топлива в Виго, Рождественский издал приказ по эскадре о приемке топлива для всех кораблей. Им предписывалось засыпать углем все свободные отсеки, вплоть до котельных отделений, не задействованных при движении эскадренным ходом. Что и было исполнено в Танжере. «Аврора» имела полностью засыпанную углем среднюю кочегарку, а все остальные корабли – второе котельное отделение, это не считая части помещений жилой палубы экипажа на всех кораблях. По эскадре поползли слухи, что командующий слегка свихнулся на угольной почве. Вообще в последнее время он стал заметно больше нервничать, порой необоснованно срываясь на крик, позволяя себе даже откровенно оскорбительные высказывания в адрес офицеров.

После получения снабжения в Танжере эскадра разделилась. Контр-адмирал Фелькерзам с «Сисоем», «Навариним», «Светланой», «Жемчугом», «Алмазом», миноносцами и большинством транспортов пошел через Средиземное море и Суэцкий канал, а самые новые и крупные броненосцы, чья большая осадка не позволяла следовать этим маршрутом без разгрузки кораблей, вместе с «Авророй», «Нахимовым» и «Донским» продолжили движение вокруг Африки.

Глава 2

На второй день после выхода из Танжера адмирал вдруг заболел. По рассказам офицеров, выйдя утром из своей каюты, он имел какой-то странный вид, был бледен лицом и временами разговаривал сам с собой. Поднявшись на кормовой мостик, вдруг потребовал карандаш и бумагу, тут же начав что-то быстро записывать, словно под диктовку, иногда задавая себе самому какие-то вопросы и как бы мысленно на них отвечая. Чертил на листах непонятные схемы, порой черкая их и выбрасывая за борт. Пытавшихся приблизиться к нему офицеров отстранял резким движением руки, будто боялся спугнуть кого-то. Потом потребовал папку, куда стал складывать исписанные и исчерченные листы. Так продолжалось более двух часов. Затем он встал, постоял с минуту в задумчивости с каким-то странным блеском в глазах, чуть улыбаясь, и удалился обратно в каюту, откуда не выходил два дня. Со слов его денщика, там он продолжал писать, но более уже не заговаривался, временами начиная ходить из угла в угол, разминая затекшие ноги и спину. Курил очень много, но не пил вовсе, только крепкий чай. Зная его крутой нрав и резкость в общении с офицерами, беспокоить его никто не решался, благо необходимости в этом не было. Эскадра шла своим курсом, английские крейсера отстали, и ни одного судна за эти дни встречено не было.

С утра на третьи сутки после «приступа» капитан второго ранга Семенов и лейтенант Свенторжецкий из адмиральского штаба решили зайти к нему, чтобы проверить, здоров ли он. Несмотря на ранний час, адмирал сидел за своим столом и работал с бумагами, только это были совсем не те бумаги, что все привыкли видеть у него на столе.

К обычной канцелярии они не имели абсолютно никакого отношения. Та самая папочка двухдневной давности разрослась в три солидные стопки схем, чертежей, таблиц и каких-то записей с многочисленными правками. Огромный стол был завален всевозможными справочниками по корабельному составу, свойствам сталей и их сплавов, современным артсистемам и боеприпасам и еще бог знает какими книгами и таблицами. В руках Зиновий Петрович держал лист бумаги, исчерченный одному ему понятными схемами, настолько плотно, что без пояснений в них решительно ничего нельзя было разобрать.

Увидев вошедших, Рождественский даже обрадовался.

– Вы очень кстати, господа! Необходимо собрать совещание штаба, немедленно. Нам есть что обсудить.

При этом выглядел он вполне здоровым, улыбался, и в нем совершенно не ощущалась та подавленность, которую все чувствовали последние две недели. Денщика отправили за осталь-

ными штабными офицерами, и вскоре началось первое совещание штаба эскадры, посвященное подготовке к предстоящей встрече с японским флотом.

Как только все собрались, Зиновий Петрович обратился к своим подчиненным с речью о том, что тот флот, что они ведут, есть последняя надежда России.

– И мы должны сделать все, что от нас зависит, и даже намного больше, чтобы оправдать эту надежду. Мало просто дойти до театра боевых действий, нужно привести туда мощную организованную эскадру с хорошо подготовленными экипажами и командирами. Чтобы побить японцев, мы должны понимать, как они думают, а думать они учились у англичан. Исходя из этого, считаю весьма полезным изучить все последние идеи в области военно-морской тактики, до чего додумались «просвещенные мореплаватели», а особенно внимательно все, что касается последних больших маневров королевского Британского флота 1902 года. Думаю, об этом можно будет узнать из ежегодника лорда Брассея. Мы должны получить все, что напечатано по этому поводу, а также все публикации о новациях в области военно-морской тактики. Поручаю это лейтенанту Церетели. Вот приказ, вам надлежит сегодня же отбыть на любом транспорте – на ваше усмотрение – и, с максимально возможной скоростью, следовать в Тулон, там, я думаю, вам удастся найти все, что нужно. Попутно закупите полторы сотни самых новых моделей телефонных аппаратов, обязательно с хорошей слышимостью, и телефонного кабеля, хотя бы километров двадцать, а также не менее полусотни листов котельного железа, желательной полудюймовой толщины и немецких мешков для погрузки угля¹. Потребное количество этих мешков согласуете со старшими механиками кораблей и помножите на два. Это будет вашей официальной легендой. Необходимые для этого средства получите у начальника тыла. Приказ для него уже подготовлен. В Генеральный Морской штаб я пошлю телеграмму с просьбой оказать вам всемерную поддержку в сборе нужной нам информации. Обратитесь в первую очередь к нашему военному атташе. Затем догоняете отряд Фелькерзама и вместе с ним следуете на соединение с эскадрой. По пути у вас будет время на изучение полученных документов, так что по прибытии я жду от вас развернутого доклада на тему, чем все то, что вы найдете, отличается от «Рекомендации для похода и боя» разработки адмирала Макарова. В чем преимущества и недостатки всех доктрин.

Далее адмирал сказал, что ждет от каждого предложений по организации боевой подготовки экипажей, как матросов, так и офицеров, чем немало удивил присутствующих, уже успевших привыкнуть к тому, что командующий, зарывшись в «бытовухе», давно спустил это дело на самотек.

Огорошив всех таким неожиданным поворотом с самого начала, Рождественский продолжал в том же духе еще два с лишним часа, раздавая поручения, подкрепленные соответствующими приказами, в которых были четко прописаны требования и сроки выполнения.

Закончив со штабом, адмирал вызвал к себе командиров, механиков и старших офицеров всех кораблей эскадры. Совещание с ними продолжалось больше часа, и они тоже выходили из адмиральского салона в немалом изумлении, держа в руках бланки приказов и какие-то схемы.

Потом настал черед старшего инженера-механика Политовского, которого озадачили срочным представлением таблиц остойчивости и строительной перегрузки для новых броненосцев, составлением графиков профилактической переборки главных механизмов, с целью поддержания их в максимально хорошем техническом состоянии для всех кораблей эскадры, в том числе и тех, что сейчас шли через Средиземное море. А также списка необходимых запасных частей и материалов, с учетом поломок, которые уже произошли. В срочном порядке ему было приказано разработать план мероприятий по максимальной разгрузке кораблей. При

¹ Специально приспособленные для погрузки угля прочные мешки, сшитые из двойной парусины и обшитые по краям тросами. Твердые, кубической формы. Стояли в трюме словно корзины, что позволяло насыпать в них уголь сразу трем грузчикам. Каждый мешок вмещал до семнадцати пудов угля (272 кг).

необходимости считалось возможным удаление части шлюпок и надстроек и даже некоторое ослабление вооружения, вплоть до снятия всех орудий калибром 37–47 миллиметров, пулеметов и минного оружия.

Еще не вышел от адмирала Политовский, а уже послали за инженером с «Камчатки», который получил, по прибытии, приказ разработать и изготовить дополнительную противосколочную защиту на смотровые щели рубок и амбразуры башен. Также нужно было установить на все корабли противосколочные экраны вокруг дымовых труб, хотя бы на высоту 6–7 футов от палубы. При этом, поставив задачу, адмирал вручил ошарашенному инженеру начерченные от руки предварительные эскизы всех этих изделий.

Наконец, последним в этот день к адмиралу был вызван флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий, с которым командующий до самой ночи обсуждал возможные варианты ускоренной подготовки комендоров. При этом на столе у него, среди прочих, лежала изданная во Владивостоке брошюра «Памятка для комендоров и прислуги орудий каждого калибра и их погребов». Эту книгу привез с собой Свенторжецкий с Дальнего Востока и уже давно передал для ознакомления Рожественскому вместе с другими работами офицеров дальневосточной эскадры, такими, как «Памятная книжка для патронных шестидюймовых орудий» лейтенанта Ф. Р. Скорупко с «Рюрика» и «Курс артиллерии для учеников комендоров» лейтенанта К. А. Плансона с «России». В суете подготовки эскадры к походу о них больше никто не заговаривал, но, как оказалось, Зиновий Петрович все же их внимательно изучал, судя по множеству закладок. В разговоре два артиллерийских офицера довольно быстро сошлись во мнении, что эти издания необходимо дополнить и улучшить.

Очень большой интерес у командующего вызвало упоминание о проведенной еще в 1900 году на крейсере «Россия» по инициативе лейтенанта В. Б. Корбера военно-морской игре. Основой для игры были разработки английского историка и теоретика, издателя известного ежегодного справочника кораблей Ф. Т. Джейна. Рожественский очень быстро ухватил суть этой игры, позволяющей достаточно точно моделировать любые боевые ситуации, и после полуторачасового обсуждения она была признана необходимой к внедрению на эскадре, причем в кратчайшие сроки, однако нуждалась в максимальном упрощении, чтобы иметь возможность проигрывать за два, максимум три часа несколько вариантов развития событий.

К лейтенанту Церетели тут же отправили нарочного с пакетом от адмирала, в котором было распоряжение собрать также все последние докладные записки по артиллерии и способам управления огнем, имеющиеся в МТК и ГМШ, и, кроме того, все сведения по проведенным где-либо штабным военно-морским играм. Для этой цели выдавалась приличная сумма из личных средств адмирала на телеграфные расходы. С этого дня жизнь на эскадре закипела. От сонной монотонности не осталось и следа. Работы хватало всем.

«Переболев», адмирал очень изменился. Причем изменился во всем. Если раньше он не доверял никому и ни в чем и абсолютно все волок сам, вникая порой в самые мелкие вопросы и потонув в бумагах, то теперь он спихнул всю канцелярию на Кржижановского и Максимова с писарями. Всю дипломатию и политику при решении проблем с местными властями в точках предполагаемых стоянок эскадры, заодно с вопросами снабжения кораблей всем необходимым для плавания поручил интенданту Витте, а сам целиком погрузился в боевую подготовку.

От его начинавшегося «угольного помешательства»² не осталось и следа. Теперь, согласно его новому приказу, грузить уголь сверх нормального запаса категорически запрещается.

² «Угольным помешательством» называли на эскадре стремление Рожественского максимально загрузить корабли углем. Так, при бункеровке в Танжере углем завалили бани команды, коридоры, часть котельных отделений и жилых палуб. Условия жизни при этом становились просто адскими, учитывая тропическую жару, неизбежную грязь и проникающую всюду угольную пыль.

лось, чтобы не усложнять условия обитаемости на кораблях. А продолжительность погрузки не должна была превышать шестнадцати часов (вместе с приборкой).

Теперь вместо перегрузки кораблей топливом уголь предписывалось всемерно экономить. Для чего следить за исправностью механизмов, избавить корабли от лишних грузов и очистить подводную часть корпуса от растительности. Но в то же время на условиях обитаемости команд эта экономия не должна была сказываться никоим образом.

В общении с офицерами он стал заметно мягче, лично спрашивая мнение младших офицеров штаба и флагманского броненосца по различным вопросам подготовки экипажей, спокойно их выслушивая и не принимая в штыки, активно участвуя в обсуждении. Не позволял себе больше резких жестов, в то же время требуя от подчиненных не тупого исполнения приказов, заставляя думать и высказывать свои соображения, пусть даже самые невероятные, непременно вникая во все детали.

Особенно показателен в этом отношении инцидент, произошедший между командующим и старшим инженером на следующий день после того самого первого совещания. Встретив Политовского утром на палубе, адмирал поинтересовался: «Какие соображения относительно разгрузки кораблей имеет господин инженер?» Будучи человеком гражданским, не связанным, в большой мере, рамками субординации, да еще и после ночи, проведенной в машинном отделении «Сисоя» за ремонтом донных помп, Политовский вскипел.

– Для выполнения ваших поручений необходимо провести кренование кораблей и массу сложных вычислений, с использованием данных, которые возможно получить лишь после множества промеров, невозможных в открытом море и на переходе, а вам потребно все и непременно сейчас!

Причем высказано это все было на повышенных тонах, почти на грани истерики. Офицеры, ставшие невольными свидетелями этой сцены, ожидали вспышки адмиральского гнева. Но вместо этого Зиновий Петрович бросил через плечо оказавшемуся рядом Максиму, чтобы тот сегодня же оформил приказ начальнику по тылу на всех стоянках и во время переходов оказывать всемерную поддержку машинным командам в выполнении неотложных работ, а пожеланиям старшего механика эскадры следовать неукоснительно. После чего пожал руку Политовскому, поблагодарив его за серьезное отношение к делу. При этом сказал, что в случае возникновения любых осложнений тот может в любое время обращаться за помощью хоть к нему, хоть к любому офицеру его штаба.

Поначалу некоторые новации Зиновия Петровича вызывали у офицеров усмешки. Так, например, он приказал корабельному плотнику изготовить из дерева модели кораблей своей эскадры и японского флота размером со спичечную коробку. Когда заказ был готов, он снова созвал штаб на совещание и предложил «поиграть в кораблики», при этом часть офицеров играла за русских, а часть за японцев. Отнесясь сначала к этому предложению как к розыгрышу, вскоре все втянулись в игру, обсуждая преимущества и недостатки построений и маневров. Совещание затянулось более чем на три часа, и никто уже не смеялся. Преимущества наглядности были слишком очевидны.

Начав учебу, два дня занимались исключительно теорией. Натаскивали сигнальщиков в чтении и передаче двухфлажных сигналов, офицеров и рулевых в правильности и четкости отдачи команд и их выполнении. Наконец на третий день попытались маневрировать всей эскадрой. Вышло отвратительно! Путались сигнальщики, ошибались командиры кораблей и рулевые матросы.

Так, при поднятии сигнала «Поворот все вдруг влево» «Бородино» пошел вслед за флагманом, чтобы повернуть последовательно, но затем, поняв свою ошибку, повернул влево и добавил ходу, чтобы догнать остальных, при этом едва не задел корму «Суворова». Перестроение в строй пеленга заняло больше получаса, при этом «Суворов» и «Александр III» столкнулись бортами, к счастью почти без повреждений. При развороте все вдруг на обратный курс

«Орел» повернул только на 90 градусов и выкатился из строя. Заметив это, шедший следом «Нахимов» тоже довернул в ту же сторону, а бывший впереди «Александр» после разворота чуть не уперся в борт «Орла» и был вынужден отвернуть ему за корму. В результате строй рассыпался и корабли сбились в бестолковую кучу.

Едва удалось восстановить строй, адмирал потребовал к себе всех рулевых, командиров и сигнальщиков. Эскадра продолжила следование южным курсом семиузловым ходом, а катера со всех кораблей свозили на флагманский броненосец повинных офицеров и матросов для экзекуции, как всем думалось, но оказалось – для экзамена и разъяснительной работы.

Как только все вызванные «на ковер» собрались, началось! Сначала самым дотошным образом офицеры адмиральского штаба опросили сигнальщиков на предмет знания двухфлажного сигнального свода, при этом одновременно проверялись рулевые, офицеры и матросы на знание и правильное исполнение команд, получаемых от флагмана. После чего сигнальщики, построенные на юте «Суворова» под наблюдением начальника штаба Клапье де Колонга должны были читать сигнал, поднятый на фалах флагманом, и передавать его своему командиру, а тот, в свою очередь, отдавал команды рулевым матросам, которые маневрировали на палубе юта, в строгом соответствии с полученными распоряжениями. Через полтора часа что-то начало получаться.

Устроили перерыв на обед, а после повторили все с самого начала, только маневры исполнялись уже на паровых катерах, в то время как эскадра легла в дрейф. На следующий день все повторилось снова, с той лишь разницей, что эскадра, в промежутках между катерными маневрами, шла временами всего на 5–6 узлах из-за аварий в машинах сначала «Бородино», потом «Нахимова». После повторили все с самого начала, только маневры исполнялись уже на паровых катерах, на палубе юта, а адмирал наблюдал за эволюциями катеров с марса грот-мачты, сбрасывая на палубу записки с командами, которые передавались сначала семафором или фонарем (по усмотрению Рожественского) на командирский мостик, а затем далее на «потешную эскадру», как её сразу же прозвали матросы. К вечеру второго дня маневров уже что-то стало получаться, хотя еще и случались накладки. К восьми часам вечера, передав семафором: «УЧИТЬ УРОК!», катера были отпущены по домам. В дальнейшем подобные маневры стали повторяться довольно часто, как только позволяла погода.

Не реже одного раза в неделю стали проводиться «ШТАБНЫЕ ИГРЫ» с непременным участием командиров кораблей и младших флагманов. При этом часть офицеров играла за японцев, а часть за русских, с использованием моделей, заказанных плотнику. Флоты расставлялись на здоровенном щите, расчерченном на квадраты. Каждая сторона квадрата принималась равной 5 кабельтовым. Этот щит, ввиду своих внушительных размеров, был собран в адмиральской столовой на обеденном столе. Модели кораблей передвигались специальными указками, сообразно скорости их хода. К каждой штабной игре командиры кораблей и офицеры штаба были обязаны разработать свои планы ведения боя с японским флотом, которые потом защищали на общем собрании. После чего жеребьевкой выбирались три из них, которые и разыгрывались на планшете, в случае если не было особо спорных вариантов.

После одной из таких игр командир эскадренного броненосца «Ослябя» предложил завести такие планшеты, только уменьшенные, чтобы помещались на стене, в боевых рубках каждого флагманского корабля, чтобы на них, хотя бы карандашом, отмечать реальную боевую обстановку, поскольку, по свидетельству капитана второго ранга Семенова, в бою из боевой рубки обзор весьма ограничен из-за дыма от собственной стрельбы, а еще больше от воздействия огня противника и вызванных им пожаров и разрушений, а на планшете, по докладам из башен и других наблюдательных постов корабля, можно будет все время видеть ход сражения.

Долго спорили о том, что не стоит усложнять простые вещи, и, в конце концов, решили обкатать идею на паровых катерах. Собрали японский флот и нашу эскадру. Дым решили имитировать кошмами, поднимаемыми у щелей боевой рубки. После двухчасового сражения рус-

ская эскадра оказалась разбита, а идея с планшетами прижилась, но при обязательном условии устройства надежной внутрикорабельной связи при помощи дополнительных телефонов с применением нескольких дублирующих линий. При этом единодушно было признано, что при достаточной выучке сигнальщиков и гальванеров, ответственных за связь, принимать решения, глядя на картинку на планшете, а не на эпизоды боя, видимые из рубки, гораздо проще и эффективнее, особенно если располагать информацией сразу с нескольких кораблей. Оставалось только добиться этой самой достаточной выучки. Катерные баталии теперь также стали регулярными.

Кроме практических навыков кораблевождения, была в этих «шлюпочных войнах», как называли эти уроки в командах, еще одна немаловажная положительная сторона. Экипажам, измотанным частыми угольными погрузками и интенсивной боевой подготовкой, требовался нормальный отдых с развлечениями, а лихие атаки катерных флотов были впечатляющим зрелищем, на которое собирались все свободные от вахты. Матросы и офицеры всей душой болели за «своих», а по пути дополнительно учились, читая сигналы, стараясь разгадать хитрые маневры наших и неприятеля. Из развлечений также был устроен праздник Нептуна при пересечении экватора.

Тяжелейшие условия плавания отнимали у людей очень много сил, поэтому, по приказу адмирала, на столе у нижних чинов появился никогда ранее не виданный ни на одном боевом корабле Российского императорского флота шоколад и какао, а также свежие фрукты. А в питьевую воду стали добавлять соль и разбавлять виноградным вином, из расчета одна бутылка вина на ведро воды, что вызвало резкое снижение расхода воды и заболеваемости в экипажах. Этому в немалой степени способствовало и ставшее теперь возможным поддержание должного порядка и чистоты на кораблях, не заваленных углем. Для этого приказано было воды не жалеть, а для экипажей устраивать баню не реже двух раз в неделю. Теперь для забора пресной воды на каждой стоянке использовались все подходящие ёмкости и цистерны, как на боевых кораблях, так и на транспортах.

Орудийная прислуга ежедневно отрабатывала зарядку орудий при максимальном темпе стрельбы, используя болванки, имитирующие снаряды, и заряды в их натуральную величину и с соответствующей массой, изготовленные из бракованных боеприпасов на «Камчатке». Большие сложности возникли при отработке этого норматива в башенных шестидюймовых установках. Во-первых, производительность системы подачи боеприпасов в принципе не могла обеспечить теоретические шесть выстрелов в минуту, даже если не принимать в расчет постоянное заедание норий, подающих снаряды в башни, и прочих механизмов по причине их неосвоенности и заводского брака. Во-вторых, в сложных системах зарядки орудий все время что-то обрывалось, загибалось, и максимальная скорострельность не превышала трети паспортной, и это в тепличных условиях, не в бою и при отсутствии качки!

По мере освоения артиллерийских установок, начали практиковаться и в стволиковых стрельбах сначала по неподвижным щитам, а затем и по буксируемым катерами на встречных и попутных курсах, а также на острых курсовых углах. Нарбатывались навыки по быстроте и точности горизонтальной и вертикальной наводки как палубных орудий, так и башен всех калибров. Адмирал Рожественский учредил на эскадре свой приз за лучшую стрельбу, в виде увольнения на берег при первой же возможности с денежной премией.

На подходах к бухте Грейт-Фиш-Бей состоялась проба американской запатентованной системы Спенсера – Миллера для погрузки угля с корабля на корабль в открытом море. Она представляла собой трос, натягиваемый между грот-мачтой броненосца и фок-мачтой угольщика, по которому на блоках перемещалась тележка с несколькими мешками угля, общим весом до тонны. Это устройство позволяло передавать до 30–50 тонн угля в час даже в довольно плохую погоду, когда использование корабельных плавсредств небезопасно, но требовало хороших навыков экипажа. Первый блин, как водится, вышел комом. Корабли, участ-

вовавшие в погрузке, плохо держали дистанцию и рыскали на курсе, трос то провисал, то, наоборот, натягивался струной. В результате сумели перегрузить за два с половиной часа лишь 8 тонн, после чего трос все же порвали, к счастью, никто не пострадал, а тележка, в этот момент, была на палубе флагманского броненосца.

Отложив погрузку до прихода в бухту, провели первые боевые стрельбы из всех калибров на дальностях от 25 до 60 кабельтовых с более чем скромными результатами. Можно сказать, что снаряды попросту выбросили в воду, так как выяснилось, что все дальномеры показывали разную дистанцию. Стрельбы немедленно прекратили и занялись калибровкой дальномеров. Крейсер «Аврора» отходил от эскадры на заданное расстояние, и по нему выставались приборы наводки на всех кораблях. Эту сложную и кропотливую работу закончили только к вечеру. С самого раннего утра на следующий день стрельбы повторили, но результаты были отвратительными. На больших дистанциях не добились ни одного попадания, зато на 15 кабельтовых комендоры шестидюймовок «Осляби» умудрились попасть в щит тремя снарядами из двадцати, при этом достигнув паспортных показателей скорострельности орудий, за что и получили первый приз.

После стрельб начались эволюции, причем здесь успехи были гораздо больше. Сумели обойтись без угрозы таранов, хотя четкости строя и быстроты перестроений добиться пока не удалось. Сказывались результаты катерных маневров. Сигналы и команды больше никто не путал, но каждый командир опасался своего соседа, потому и медлил с исполнением маневра. К семи часам вечера на флагманском «Суворове» был поднят сигнал: «АДМИРАЛ ИЗЪЯВЛЯЕТ СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ!», весьма удививший всех, ожидавших очередного нагоняя.

Теперь эскадра жила не пребывая в спячке от угольного аврала до следующей погрузки, а в постоянном движении, периодически прерываемом приемкой топлива. Расписание занятий с экипажами и офицерами командир кораблей еженедельно представляли на подпись Зиновию Петровичу, вносившему в них иногда поправки по результатам стрельб или контрольных тестов, проводимых офицерами его штаба. Несмотря на тяготы, недовольных почти не было. Все понимали, что не к теще на блины идут, и с усердием делали свое дело. Благодаря всему этому, эскадра постепенно, хотя еще и очень медленно, начала выходить из своего первоначального аморфного состояния и превращаться в организованную боевую силу.

Сильно задерживали движение частые поломки механизмов то на одном корабле, то на другом, иногда даже по три-четыре в день. Бедный старший механик Политовский метался по всем судам как водовоз на пожаре, умудряясь исправлять все в кратчайшие сроки, при этом еще и следя за соблюдением графика профилактических работ на главных механизмах, устраивая, по мере надобности, выволочки машинным командам. Чаше других ломались «Камчатка» и «Малайя», за что их все дружно материли и даже заключали пари по утрам, случится ли с ними сегодня какая-нибудь авария. Но по мере наработки опыта неисправности по вине экипажей случались все реже, а большую часть поломок удавалось чинить силами собственных машинных команд.

Помимо стрельб, ставших самым главным видом боевой подготовки, немалое внимание в обучении команд уделялось также и борьбе за живучесть судна, за чем командующий следил с особым вниманием.

После своего странного приступа он словно стал другим человеком, абсолютно перестав интересоваться показушными аспектами службы, зато в том, что касалось боевой подготовки и снабжения, был строг и категоричен. Его совершенно не интересовало, какими способами будут выполнены его приказы, порой находившиеся за гранью возможного. Он просто отдавал распоряжения и контролировал их исполнение. Чего стоил один шоколад для матросов! Витте буквально на пупе извернуться пришлось, но ведь обеспечил же!

Рождественский потребовал от старших механиков, чтобы любой матрос из машинной команды мог с закрытыми глазами подать пар из любого котла в своём отсеке, и дал пять дней

сроку. Справились! На «Суворове» проверял лично, спустившись в первую кочегарку и не обращая внимания на угольную пыль и прочую грязь, неизбежную в действующем котельном отделении. Увиденным остался доволен, приказав выдать сдавшим зачет кочегарам по чарке водки к ужину. На всех остальных кораблях такую проверку, за недостатком времени, поручил штабным офицерам.

Приказал, чтобы любой матрос из созданного по его приказу дивизиона живучести облазил все отсеки на корабле и мог показать их на чертеже с предложением вариантов прокладки рукавных линий для тушения пожаров, либо установки подкреплений переборок и горловин люков, для локализации затоплений. При этом трюмные офицеры должны были также предложить варианты перемещения грузов и контрзатоплений для выравнивания крена и дифферента. Через две недели флагманский инженер-механик Образцов доложил о достижении удовлетворительных результатов.

Приказал перебрать в погребах все боеприпасы от 75 миллиметров и выше, подогнать некондицию под стандарт либо выгрузить. Исполнили в течение восьми дней. Контролировали Свенторжецкий с Берсеневым лично, результаты немедленно доложили. Около пяти процентов боекомплекта оказались с браком. Их передали на транспорты, а в штаб была составлена депеша с требованием еще двух боекомплектов для всей эскадры.

Большими спорами сопровождалось распоряжение о снятии со всех крупных кораблей, включая и крейсера второго ранга, минного вооружения, но, будучи сам артиллерийским офицером, Зиновий Петрович сумел убедить и остальных, что в век скорострельной артиллерии мина и минный аппарат на артиллерийском корабле скорее лишний балласт и источник опасности, нежели грозное оружие. Ярким примером чему мог служить бой у Сантьяго-де-Куба, когда дважды взрывались минные аппараты на испанских броненосных крейсерах, причем для этого вовсе не требовалось прямого попадания в сам аппарат. В итоге Семенову была поставлена задача обеспечить демонтаж всех минных аппаратов, включая подводные, с попутной дефектовкой как самих самоходных мин, так и метательных зарядов к ним.

Приказ был выполнен через шесть дней. Сложные и громоздкие устройства разобрали буквально по винтику, на руках подняли на палубы и передали на транспорты, а освободившиеся помещения приспособили под временные дополнительные артиллерийские погреба. Ревизией были выявлены четыре бракованные мины, но неисправности удалось устранить. При этом на эскадре было целых восемь модификаций самодвижущихся мин системы Уайтхеда! Все с разными характеристиками. Когда об этом доложили командующему, он, грустно усмехнувшись, сказал, что не удивился бы, даже если оказались все шестнадцать модификаций, которые успели наплодить с 1886 года. Почти четверть метательных пороховых зарядов выбраковали по причине различных дефектов либо окончания сроков годности, а к депеше о боекомплекте добавился еще один пункт с заказом мин Уайтхеда, с обязательным требованием, чтобы они были самыми новыми, образца 1897 года.

Подготовленный Политовским график профилактических работ на главных механизмах соблюдался неукоснительно. Даже если для этого требовалось вывести из действия одну из машин или вовсе застопорить ход, командиры кораблей не решались спорить со старшим механиком, неожиданно для всех выбившимся в адмиральские фавориты, даже не имея никакого флотского чина и являясь, по сути, глубоко штатским человеком. Его квалификация ни у кого не вызывала ни малейшего сомнения, но преодолеть кастовый барьер, во многом, помогло именно столь внимательное отношение к нему самого Зиновия Петровича. Еще бы! Ведь лишь с ним одним командующий почти не спорил, легко соглашаясь с его предложениями.

Так, по его требованию были введены обязательные профилактические остановки по 4–5 часов через каждые три ходовых дня. Это, теоретически, задерживало продвижение к театру боевых действий, но позволяло корабельным механикам произвести необходимые ремонтные работы, не возможные на ходу, и перебрать механизмы до того, как они выйдут из строя.

Результат не заставил себя ждать. Теперь, по причине внезапных аварий, почти не останавливались и, несмотря на то, что шли по-прежнему на 6–7 узлах, среднесуточный пробег заметно увеличился, с лихвой покрыв потери от простоев, а уж о надежности и говорить не приходилось.

Представленную старшим инженером докладную записку, относительно потребных материалов и запасных частей, он даже, вопреки ожиданиям, расширил чуть ли не в два раза, потребовав взамен достижения всеми кораблями паспортной скорости хода на подходе к Японским островам, пусть даже с неполными запасами угля и котельной воды. А для разработки плана разгрузки кораблей был установлен крайний срок до 10 декабря.

Работы теперь хватало всем, даже с избытком. Но такой работе все были только рады и выполняли её с душой и огромным удовольствием. Деловые хлопоты не оставляли места для пустых переживаний и тоски. Коренным образом начали меняться и темы офицерских разговоров в кают-компаниях кораблей. Уже не звучал вопрос: «Куда идем? Зачем идем?» Цели были ясны, а поставленные задачи требовалось выполнять, причем в срок.

На подходе к бухте Ангра-Пекена снова занялись освоением американской перегрузочной системы. В этот раз уголь принимали все броненосцы. Транспорты, чьи командиры и рулевые побывали на ковре у адмирала после первой неудачной попытки, уже вполне сносно держали курс и скорость, лишь однажды макнув тележку в воду, но сноровки команды пока еще не хватало. За три часа удалось принять от 9 тонн на «Бородино» до 16 тонн на «Суворове», и все же это было признано удовлетворительным. Впредь такие учения решено было проводить не реже одного раза в неделю.

Затем провели практическую тренировку минеров в работе на радиостанциях, при этом удалось добиться устойчивой радиосвязи с крейсерами Энkvиста, удалившимися на 15 миль от эскадры. Затем провели стрельбы с использованием выверенных дальномеров. Удовлетворительным можно было назвать результат лишь у «Осляби», «Авроры» и «Нахимова», да и то лишь на дальностях до 25 кабельтовых. Дальше мазали абсолютно все.

Воспользовавшись разделением эскадры, провели учения по отражению минных атак. Роль миноносцев выполняли щиты, буксируемые крейсерами, заходившими сначала с носовых углов, потом с кормы, а затем с обоих бортов. При этом их скорость временами достигала 18 узлов. По щитам провели ствольные стрельбы и стрельбы из трехдюймовых палубных и казематных пушек, при этом расчеты бортовых башен новых броненосцев заряжали свои шестидюймовки тренировочными болванками, работая на максимальную скорострельность, а наводчики отслеживали цели через оптические прицелы.

В ходе учений выявился один очень неприятный момент. Оказалось, что на контркурсах, при взаимной скорости сближения более 25 узлов шестидюймовые башни в диапазоне дальностей менее 8 кабельтовых уже в 50 градусах от диаметра не успевают разворачиваться за целью. Снова ломались механизмы зарядания орудий, из-за чего порой в самый неподходящий момент в действии оставались одна-две башни на корабле. Зато маневры эскадрой стали заметно четче.

Сильно задерживало выполнение задуманного маневра довольно большое время передачи сигнала на все корабли отряда. Сигнальные флаги могло закрыть дымом, а в бою и сбить осколками, поэтому Рождественский предложил разработать, в дополнение к двухфлажному своду, еще и ракетный свод сигналов из одной, максимум двух ракет с разными цветами дыма. Такой сигнал, поданный с флагманского броненосца, будет хорошо заметен сразу со всех кораблей эскадры и позволит сократить время выполнения приказа и маневренность соединения в целом. Идея всем понравилась, и уже через день была реализована. Сначала новый свод ракетных сигналов обкатали на флагманском броненосце, пуская ракеты с кормового мостика и проверяя правильность чтения сигнальщиками, по ходу дела исправляя возникавшие накладки.

Затем его чистовой вариант размножили и передали для изучения на все корабли эскадры, дав два дня сроку, после чего планировалось проверить его для начала на катерах.

4 декабря, после выхода из бухты Ангра-Пекена, погода начала портиться. По распоряжению адмирала, подготовка к бою дополнилась подготовкой к шторму, часть занятий была отменена. Проверялось и перепроверялось рулевое управление, не однажды уже отказывавшее на всех кораблях, грузы, по возможности перемещались ниже ватерлинии и крепились по штормовому.

7 декабря повернули на северо-восток и вошли в Индийский океан. Погода стремительно ухудшалась. К рассвету крупная зыбь сменилась огромной попутной волной. Ветер порывами доходил до 9 баллов, а высота волн достигала 12 метров при длине в 110. Тяжелые корабли раскачивало и швыряло как щепки, так, что временами винты выскакивали из воды и сосовали воздух, вызывая перебои в работе машин. На следующий день шторм еще больше усилился, достигнув 11 баллов. Новейшие броненосцы прекрасно держались на волне, и их крен не превышал 12 градусов, в то время как на остальных кораблях доходил до 20–40. В то же время выяснилось, что вода проникала внутрь новых кораблей через плохо прочеканенный надводный борт и неплотно задраивающиеся иллюминаторы. Также не держали воду уплотнения палубных люков, причем эта беда наблюдалась на всех кораблях эскадры, вне зависимости от времени постройки и сроков службы.

9 декабря шторм, наконец, начал стихать, и вскоре ветер лишь порывами достигал 5–6 баллов. На следующее утро от шторма осталась лишь крупная зыбь, и раскиданные по морю транспорты начали собираться к эскадре. Проверка штормом показала хорошую мореходность и управляемость кораблей. На таком волнении удавалось держать дистанцию между броненосцами всего в два кабельтовых, причем поломок в машинах и руле не было. Это, несомненно, был хороший результат.

Дав командам отдохнуть до исхода 10 декабря, Зиновий Петрович передал распоряжение старшим механикам всех кораблей устранить выявленные штормом дефекты в кратчайшие сроки и принять все необходимые меры к восстановлению герметичности надводного борта. В обязательном порядке проверить опрессовкой все водонепроницаемые переборки. Об обнаруженных дефектах доложить после их устранения. Ответственным за это был назначен флагманский инженер-механик В. А. Образцов.

14 декабря на «Суворове» произошла серьезная авария – лопнул главный паропровод. При этом лишь благодаря выучке машинистов обошлось без жертв. Когда лопнула труба, они успели скрыться в угольной яме и задрать за собой люк. После того, как повреждение устранили, провентилировали отсек и спустились в него, чтобы вынести тела погибших, кочегары отдраили люк и выбрались наружу – к огромной радости пришедшей за ними похоронной команды, да и всего экипажа. За проявленную находчивость и профессионализм им была объявлена благодарность в адмиральском приказе, зачитанном на всех кораблях эскадры.

Наконец 16 декабря добрались до северного побережья Мадагаскара, где получили свежие газеты, наши и иностранные, из которых узнали, что первая тихоокеанская эскадра перестала существовать, «Громобой» разбился на камнях, Куропаткин отброшен к Мукдену, а падение Порт-Артура теперь лишь вопрос ближайшего времени. Эти новости повергли всех в шок. Теперь многим все казалось напрасным и безнадежным. Если первая эскадра, хорошо подготовленная и прекрасно знавшая театр боевых действий, погибла, так и не сумев существенно ослабить японский флот, то, что может сделать вторая эскадра, имея наспех достроенные корабли с расшатанными механизмами и кое-как обученные экипажи.

К тому же из Морского Генерального штаба пришла телеграмма, извещавшая, что французы отказались пускать наши корабли в Диего-Суарес, под давлением протестов Японии по поводу нарушения нейтралитета, к которым присоединилась также и Англия. И теперь, вместо хорошо оборудованного порта с нормальной ремонтной базой, где измотанные более чем двух-

месячным плаванием моряки могли бы полноценно отдохнуть, попутно подлатав свои корабли, русским эскадрам предстояло встретиться у острова Нуси-Бе на западном побережье Мадагаскара.

Кроме этой имелся также целый ворох телеграмм с уже привычными предупреждениями о возможных атаках японцев как с парусных шхун, с установленными на них торпедными аппаратами, так и крейсерами с минами, прошедшими якобы Малакский пролив в сопровождении отряда миноносцев. Сообщалось также, что отряд Фелькерзама стоит у Нуси-Бе с 15 декабря.

Русские корабли бросили якорь на внешнем рейде Диего-Суареса, чтобы дать командам небольшую передышку. Сигнальные вахты на всех кораблях, на всякий случай, были усилены, выставлены противоторпедные сети, а в море несли дозор, сменяя друг друга, «Аврора» и «Дмитрий Донской».

После двухдневной стоянки с увольнениями на берег приступили к погрузке угля. Приняли полный запас в угольные ямы кораблей, и загрузили трюмы транспортов под завязку, используя портовых грузчиков. После этого двинулись к Нуси-Бе, на соединение с Фелькерзамом. Принятый транспортом уголь (почти 30 000 тонн) адмирал объявил неприкосновенным запасом, очевидно, под влиянием постоянных жалоб тыловиков на трудности со снабжением и предвидя дальнейшие осложнения, по мере приближения к театру боевых действий.

Во время стоянки пришел «Алмаз», доставивший мичмана Церетели и точные сведения о месте стоянки отряда Фелькерзама. Планировалось, после объединения эскадр и переборки главных механизмов, дать несколько дней отдыха экипажам и немедленно двинуться во Владивосток, но эти планы были нарушены.

19 декабря была получена телеграмма из МГШ с предписанием дожидаться прибытия отправленного вдогонку нашей эскадре отряда капитана первого ранга Л. Ф. Добротворского в составе крейсеров «Олег», «Изумруд», «Рион», «Днепр» и нескольких миноносцев, застрявших по техническим причинам в бухте Суда на Крите. Кроме того, на Балтике заканчивалось формирование третьей тихоокеанской эскадры Н. И. Небогатова, состоящей из старого броненосца «Император Николай I» и трех броненосцев береговой обороны – «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин». Рождественскому запрещалось идти на Дальний Восток, не дождавшись этих подкреплений.

Причем из всех этих кораблей лишь крейсер первого ранга «Олег» и крейсер второго ранга «Изумруд» были действительно ценными боевыми единицами. Два остальных крейсера были переоборудованными скоростными пассажирскими судами со слабым вооружением, а броненосцы были тихоходными и устаревшими, со старой или неудачной артиллерией, уже изрядно расстрелянной за годы их службы в учебном отряде, и неважной мореходностью, то есть, скорее, явились бы обузой для эскадры, нежели ее серьезным усилением.

Не желая терять время, чтобы не дать японцам отремонтировать свой флот после длительной осады Порт-Артура, адмирал отправил в Петербург депешу, в которой объяснял свою позицию и сообщал, что выйдет, как только закончит переборку механизмов. На что в ответ получил очень резкую телеграмму с категорическим приказом ждать.

В ответ на телеграфный запрос о сроках прибытия транспорта со снарядами был получен ответ, что в ближайшее время он выслан быть не может. Не возымели никакого действия и телеграммы о том, что в результате учебных стрельб боезапас на некоторых кораблях сократился больше чем на треть, а часть имевшихся снарядов была с заводским дефектом.

В итоге телеграфная перепалка с Петербургом привела лишь к расширению задач для эскадры Рождественского. Теперь ей предписывалось, ни много ни мало, после получения всех подкреплений «завладеть господством над морем».

Пока адмирал воевал с начальством, его штаб внимательнейшим образом изучал доставленные мичманом Церетели сведения, касательно маневров Английского королевского флота, и все последние достижения в вопросах морской тактики. С особым вниманием прорабаты-

вался вопрос сосредоточенной стрельбы отрядом кораблей по одной цели, применительно к нашей эскадре. Уже к 25 декабря соображения по этому поводу были представлены Зиновию Петровичу, который к вечеру этого же дня одобрил проект в основных положениях, но рекомендовал доработать в области связи и передачи данных для стрельбы на другие корабли отряда.

На переходе вокруг Мадагаскара из Диего-Суареса к Нуси-Бе провели учебные стрельбы из всех калибров и маневры на больших ходах (до 15 узлов). Результаты были вполне приемлемыми, правда, снова на дальностях до 20–25 кабельтовых. На больших дистанциях точность стрельбы по-прежнему резко снижалась, так как выцеливать на глазок уже не получалось, а стрельба по данным, полученным от новых дальномеров, еще не была освоена в должной степени.

Зато детские болезни шестидюймовых башен удалось устранить совместными усилиями корабельных артиллеристов и инженеров с Балтийского завода, шедших с эскадрой. Теперь они выдавали аж до пяти выстрелов на ствол, правда, лишь до израсходования оборудованных в башне кранцев первых выстрелов (первые пять-шесть минут боя), после чего скорострельность снижалась до вполне приличных четырех выстрелов за минуту. Но зато этот темп теперь можно было держать, пока не кончатся снаряды в погребах.

Увеличения скорострельности удалось добиться благодаря изменениям в подаче снарядов. Были полностью убраны откидные лотки. Теперь снаряд из нории попадал на неподвижный лоток, откуда его забирал снарядный номер расчета башни. Это небольшое упрощение конструкции многократно повысило надежность всей установки³.

Башни главного калибра также подверглись небольшим доработкам, и теперь они исправно выдавали минимум два залпа за три минуты, без каких-либо заминок. Максимальным был результат носовой башни «Суворова», давшей три прицельных залпа за две с половиной минуты. Механику зарядки орудий отладили как часы, убрав механические прибойники и заменив их ручными. Это позволило отказаться от процедуры качания стволами при открывании и закрывании затвора.

Дело в том, что на русских тяжелых орудиях был установлен одноступенчатый шести-секторный затвор системы М. Ф. Розенберга, который можно было открывать только вручную, для чего нужно было сделать 27 полных оборотов тяжелым рычагом, на что требовалось не менее 20 секунд (это с хорошей выучкой расчетов). При этом орудие должно было иметь нулевой угол возвышения. После этого его ствол поднимали на семь градусов для заряжания (лишь при таком угле возможно было досылать снаряды и заряды с лотка в зарядную камору механическим прибойником), затем снова опускали орудие на ноль, для закрывания затвора, снова 20 секунд. И лишь после всех этих манипуляций придавали стволу нужный угол возвышения. Предпринятые меры существенно упростили заряжание орудий, кроме того, теперь зарядные картузы не рвались на лотке. Правда, для этого пришлось выполнить круглые вырезы диаметром 127 миллиметров в тыльной броне боевых отделений башен по направлению осей орудий при угле склонения минус 2 градуса (для удобства досылания вручную).

Кроме этого, в верхнем отделении подачной трубы каждой башни был оборудован перегрузочный пост на 20 снарядов, куда они должны были подаваться перед боем. Этот пост первой подачи обеспечивал зарядники боеприпасами, что позволяло увеличить скорость стрельбы на 20 секунд на каждый выстрел. Хорошей теперь считалась скорострельность главного калибра в один выстрел в минуту. Почти как у японцев.

Силами команд и корабельных мастерских емкость погребов главного калибра довели с исходных 324- 305-миллиметровых снарядов до 480! Правда, для размещения дополнительного числа полузарядов пришлось оборудовать в среднем 75-миллиметровом погребе запас-

³ Таким образом были доработаны установки однотипного броненосца «Слава» в ходе его службы.

ную двенадцатидюймовую крьюткамеру на 160 мест⁴. Трехдюймовые патроны перенесли в опустевший отсек подводных минных аппаратов у носовой башни главного калибра. Теперь их там помещалось даже на 20 процентов больше, чем изначально по проекту.

После того, как эти новшества прижились на «Суворовых», подобным образом должны были быть доработаны башни и погреба «Сисоя», «Осляби» и броненосцев береговой обороны, после соединения эскадр.

При маневрировании в ходе стрельб, даже при небольшой перекладке руля на океанской зыби, порты на нижней батарее палубе захлестывало волнами, так как они находились всего в двух с половиной метрах от поверхности воды. После учений Рожественский вызвал Политовского и потребовал срочного принятия мер, для устранения этого недостатка, на что старший механик невозмутимо ответил, что еще до выхода эскадры с Балтики, сразу после испытаний «Александра III», академик Крылов рассчитал максимальный ход, на котором возможна резкая перекладка руля, и ограничил его 11 узлами при спокойном море. При большей скорости хода, до начала циркуляции, нужно обязательно наглухо задраивать ставни артиллерийских портов в батарее палубе, и лишь после этого начинать маневр.

Спокойно выслушав этот доклад, командующий сказал, что об этом всем ему было известно еще до выхода эскадры с Балтики. Что он сам лично предлагал заделать порты в нижней батарее броней наглухо, а пушки перенести на мостики, заменив ими 47-миллиметровую артиллерию с соответствующими подкреплениями, но великий князь Алексей Александрович приказал «оставить батарею там, где она есть». А приказы столь высокого начальства не обсуждают.

Однако теперь на второй эскадре Тихого океана нет начальника выше, чем Рожественский, а он считает, что для пользы дела необходимо убрать орудия из батареи, и потому приказывает перенести все пушки из батарее палубы на верхнюю, с обеспечением максимальных углов обстрела под его личную ответственность. Открывшего было рот для возражений Политовского остановил жестом руки, сказав с нажимом: «Подумайте, как это лучше сделать! Пусть не все, но не менее восьми стволов на местах 47-миллиметровок между шестидюймовыми башнями. Так будет меньше переделок. Я знаю, вы справитесь!»⁵

27 декабря на горизонте показались вершины вулканических пиков, покрывавших остров Нуси-Бе, а вскоре показался и весь остров. Обойдя его с юга, эскадра вошла в пролив, отделяющий его от Мадагаскара. Ширина этого пролива достигала в южной части 15 миль, несколько уменьшаясь к северу. Северный выход, перегороженный множеством скал и подводных камней, был не пригоден для судоходства крупных судов, но эти скалы обеспечивали надежную защиту от ветров и образовывали закрытый рейд. Большая ширина пролива позволяла разместить все корабли и транспорты вне трехмильной зоны территориальных вод, что не нарушало нейтралитета Франции.

Наша эскадра прошла вдоль строя кораблей отряда Фелькерзама, на которых в парадном строю стояли команды и гремели оркестры. Войдя в глубь пролива, адмирал развернул «Суворова» на обратный курс, приказал построить экипаж на юте и вызвать оркестр. Вслед за флагманом на обратный курс легли все наши корабли и, пройдя снова вдоль рейда, приветствовали своих товарищей троекратным «ура» под звуки корабельных оркестров, а затем встали на якорь рядом. Получилось очень торжественно и красиво.

После объединения эскадр у Нуси-Бе состоялось совещание штаба и командиров кораблей. Старший и флагманский механики получили задание осмотреть механизмы кораблей отряда Фелькерзама, а также обучить их механиков всем новшествам, появившимся на эскадре. Флагманский артиллерист должен был в течение недели наладить на должном уровне

⁴ В 1915 году эти работы провели на броненосце «Слава» силами экипажа и судовыми средствами.

⁵ В ходе службы броненосца «Слава» средняя батарея была все же ликвидирована, а ее орудийные порты заделаны броней.

артиллерийскую подготовку, а флагманский инженер-механик Образцов, попутно, обеспечить подготовку трюмных механиков и команд борьбы за живучесть.

К концу декабря были получены сведения, что 26 декабря отряд Добротворского вышел с Крита. По всему выходило, что они успеют прийти на рейд Нуси-Бе до выхода эскадры, так как на «Бородино» все еще продолжались работы в машинном отделении. Вообще, машины этого броненосца доставляли больше всего хлопот на переходе. Будучи изготовленными на Франко-русском заводе, в отличие от механизмов Балтийского завода остальных «Суворовых», они отличались худшим качеством и низкой надежностью, но флагманский механик и старший механик корабля В. С. Рябин ручались, что смогут исправить все заводские дефекты в походных условиях, пусть даже если им придется для этого заменить цилиндры главных машин.

В канун Нового года, совершенно неожиданно, немцы отказались снабжать эскадру углем далее Мадагаскара, ссылаясь на то, что японцы пригрозили топить их угольщики, если они двинутся за русскими дальше. Это известие вызвало просто ярость Рожественского. Последние события и переписка с генштабом здорово расшатала его нервы. Скомкав и выбросив злощастную телеграмму, он удалился к себе в каюту и не выходил оттуда до обеда, а в два часа пополудни 31 января, в канун Нового года, созвал экстренное совещание штаба.

Собрав всех командиров и флагманов, адмирал снова занялся согласованием вопросов связи, нажимая на то, что главное в бою не потерять организованности и не дать себя бить по частям, в то же время всячески стараясь подловить и уничтожить отдельные отряды противника. Лучшим моментом для этого будут первые часы встречи флотов, когда адмирал Того будет нащупывать нашу эскадру, высылая вперед свою разведку. В этой связи нашими задачами являются недопущение обнаружения наших главных сил разведкой японцев и скорейшее окружение и уничтожение их дозоров. Штабу поручалось проработать варианты построения эскадры, наиболее подходящие для выполнения этих задач, а также варианты быстрого пополнения запасов и исправления повреждений у вражеских берегов прямо в море, либо в подходящей бухте.

Были также согласованы основные направления дальнейшей боевой подготовки, а, кроме того, план проведения ремонтных работ и мероприятий по разгрузке кораблей. Представленный Политовским проект позволял облегчить броненосцы на 400–480 тонн, что вызвало жаркие споры. Поначалу многие не соглашались с необходимостью демонтажа легких орудий, части шлюпок и шлюпбалок, а также минного вооружения и противоминных сетей с крупных кораблей. Но Рожественский провел это решение в приказном порядке и пошел еще дальше, так как предложенный вариант не покрывал строительной перегрузки 600–800 тонн на корабль. Он «предложил» командирам и корабельным механикам подумать над этим вопросом и дал на это две недели, с условием предоставления, по истечении отпущенного времени, готовых к реализации усилиями экипажей и плавмастерской предложений. Далее обсудили еще ряд вопросов по артиллерийской подготовке и по снабжению и в седьмом часу разошлись.

После чего, наскоро перекусив, командующий провел адмиральский смотр вверенной ему эскадры, обращая особое внимание на механизмы кораблей, проверив кочегарки и машинные отделения. Испачкав при этом свой китель и брюки в машинной смазке и угольной пыли, он, тем не менее, самым дотошным образом проверял качество выполненных работ и очень внимательно выслушивал доклады машинистов и механиков, делая пометки в своём блокноте.

Все без исключения, как офицеры, так и матросы, обращали внимание на болезненный вид Зиновия Петровича, буквально посеревшего лицом, и на его покрасневшие от недосыпа глаза. Поэтому ни у кого не вызвало удивления, что через несколько дней после празднования Нового года, с отведенными на это двумя выходными днями, по эскадре пронесся слух, что адмирал болен и не выходит из каюты.

Глава 3

На самом же деле еще 1 января, сразу же по окончании новогоднего фуршета, командующий второй тихоокеанской эскадрой Российского императорского флота вице-адмирал Зиновий Петрович Рожественский инкогнито отбыл на практически не имеющем боевой ценности, но зато новом и быстроходном, крейсере «Алмаз» в Севастополь, рассчитывая там добыть недостающие боеприпасы, запчасти и материалы. Предварительно крейсер-яхту превратили просто в яхту, полностью сняв с него чисто символическое вооружение, чтобы беспрепятственно пройти Босфор.

Прибыв в главную базу Черноморского флота 9 января, Рожественский, в обстановке строжайшей секретности, встретился в офицерском собрании с морским министром, генерал-адмиралом и вице-адмиралом Ф. К. Авеланом, и вице-адмиралом Н. И. Скрыдловым, прибывшими туда по вызову, отправленному Зиновием Петровичем в секретной депеше из Порт-Саида. На этом совещании присутствовал также адмирал Г. П. Чухнин, главный командир Севастопольского порта.

После состоявшихся более чем пятичасовых переговоров было получено разрешение на получение из арсеналов Севастопольской базы и с боевых кораблей Черноморского флота необходимого количества боеприпасов, даже почти всех имевшихся на Черном море торпед модели 1897 года, что, правда, составило лишь две трети от запрошенного количества. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что еще до отбытия с эскадры Зиновий Петрович, посоветовавшись со штабом, увеличил все цифры в заявках в полтора или даже два раза исходя из соображений «проси два, дадут хотя бы один».

Из общего списка потребных боеприпасов, материалов и запчастей в 32 листа в итоге удалось отоварить целых семь. Причем боеприпасы были получены почти в полном объеме, включая новые фугасные 254-миллиметровые снаряды, того же типа, что были в боекомплекте броненосцев типа «Победа» в Порт-Артуре, и старые «тяжелые» снаряды шести-, восьми-, девяти- и двенадцатидюймового калибров⁶. Мастерские Севастопольского порта получили срочный заказ на изготовление необходимых деталей для механизмов и артиллерии. Кроме того, тихоокеанской эскадре передавались, в качестве ремкомплекта, детали главных машин и котлов недостроенного крейсера «Очаков», однотипного с «Олегом», строившегося в Лазаревском адмиралтействе в Севастополе. А также 8 шестидюймовых и 12 трехдюймовых орудий с него и 12 пушек Кане калибром 120 миллиметров и 8 пушек – 75 миллиметров с береговых батарей. Кроме этого, угольники, профили, шинки, листовая сталь в ассортименте, заклёпки и даже 6 пневмомолотов, 4 сверлильные пневмомашин и компрессор со всем необходимым оборудованием. Для нужд второй эскадры Тихого океана из запасов Черноморского флота выделялось 35 000 тонн первоклассного донецкого угля. В получении добровольцев, особенно опытных комендоров из экипажей кораблей было отказано из соображений секретности.

Протащить снаряды и запчасти через Босфор, чтобы об этом не узнали англичане и не арестовали, как военную контрабанду, уже было большой проблемой, так что Зиновий Петрович вынужден был согласиться отправить моряков во Владивосток по железной дороге. Но зато удалось добиться найма (за хорошую плату плюс командировочные) для нужд эскадры 300 грузчиков и быстроходного пассажирского парохода для их доставки и обеспечения нормальных условий жизни. А из мастерских Лазаревского адмиралтейства на Дальний Восток было решено отправить часть оборудования и запчастей для обеспечения ремонта современ-

⁶ До 1887 года на вооружении состояли так называемые «тяжелые» снаряды, имевшие большую массу при том же калибре. Применение «легких» снарядов теоретически должно было обеспечить более настильную траекторию на считавшихся тогда вероятными дистанциях боя до 25 кабельтовых и соответственно большую точность стрельбы. Фактически выигрыш в точности был небольшим, а бронепробиваемость на расстояниях свыше двух миль быстро падала.

ных скорострельных орудий. Было просто удивительно, что до сих пор во Владивостоке, в единственной оставшейся дальневосточной базе России было невозможно в полной мере производить восстановление современных орудий после боевых повреждений.

Также были согласованы вопросы, касавшиеся присоединения владивостокских крейсеров ко второй эскадре. Были определены четыре условные точки рандеву и кодовые телеграммы, определявшие время и маршруты следования. Для усиления ремонтных возможностей Владивостока туда должны были отправить 500 высококвалифицированных мастеровых с оборудованием и расходными материалами из европейской части России.

Кроме того, по требованию Рожественского, туда же незамедлительно следовало отправить весь воздухоплавательный парк с вспомогательного крейсера «Русь» во главе с лейтенантом Большовым, лично комплектовавшим его и являвшимся лучшим специалистом в деле морского воздухоплавания не только в России, но, пожалуй, даже и в мире⁷, а также новейшие трехдюймовые шрапнельные снаряды, только что принятые на вооружение⁸.

Авелан, должно быть, помня о пророческом письме Макарова, полученном накануне внезапного нападения японских миноносцев на порт-артурскую эскадру⁹, быстро соглашался с доводами Рожественского, отчаянно торгуясь, однако, по каждому пункту.

Для срочной доставки к эскадре всех необходимых грузов было решено использовать быстроходные транспорты «Березань» и «Днестр», служившие учебными кораблями. Параллельно с погрузочными работами с них было снято все вооружение для беспрепятственного преодоления турецких проливов. К 20 января их погрузка была закончена, и они немедленно двинулись в Нуси-Бе. «Алмаз» на последнем переходе большую часть пути шел на больших ходах и совершенно расшатал свои машины и посадил котлы, поэтому его пришлось оставить, и к своей эскадре Рожественский возвращался как купец, а не как адмирал. За ним следом шли еще шесть угольщиков, имевших предписание ждать в Шанхае и подчиняться лишь распоряжениям самого командующего второй тихоокеанской эскадрой¹⁰.

Несмотря на соблюдение всех предосторожностей, англичане, хоть и с опозданием, узнали об отправке боеприпасов из Севастополя. Форсировавшие проливы на двое суток позже угольные транспорты были остановлены их крейсерами и отпущены только после тщательнейшего досмотра, продолжавшегося больше трех суток. За это время Рожественский уже прошел Суэцкий канал и вышел в Красное море. 4 февраля оба ведомых им транспорта благополучно соединились с эскадрой, а произошло это при следующих обстоятельствах.

Корабли приближались к стоянке русского флота на рассвете, держа полный ход. Не дойдя до рейда около пяти миль, транспорты были встречены двумя дозорными катерами,

⁷ Со второй тихоокеанской эскадрой должен был идти крейсер-аэростатоносец «Русь», перестроенный из германского парохода «Лахн». На эти работы граф С. А. Строганов пожертвовал полтора миллиона рублей золотом. На «Русь» установили все самое современное оборудование. Он должен был нести вооружение из четырех змейковых аэростатов системы Персиваль, одного сферического шара для свободных полетов, четыре сигнальных аэростата для радиоантенн и комплект воздушных змеев для подъема наблюдателя. Водород вырабатывали три установки электролиза. Но главным был ангар, где хранились уже готовые к запуску аэростаты. Ремонтировали и перестраивали крейсер в Дании под руководством Инсена. Но когда, уже в Либаве, устанавливали вооружение, выяснилось, что котлы и машины даже не чистили, хотя по бумагам значилось, что они отремонтированы. В результате крейсер не смог отправиться с Рожественским. Его спешно отремонтировали и подготовили к выходу с Небогатовым, но почти сразу потекли холодильники, а в фундаментах главных машин появились трещины. Крейсер так и остался на Балтике, а после войны пошел на слом.

⁸ В январе 1905 года на вооружение русского флота был принят 75-миллиметровый шрапнельный снаряд, начиненный 184 стальными пулями диаметром 12,7 мм. Дистанционный взрыватель (трубка) обеспечивал задержку до 22 с, что давало максимальную дальность в пределах 6,4 км.

⁹ Имеется в виду письмо Макарова, написанное им накануне атаки Порт-Артура японцами, в котором он указывал на уязвимость эскадры на внешнем рейде и неготовность к войне.

¹⁰ Фактически, в настоящей истории, с Черного моря ничего не доставляли, а пополнения боезапаса и необходимые для ремонта механизмов материалы так и не были получены. Уголь доставляли только пароходы Гамбургско-Американской компании.

передавшими фонарем требование изменить курс или остановиться для досмотра. То ли их сигнал не был замечен, то ли его попросту проигнорировали, – шутка ли, адмирал на борту, – в общем, эту мелочь даже не удостоили ответом.

Но катерники были настроены весьма решительно. Прежде чем оба транспорта проскочили мимо, с катеров грохнули предупредительные выстрелы боевыми снарядами под нос, для убедительности усиленные короткой пулеметной очередью в воздух. Одновременно был передан сигнал: «Остановитесь, или будете потоплены!» Перепуганные пароходы тут же застопорили машины, а катера приблизились к ним. Причем первый катер сразу же подошел к головному транспорту и высадил на него офицера и двух матросов с карабинами, тут же отвалив от борта и наведя свою пушчонку и пулемет на мостик, в то время как второй занял позицию в полукабельтове и держал транспорт на прицеле минного аппарата, 47-миллиметровой пушки и пулемета. При этом матросы имели самый невозмутимый и решительный вид, абсолютно не обращая внимания на отборные матюги, сыпавшиеся с палуб кораблей, и поднятый на головном транспорте, после суетливых поисков, сигнал «имею на борту адмирала».

Лишь после того, как поднявшийся на палубу головного транспорта офицер передал условный сигнал и приказ «подойти к борту ближе», катера осторожно приблизились и остановились метрах в тридцати, подрабатывая машинами и по-прежнему не сводя с надстройки стволы пушек и пулеметов.

В этот момент на крыле ходового мостика показался сначала катерный офицер, а сразу же за ним вышел сам **ВИЦЕ-АДМИРАЛ РОЖЕСТВЕНСКИЙ**. Его высокую худошавую фигуру все узнали сразу. На лице не было и следа от той болезненности, что запомнилась всем после последнего адмиральского смотра.

Матросы, при столь неожиданном появлении своего командующего, отскочили от пушек как черт от ладана и вытянулись во фронт. Зиновий Петрович оглядел оба катера, бросил взгляд в сторону нашей якорной стоянки, откуда уже спешили два дежурных миноносца с «Жемчугом» во главе, после чего взял под козырек и сказал через мегафон, чтобы всем слышно было: «Благодарю за службу!»

С катеров грянул нестройный ответ еще не пришедших в себя матросов. После чего, забрав досмотровую партию, катера вернулись к патрулированию, а транспорты, передав по беспроводному телеграфу и фонарем личный позывной Рождественского, двинулись к рейду.

Пожилый комендор с «Осляби», приписанный к одному из катеров, сказал, блеснув знанием светской жизни:

– Должно, в санаторию ездил! – И кивнул в сторону удаляющихся транспортов. – Вишь как помолодел-то! – И вытер рукавом форменки крупные капли пота со лба.

На эскадре командующего ждал приятный сюрприз. За время его черноморского вояжа все недоразумения с Гамбургско-Американской компанией были разрешены усилиями чиновников из Петербурга, и теперь её угольщикам предписывалось сопровождать эскадру, подчиняясь всем требованиям Зиновия Петровича Рождественского. Кроме того, отряд Добротворского уже присоединился к эскадре и включился в полной мере в боевую подготовку. По старому знакомству¹¹, Рождественский пригласил капитана первого ранга Добротворского к себе на ужин, где тот предоставил ему собственные планы построения эскадры в бою.

На следующий день, после прибытия, командующий заслушивал доклад штаба и флагманов о проделанной в его отсутствие работе. Все было в порядке. Никаких происшествий не случилось. Учеба экипажей и офицеров шла по утвержденному расписанию. Ремонт машины на «Бородино» закончили две недели назад и провели ходовые испытания. При этом броненосец разогнался до 17 узлов, имея на борту полный запас угля и воды. И это, по утверждению стармеха броненосца, был не предел. Просто побоялись посадить машины раньше времени.

¹¹ Добротворский служил старшим помощником на крейсере «Владимир Мономах», когда им командовал Рождественский.

Судя по запасу пара, можно было выжать еще с полузла, а то и больше. За месяц с небольшим корабль шесть раз выходил в море на маневры с обязательными стрельбами¹². Дважды практиковались в централизованной стрельбе отрядами на дальность до 50 кабельтовых, но хорошими результаты этих стрельб назвать пока было нельзя. Несмотря на полигонные условия, очень быстро терялась пристрелка при движении кораблей, кроме того, требовалось вести отряд плотно сомкнутым строем, что пока еще не удавалось.

Трижды были проведены и ночные стрельбы. Причем первые закончились очень быстро, так как выяснилось, что вспышки выстрелов крупнее 75 миллиметров слепят всех, кто находится на палубе, и о прицельной стрельбе уже не может быть и речи. Тогда кто-то из молодых лейтенантов полушутя предложил закрывать глаза при выстреле, что и было опробовано на следующую ночь. Стреляли только залпами по сигналу корабельной сирены, плотно зажимаясь. В результате удавалось даже различать всплески падений своих снарядов при рассеянном свете звезд и малой луны. Хотя, конечно, своя специфика у ночного прицеливания была.

Оптические прицелы системы Перепелкина удавалось использовать лишь при хорошей освещенности целей прожекторами и только после грубой наводки по мушке. При поиске прожектором атакующих миноносцев во время одной из учебных атак очень кстати, хотя и совершенно случайно, силуэты эсминцев обозначились на фоне сигнальных ракет катеров, проводивших свои учения неподалеку. Это взяли на заметку и разработали «методику подсветки с тыла».

Выслушав артиллеристов, Рождественский положил на стол свою папку и достал из нее пачку листов, напечатанных на машинке, на многих были какие-то схемы. Невольно установилась абсолютная тишина. Все ждали пояснений, что за сюрприз приготовил командующий на этот раз. Но адмирал был предельно краток, сказав:

– Вот здесь изложены новейшие принципы пристрелки на большой дальности «уступом», «струей», «по знакам падения снарядов» и много еще полезного и нового. Это все разрабатывалось нашими офицерами, начиная с 1901 года. В третьем году работа была закончена, но до флота так и не дошла до сих пор, по непонятным для меня причинам. Думаю, что нам будет весьма полезно с этим ознакомиться и освоить, если успеем.

После чего он передал папку Берсеневу и продолжил заслушивание докладов.

При отработке торпедных атак с использованием мин с учебной боевой частью выяснилось, что мощности метательного заряда недостаточно для гарантированного безопасного выхода торпеды из аппарата. Были случаи неполного её выхода из торпедной трубы, либо при выстреле с недостаточной скоростью – касания борта стрелявшего корабля и повреждения винторулевой группы. Для устранения этого недостатка флагманским минером П. П. Македонским было принято решение, в опытном порядке, увеличить массу порохового заряда сначала на пять, а потом на десять процентов. По окончании пробных стрельб – и после тщательнейшего осмотра – деформаций труб минных аппаратов, повреждения хвостовой части мин и каких-либо других повреждений на подопытном «Громком» обнаружено не было. Исходя из результатов опытных стрельб, решили усилить все пороховые заряды. Теперь все метательные торпедные заряды на эскадре были «усиленного типа» и с этой проблемой больше не сталкивались.

В ходе учений было потеряно почти четверть имевшихся на эскадре мин Уайтхеда. Несмотря на слежение за ними с паровых катеров, шлюпок и даже поиск водолазами, когда позволяли глубины. Некоторые не всплывали вовсе, после выработки топлива, другие всплывали, но успевали затонуть из-за каких-либо дефектов, до того как их выловят, а некоторые зарывались в ил сразу после выстрела при стрельбе на мелководье. Результатом этих потерь

¹² За время стоянки у Мадагаскара учений почти не было. Перебрали механизмы, очистили подводные части, но отдыха для экипажей не получилось из-за тяжелых условий жизни на заваленных углем кораблях и изнуряющей жары.

стало увеличение вероятности поражения неподвижной цели при стрельбе на ходу до 25 узлов с 2–3 кабельтовых, с исходных трех процентов до вполне приличных двадцати пяти. Ожидаемого нагоня за утрату казенного имущества не последовало.

Кроме того, были предложены варианты предварительных расчетов упреждения при стрельбе по движущейся цели по схеме торпедного треугольника, исходя из длины корпуса атакуемого корабля, и несколько новых способов торпедной стрельбы¹³. Больше всего заинтересовали залповая поотрядная стрельба и стрельба «веером». Хотя поначалу не у всех укладывалось в голове, как можно за раз выстрелить сразу десяток мин, каждая из которых стоит не одну тысячу рублей. Но прикинув, что таким образом можно в разы увеличить вероятность попадания, а следовательно, и потопления вражеского корабля, вплоть до броненосца, который стоит уже миллионы, да к тому же вырисовывается экономия в виде не гибнущих под кинжальным огнем в упор наших миноносцев, финансовую часть этого вопроса закрыли раз и навсегда. Тут же принялись чертить на бумаге возможные схемы и бурно обсуждать, но Рождественский вынужден был прервать диспут, поручив минерам проработать всесторонне этот вопрос к завтрашнему дню, а командирам кораблей предоставить варианты маневров уклонения от самодвижущихся мин и минных атак, исходя из фактической маневренности своих кораблей¹⁴.

Далее флагманы подробно доложили о работах по усовершенствованию внутрикорабельной и внутриэскадренной связи, о прокладке бронированных телефонных линий к башням и казематам и другим новым боевым постам и об «обкатке» этих линий на последних маневрах эскадры. Были предложены меры по устранению возникавшей, из-за чрезмерного обилия докладов, путаницы, которые планировалось проверить в деле при следующем выходе в море.

С особым вниманием командующий выслушал доклад о состоянии главных механизмов. Переборка машин на всех кораблях была уже закончена. Машины на пробах работали хорошо. Провели также щелочение котлов, осмотр и очистку подводных частей водолазами.

Разгрузочные работы уже почти закончили, сняв со всех кораблей, не считая вспомогательные крейсера, артиллерию менее 75 миллиметров, противоминные сети и все оборудование для их постановки, существенно упростили и облегчили рангоут. На «Наварине» и «Нахимове» провели большую работу по удалению дерева из внутренней отделки помещений и палуб. А в батареях установили траверзы из котельного железа, изолировавшие орудия друг от друга. Заменить старые 152-миллиметровые пушки с картузным зарядением на скорострельные в походных условиях не представлялось возможным, поэтому от этой идеи пришлось отказаться¹⁵.

Шикарные боевые марсы «Наварина» и «Осляби» были урезаны до небольших, но зато блиндированных, наблюдательных рубок, поднятых намного выше. В них могли разместиться два артиллерийских офицера и корректировать огонь, одновременно отслеживая окружающую обстановку и докладывая обо всем по телефону в боевую рубку. Защита из котельного железа толщиной в полдюйма от прямого попадания, конечно, не спасет, но от осколков прикроет надежно. Изнутри наблюдательные рубки обшили войлоком, для лучшей акустики, так как на первых учениях с их использованием – из-за стального гула от вибрации корабля на ходу и собственной стрельбы – доклады артиллерийских наблюдателей невозможно было разобрать.

Также, исходя из опыта учебных стрельб, каждую артиллерийскую рубку оборудовали самодельным курсовым указателем и подняли туда по одному дальномеру из боевой рубки.

¹³ При стрельбе торпедами в то время применялась стрельба одной торпедой. Залповых стрельб не было. Прицеливание производилось в середину корпуса корабля неприятеля. Поправки на скорость почти не учитывались, поэтому вероятность попадания была небольшой.

¹⁴ Подобный принцип торпедной стрельбы прорабатывался в русском флоте с начала XX века, а практически был применен в годы Первой мировой войны.

¹⁵ На броненосце «Наварин» стояли устаревшие нескорострельные орудия, а башни главного калибра не были полностью уравновешены, в результате чего при их развороте образовывался небольшой крен на стреляющий борт.

Это позволило управлять огнем напрямую из неё и существенно повысило эффективность всей схемы управления огнем, особенно на большие дальности и при штормовой погоде со свежим ветром, когда брызги от разбивавшихся о борта волн долетали до мостиков и заливали оптику дальномеров и прицелы орудий. Подобные рубки, вместо уже разобранных марсов, изготавливались на «Камчатке» и для всех других кораблей.

Вокруг дымовых труб установили экраны высотой два метра над палубой, изготовленные из полудюймового котельного железа. У амбразур башен и щелей боевых рубок появилась дополнительная противоосколочная защита, также снабженная асбестово-войлочными негорючими вставками, для улавливания мелких осколков и недопущения их рикошета внутрь защищаемых помещений. Зиновий Петрович горячо одобрил доработку, пожелав непременно узнать имя автора идеи и пообещав наградить его, насколько это в его власти.

Далее капитан второго ранга Семенов доложил о катерных учениях, отработке атак флота минными катерами в темное время суток, об охране рейда минными и артиллерийскими катерами, введенной сразу после отбытия Рождественского. В эффективности этих дозоров убедиться адмиралу довелось лично.

Впрочем, такая встреча, судя по всему, его обрадовала. Он поблагодарил Семенова за хорошую организацию дозорной службы. Но отметил, что на такой жаре парусиновые тенты, натянутые над палубами катеров, заметно облегчили бы матросам несение службы. Потом потребовал представить ему списки экипажей катеров, что перехватили его на подходах к стоянке эскадры, и наградить каждого матроса денежной премией в размере 10 рублей золотом из его собственных средств с объявлением благодарности в приказе по эскадре «за правильные и решительные действия при несении дозорной службы!». А офицерам занести благодарность с той же формулировкой в личные дела.

Потом адмирал заслушал доклад о проведенных учениях по тралению и даже высадке десанта на необорудованный берег в дневное и ночное время. О перевооружении больших минных катеров 47-миллиметровками и пулеметами вместо прежних устаревших 37-миллиметровых пушек. Проводились также тренировки экипажей катеров с задачей ходить в темноте у незнакомого берега, удерживать назначенную позицию или район патрулирования ночью по компасу и счислению при невидимых береговых и прочих ориентирах. В ходе учений два катера получили повреждения и находились сейчас в ремонте, а один разбился на камнях и восстановлению не подлежал.

Командующий обозом, капитан первого ранга О. Л. Радлов доложил о разработанном им и одобренном штабом плане развертывания временного пункта базирования эскадры в любой подходящей гавани. Планом предусматривалось быстрая обвеховка места стоянки, развертывание катерных дозоров и даже, при необходимости, береговых батарей из десантных пушек и пулеметов, списанных с кораблей на транспорты. При этом были составлены несколько вариантов графика бункеровки кораблей, в зависимости от обстановки, позволявшие сократить время приемки грузов чуть ли не в два раза. Для чего на приданных эскадре транспортах с неприкосновенным запасом угля были сделаны соответствующие доработки в грузовом рангоуте. Тренировки по развертыванию базы проводились регулярно.

Следующим вопросом было обеспечение возможности увеличения боезапаса за счет освободившихся отсеков подводных минных аппаратов и минных погребов, а также погребов 37- и 47-миллиметровых патронов с соответствующим их переоборудованием силами экипажей кораблей. Было признано необходимым изыскать возможности для увеличения боекомплекта главного калибра броненосцев отряда Фелькерзама как минимум на 10–15 процентов, а также для доработки их башен по образцу «Суворовых».

После был составлен примерный план дальнейших учений, включавший в себя отработку новых способов торпедных атак, атак в ночное и дневное время отдельных кораблей и отрядов на ходу одиночными миноносцами и отрядами миноносцев, отражение этих атак с взаим-

ным огневым прикрытием без использования прожекторов. На этом совещание, затянувшееся на семь с лишним часов, было закончено, и все его участники отправились на краткий торжественный обед по случаю возвращения Рождественского и получения долгожданного снабжения. Командам была выдана к ужину двойная винная порция, а следующий день объявлен выходным. Для разгрузки прибывших пароходов были наняты местные грузчики.

8 февраля флот снова вышел в море. Помимо ставшего уже привычным маневрирования всей эскадрой и поотрядно – в сомкнутом и развернутом строю – впервые опробовали на практике массированную минную атаку с залповой перекрестной минной стрельбой с большой дистанции на эскадру и по одиночной, быстроходной, свободно маневрирующей цели. Из-за возникших накладок и вызванных ими задержек в выполнении команд согласованной атаки не получилось. Атакованные корабли уклонились от всех – выпущенных за две учебные атаки – 34 мин Уайтхеда, зато пять штук из них снова было потеряно.

С наступлением темноты занялись отработкой ночных атак, без стрельбы минами, и тренировки в перестроении эскадры в ночное время. В ходе этих учений столкнулись по касательной «Бородино» и «Орел», смяв полки противоторпедных сетей, еще не до конца демонтированных. К счастью, обошлось без более серьезных повреждений. Уже перед самым рассветом провели ночные ствольковые стрельбы. Вернувшись на рейд к обеду, снова встали на якорь и с флагмана передали: «Командам обедать» и «Благодарю за службу!».

Следующую неделю – снова тренировки, пожарные, водяные тревоги, заводка пластырей. Офицеры разбирали свои ошибки, тренировались на планшете и изучали методички. «Олег» и «Жемчуг» натаскивали миноносников, изображая из себя мишени и носясь в 5–7 милях от берега на виду у всей эскадры на полном ходу. За семь дней потеряли еще пять торпед, но зато попадания в крейсера теперь стали, скорее, закономерностью, нежели случайностью. При стрельбе залпом одновременно с четырех эсминцев со встречных курсов с обоих бортов, даже с 5–7 кабельтовых, вероятность поражения цели превышала 50 процентов. Это был, несомненно, хороший результат.

В штабе штудировали английские лоции, в поисках подходящих для базирования бухт на Корейском побережье и островах, окружавших Японию. Прорабатывали варианты построения эскадры, боевого развертывания, связи между нашими отрядами при уничтожении дозорных отрядов противника. Безусловно, сходились во мнении, что для гарантированного быстрого потопления даже одиночного патрульного крейсера нужно его не догонять, а загонять на главные силы и уже тогда уничтожать массированным артогнем, используя для прерывания его радиосвязи свои передатчики на максимальной искре.

Минеры постоянно практиковались в работе на беспроволочном телеграфе. По распоряжению адмирала, бывало даже, объявляли дни радио, когда все сообщение между кораблями осуществлялось весь день только по рации. В результате к этому достижению технического прогресса привыкли все, так же как к паровым машинам, а минеры даже стали узнавать друг друга по почерку.

После десятидневной стоянки с непрерывающейся учебой три ночи подряд выходили на ночное маневрирование с обязательными стрельбами и минными атаками катерами либо миноносцами. При выполнении ночной минной атаки столкнулись «Бравый» и «Грозный». К счастью, повреждения ограничились лишь длинными вмятинами в бортах да содранной краской, так как удар был по касательной. Впоследствии это все удалось исправить. Затем учения по сосредоточению огня отряда на одной цели, снова маневрирование, снова минные атаки вперемешку с тренировками в погрузке угля в море на ходу.

Глава 4

Наконец 1 марта пришли остальные транспорты из Севастополя и пароход с грузчиками. По такому случаю адмирал дал экипажам два выходных с увольнениями на берег, с полным денежным содержанием за прошедшие месяцы плавания. Вопреки ожиданиям самых недоверчивых офицеров штаба, да и из офицерского корпуса эскадры тоже, никаких дебошей на берегу отмечено не было. Конечно, были перебравшие дозволенную винную порцию, но таковых очень быстро и незаметно доставляли на корабли, и даже их имена установить не было никакой возможности. Французские колониальные власти отмечали лишь исключительную вежливость и тактичность со стороны русских офицеров и матросов. «Ежели вдруг какой моряк затруднялся в изъяснении своих пожеланий, не владея французским даже на минимальном уровне, беспременно находился русский офицер, всегда с готовностью помогавший ему».

После неожиданных выходных, уже третьего числа вся эскадра покинула Нуси-Бе и двинулась на восток через Индийский океан. Отряд Небогатова решили не ждать, а встретиться с ним в пути, где-нибудь на подступах к Малаккскому проливу, либо у побережья Индокитая. Быстроходные «Днестр» и «Березань» были загружены резервными боекомплектами и запчастями, считавшимися необходимыми в первую очередь, и, будучи поставленными в самую середину ордера русской эскадры, невольно вынуждены были в самые сжатые сроки освоить все приемы эскадренного маневрирования, получая регулярные нагоняи от флагманов и от самого командующего.

В то же время транспорт «Малайя», имевший серьезную неисправность в машине и загруженный бракованными боеприпасами, вышедшими из строя или исчерпавшими свой ресурс деталями механизмов, почтой, а также паникерами, смутьянами и больными, был отправлен на родину, от греха подальше. На этом же транспорте отправили арестованного за кражу казенных денег и мошенничество при снабжении экипажа провизией бывшего ревизора с броненосца «Орел» лейтенанта Бурнашева.

Незадолго до выхода с рейда Нуси-Бе Рождественский специальным приказом утвердил подразделение эскадры на два броненосных отряда и два крейсерских. Каждый отряд имел свою задачу в бою.

Первый броненосный отряд состоял из всех новейших броненосцев, вооруженных современной артиллерией и имевших примерно одинаковую скорость полного хода. Броненосцы типа «Бородино» («Суворов» – флагман, «Александр III», «Орел», «Бородино» и пристегнутый к ним, из тактических соображений, «Ослябя») составили первый броненосный отряд, волею судьбы назначенный быть «легучим крылом эскадры», как выразился командующий. Благодаря своей высокой скорости хода, первый броненосный отряд мог быстрее всех других занять удобную позицию и связать противника боем. Командовать этим отрядом был назначен командир «Суворова» капитан первого ранга Игнациус.

Второй броненосный отряд был составлен из устаревших броненосцев «Сисой Великий» и «Наварин» с броненосными крейсерами «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской». Все эти корабли имели совершенно разношерстную артиллерию и скорость хода на 3–4 узла меньше, чем первый отряд, но вполне серьезную броневую защиту, благодаря чему обладали солидной боевой устойчивостью. Командовал вторым отрядом Фелькерзам, державший свой флаг на «Сисое». Их основной задачей в бою считалось сковывание главных сил противника, для обеспечения охвата первым отрядом головы, хвоста или любого из флангов строя противника, смотря по обстановке. Исходя из теоретических выкладок, это позволяло поставить противника под продольно-перекрестный огонь и нанести, хотя бы части его кораблей, тяжелые повреждения за короткий отрезок времени.

Для разведки и охраны главных сил были сформированы два крейсерских отряда. Первый отряд состоял из «Авроры», «Жемчуга» и «Светланы» с приданными им четырьмя миноносцами. Командовать первым крейсерским отрядом был назначен капитан первого ранга О. А. Энквист. Флагманским крейсером назначалась «Светлана».

Второй крейсерский отряд состоял из «Олега» и «Изумруда», с приданными им пятью остальными эсминцами. Командовал этими кораблями капитан первого ранга О. Ф. Добровольский, командир «Олега».

В задачу крейсерских отрядов входило, помимо разведки и охраны броненосцев, обнаружение вражеских дозоров и их загон на свои тяжелые корабли. Если же это было не возможно, то крейсера и миноносцы должны были, не обнаруживая себя, сообщать о передвижениях противника, чтобы обеспечить главным силам возможность уклониться от нежелательного контакта. Все пароходы-крейсера сводились во вспомогательную группу, подчинявшуюся непосредственно Рожественскому.

Выйдя из пролива, корабли построились в кильватерную колонну, с «Суворовым» во главе. Обогнув Мадагаскар, выслали на 10 миль вперед в разведку крейсера из первого отряда, оставив между ними и эскадрой два вспомогательных крейсера в качестве репетиционных кораблей. Все эсминцы загасили котлы и подали буксирные концы на транспорты, так как вероятность встречи с японским флотом пока исключалась.

Шли на шести-семи узлах, сберегая машины. Океан был спокоен. На кораблях продолжалась боевая подготовка, не заметная со стороны. Как только покинули изобилующие рифами воды северной оконечности Мадагаскара и миновали острова Агалега, провели большие маневры.

Первый и второй броненосные отряды разошлись на 6 миль друг от друга, а миноносцы первого и второго крейсерских отрядов развели пары и атаковали их, заходя в атаку поотрядно с носовых курсовых углов с обоих бортов одновременно, стреляя учебными минами с 3–4 кабельтовых. Каждый миноносец буксировал за собой на длинном тросе щит, выкрашенный в защитный серый цвет, в который были покрашены японские миноносцы. В ходе учений броненосцы первого отряда держали ход 14 узлов, а второго – 12. Эсминцы разгонялись до 22–24 узлов, максимум, на который они теперь были способны, так что условия были максимально приближены к реальным боевым.

Все атаки отражались противоминными 75-миллиметровыми пушками. После каждого захода считали пробоины в щитах. К вечеру стало ясно, что трехдюймового калибра явно недостаточно для надежного отражения атаки, даже днем.

Уже в сумерках решили применить шестидюймовую артиллерию. И тут выяснилось, что сегментные боеприпасы, считавшиеся основным средством от миноносцев, рвались с большими недолетами, едва не задев «Буйного». Командующий потребовал откорректировать таблицы для стрельбы этими снарядами, с учетом открывшихся фактов, и впредь по щитам, а при случае и по японским миноносцам, бить фугасами.

В повторной атаке щиты, выходившие в атаку на «Суворова», оказались разбиты вдребезги его башенными установками еще в 12 кабельтовых от броненосца, несмотря на резкие маневры буксировавших их миноносцев, а атаковавшие «Наварин» – с 3–6, так как ему пришлось доворачивать бортом к противнику, чтобы ввести в действие казематную артиллерию, к тому же недостаточно скорострельную.

Мощь носового огня старых броненосцев, по итогам учений, была признана явно не достаточной. Даже в составе отряда, днем, они не могли гарантированно отразить собственной артиллерией атаку всего трех-четырех миноносцев.

Минные стрельбы закончились потерей шести старых мин, но зато из 18 выпущенных в цель попало целых шесть, причем «Громкий» попал обеими выпущенными им торпедами в «Суворова», за что и получил адмиральский приз.

По окончании учений состоялось совещание штаба эскадры. После его завершения Рожественский распорядился снять с «Осляби» 8 трехдюймовок с батарейной палубы и принять дополнительные меры по разгрузке этого броненосца, а старший инженер-механик получил задание «обеспечить установку двадцаток и трехдюймовок на «Сисоя» и «Наварина», причем без добавления лишнего веса. А на «Аврору» приказал установить четыре 152-миллиметровых орудия, привезенные из Севастополя, за счет снятия части 75-миллиметровой артиллерии, которую надлежало разместить на «Нахимове», «Донском», «Жемчуге» и «Изумруде». По 6–12 стволов на каждом. Важным условием указывалось обеспечение больших углов обстрела, особенно на носовых курсовых углах.

В ответ на возражение, что пушек всем не хватит, адмирал приказал снять нужные трехдюймовки со вспомогательных крейсеров, заменив их 47- и 37-миллиметровой артиллерией, добавив: «Им купцов гонять сгодится, а нам для дела нужно».

Услышав волю адмирала, Политовский просто ахнул от неожиданности. На броненосцах планируемое усиление артиллерии должно было размещаться на крышах казематов, причем небронированных крышах, и потому требовало значительных усилений палубных конструкций и устройства междупалубных фундаментов, без стеснения батареи. А на «Авроре» четыре дополнительные пушки главного калибра планировалось установить на местах трехдюймовок на верхней палубе, не рассчитанной на такой калибр, что также подразумевало большой объем работ.

Для компенсации веса с крейсера должны были исчезнуть двенадцать 75-миллиметровых орудий. С «Наварина» и «Сисоя» для облегчения и получения выгодных секторов обстрела нужно было срезать большую часть фальшборта и ростр. И это все в походных условиях, не нарушая графиков угольных погрузок, учений и маневров, да еще и в кратчайшие сроки!

Поняв, что его возражения никто не намерен даже выслушивать, Политовский отправился на «Аврору», где провел за замерами и составлением эскизных чертежей усиливающих конструкций остатки вечера, после чего сразу же отбыл на «Камчатку», откуда вернулся уже во втором часу ночи, тут же занявшись расчетами по довооружаемым броненосцам. Усилить вооружение, не увеличивая перегрузки, никак не удавалось.

Следующий день начался со стрельб из всех калибров, а закончился тренировкой по погрузке угля на ходу. На этот раз, складировав уголь, который не успевали спускать в угольные ямы, прямо на палубе и используя немецкие мешки, вмещавшие почти двадцать пудов и позволявшие одновременную их загрузку тремя матросами, удалось добиться результата в 13–18 тонн на корабль в час, что в любом случае перекрывало темпы погрузки угля при помощи баркасов. Последний раз, в Атлантике, этим способом удалось погрузить 80–85 тонн на каждый броненосец за восемь часов непрерывной работы всей команды, включая офицеров.

Так шли день за днем. Нередкими были и ночные стрельбы и учения, даже на шедших на буксире миноносцах. Все разработки штаба неизменно обсуждались на совещаниях с обязательным участием командиров кораблей и начальника отряда обеспечения, как теперь стали называть шедшие с эскадрой транспорты.

Вообще, отношение к обозу в корне изменилось. Все понимали, что успех всего похода во многом зависит и от четких и слаженных действий команд грузовых судов, тащивших все необходимое для эскадры и позволивших избавить корабли от перегрузки, порой превышавшей даже 1800 тонн, не считая угля. При любой возможности экипажи угольщиков старались помочь командам боевых кораблей, беря на себя охрану мест погрузки и большинство грузовых работ. Да и сами эти суда, по уровню подготовки своих вольнонаемных экипажей, особенно рулевых и машинных команд, не говоря уже о капитанах и штурманах, приблизились к боевым кораблям и перестали быть обузой для всех, поэтому называть их, как и раньше, обозом, язык ни у кого уже не поворачивался.

К 23 марта подошли к Малаккскому проливу. При прохождении узости считалось весьма вероятным встретиться с японскими миноносцами и даже крейсерами. Еще 18 марта Роже-ственский был извещен морским министерством, что японцы, силами в два броненосных крейсера и шесть бронепалубных, прошли Сингапур еще 8 марта и готовы атаковать нашу эскадру в проливе. Поэтому, по распоряжению командующего, ход увеличили до 10 узлов. Крейсера Добротворского ушли вперед на разведку, имея приказ держать связь по радио и не отрываться далее чем на 30 миль. Миноносцы развели пары и, отдав буксиры, встали с обоих бортов от колонны главных сил, а первый крейсерский отряд развернулся во фронт, заняв позицию в двух милях впереди своих броненосцев. Транспорты шли в хвосте эскадры в трех кильватерных колоннах. По ночам на всех кораблях горели лишь гакобортные огни, и те вполнакала. Пушки были заряжены, и возле орудий посменно дежурили расчеты.

По пути попадались лишь рыбацкие джонки да каботажные пароходы, отгоняемые в сторону нашими миноносцами, не позволявшими приблизиться к колонне главных сил ближе, чем на полторы мили. Обещанных генштабом японцев так и не встретили.

Через двое суток прошли Сингапур и вошли в Тихий океан, снова сбавив ход до 6 узлов. Вскоре был обнаружен пароход, явно шедший на сближение. После обмена сигналами и предварительного досмотра выяснилось, что пароход зафрахтован русским консулом Рудановским для встречи эскадры и передачи почты и важных сведений. Как только это выяснилось, пароход пропустили внутрь ордера, и он, подойдя в плотную к борту «Суворова», передал свой груз.

При этом консул через рупор сообщил, что 5 марта в Сингапур заходили главные силы японского флота из 22 кораблей под флагом Того. Сейчас они у Лабуана на острове Борнео, а к проливу высылают лишь одиночные крейсера. Наша армия отступила к Телину, главнокомандующим вместо Куропаткина назначен Линевиц, а Небогатов 25 марта вышел из Джибути.

Распрощавшись с консулом и поблагодарив его за хлопоты, двинулись дальше. Новости были весьма тревожные. Про Лабуан ходили слухи, что японцы купили там землю у русского еврея и оборудовали первоклассную военно-морскую базу, но достоверных сведений не имелось, за исключением того, что он с 1854 года является английской территорией, связан с Сингапуром подводным телеграфным кабелем и имеет статус свободного порта. В удобной и просторной гавани этого острова мог спокойно разместиться весь японский флот, а его географическое положение легко позволяло перехватить вторую эскадру на подходах к Индокитаю. Исходя из всего этого, можно было сделать вывод, что о появлении Роже-ственского японцы уже извещены и максимум через сутки следует ожидать появления их флота.

По эскадре была объявлена повышенная боеготовность. Машинным командам было приказано держать незадействованные котлы в готовности, чтобы в случае тревоги дать полный ход в течение часа. Фланговые дозоры миноносцев отошли на 6 миль от эскадры, имея между собой и броненосцами по одному кораблю для связи, а первый крейсерский отряд, развернувшись во фронт шириной 9 миль, ушел на 15 миль вперед. Между ними и главными силами были поставлены три вспомогательных крейсера для репетования флажных сигналов и семафоров. Работать рациями на передачу запретили строжайшим образом, только на прием, и немедленно докладывать о перехваченных подозрительных телеграммах, если таковые будут. Эскадра готовилась к бою.

Многие этому были даже рады. Наконец-то все закончится, так или иначе. Все офицеры заняли свои места, согласно боевому расписанию, надев парадные мундиры и ордена. Матросы тоже оделись по первому сроку. Вскоре с кормы показался сначала дым, а затем посланный в разведку миноносец сообщил, что это английский четырехтрубный легкий крейсер. Быстро догнав эскадру, он отсалютовал флагом нашему адмиралу и удалился. При этом наши станции какое-то время принимали его зашифрованные телеграммы, отправляемые неизвестному адресату.

Так шли до вечерних сумерек, потом поступила команда: «Экипажам обедать посменно». Наступила ночь. Рассеянный свет еще только зарождавшейся луны едва пробивался сквозь тучи. Фланговые дозоры и авангардная разведка подтянулись ближе, на расстояние прямой видимости. Сигнальная вахта была удвоена, остальные спали, не раздеваясь, на боевых постах.

С рассветом тучи рассеялись, и эскадра восстановила свой дневной строй. Видимость была до горизонта, но до обеда ни одного дымка нигде видно не было.

В начале первого часа пополудни чуть правее курса эскадры показались шесть дымов. Отправленный в разведку миноносец вскоре вернулся, а следом за ним показался английский крейсер. Пройдя сквозь наш строй и не отвечая на принятые в таких случаях приветствия, «англичанин» ушел за корму колонны броненосцев и вскоре вовсе пропал из вида, а станции беспроводного телеграфа снова слышали подозрительное телеграфирование.

В начале третьего с «Наварина» передали семафором, что у них неисправность в правой машине и броненосец не может держать более 5 узлов хода. На ремонт нужно около четырех часов. Эскадра сбавила и без того небольшой ход, а старший инженер отправился на аварийный броненосец.

Томительно тянулись минуты и часы. Наконец в пятом часу над флагманским броненосцем взвился сигнал: «Командам обедать и отдыхать». Наскоро перекусив, матросы расходились по своим кубрикам и тут же засыпали. На всей эскадре лишь единицы уже бывали в бою, всем остальным это еще предстояло пережить, и нервное напряжение сжигало слишком много сил.

До темноты на горизонте пару раз были замечены одиночные дымы, и эскадра, сразу же после получения сообщения о них от своих дозоров, меняла курс. Рождественский вел свой флот в стороне от основных судоходных трасс, поэтому пароходов нам не попадалось, и если бы не английские крейсера, то мы бы вообще ни с кем не встретились.

Ночь также прошла спокойно. Машину на «Наварине» починили еще до заката, что несколько сбавило общее напряжение. Все на эскадре гадали, где же японцы? То ли мы с ними счастливо разминулись, то ли они, рассчитывая на наш десятиузловой ход, которым был пройден весь Малаккский пролив, ищут нас где-нибудь впереди? Никто не знал ответов на эти вопросы.

С утра 27 марта капитан первого ранга Добротворский, подойдя на «Олеге» вплотную к борту «Суворова», через мегафон предложил командующему «сбегать до Лабуана, поискать японцев». Всех позабавило выражение «сбегать», относительно точки, отстоящей от эскадры почти в сутках хорошего хода. Однако предложение признали дельным, приказав в итоге отправить на вылазку к вражеской базе более быстроходный «Изумруд». А «Олега», как самого мощного из имеющихся загонщиков, оставить при флоте. Для поддержки с «Изумрудом» послали также еще и вспомогательный крейсер «Урал», имевший очень мощный передатчик. Командиры крейсеров получили строжайший приказ не лезть на рожон и возвращаться как можно быстрее.

На следующий день в 10 часов утра заработал беспроводный телеграф на «Суворове». Была перехвачена непонятная телеграмма, состоявшая из правильно чередовавшихся знаков. Определить направление, откуда велась передача, не удалось.

К обеду на эскадре получили радиogramму с «Урала», что они возвращаются. Японский флот не обнаружен и, по словам капитана встреченного у Лабуана французского торгового судна, японцев там нет и не было с апреля месяца прошлого года, когда заходили на бункеровку два японских вспомогательных крейсера. Спустя час получили еще одну, такую же, телеграмму, передаваемую повторно, до получения квитанции о принятии сообщения. Но мощности передатчика флагманского броненосца не хватало, и потому крейсера продолжали слать депеши через каждые три часа, до утра 29 марта. И каждый раз минный квартирмейстер с «Суворова» передавал ответ с зашифрованными координатами точки randevu. Наконец в начале девятого удалось установить надежную связь, и радио снова замолчало.

С момента получения повторной депеши эскадра увеличила ход до 12 узлов. На броненосцах снова началась учеба, по уплотненному графику. Однако дальние дозоры никто снимать не собирался, и они так и шли в состоянии полной боеготовности, пока перед обедом 29 марта справа от русского флота не показались сначала думы, а затем уже и характерные силуэты русских крейсеров. Только после получения их подробного рапорта, в котором сообщалось также о появлении японских крейсеров и вооруженных пароходов у побережья Индокитая в конце февраля – начале марта этого года, с «Суворова» просигналили: «Отбой тревоги. Приступить к занятиям! Ход экономический», а крейсерам: «Молодцы! Хорошо сделано!»

На следующий день с утра решили устроить профилактическую остановку, чтобы осмотреть механизмы и при необходимости перебрать подозрительные узлы. Погода была тихая, и адмирал решил организовать катерные маневры, для проверки в деле некоторых последних идей. Потешная битва продолжалась до двух часов, так что ее успели посмотреть даже механики, закончившие свои работы к 11 часам. После окончания маневров объявили обед и двинулись дальше.

Подводя итоги более чем трехсуточного плавания в постоянном ожидании появления противника, можно было сделать не такие уж и плохие выводы. Никакой паники ни на одном корабле не наблюдалось, кроме того, выяснилось, что большинство из команд, скорее, ищут встречи с японцами, нежели желают просто проскочить мимо их флота.

У каждого для этого были свои мотивы. Кто-то хотел поквитаться за все, начиная с «Варяга» с «Корейцем» и внезапной ночной атаки порт-артурской эскадры, до своих издерганных, за долгий переход нервов, кто-то желал доказать, что все удачи Того – всего лишь стечение обстоятельств, и все еще можно изменить. Кому-то просто хотелось проверить себя в настоящем деле и, при случае, продвинуться по службе. Причины были разные, но, несмотря на то, что страшно было всем, включая даже ветеранов, никто не дрогнул и не сломался, а ведь ожидание смерти намного хуже самой смерти.

После возвращения крейсеров жизнь на эскадре вернулась в обычное русло. Снова маневры, ствольниковые стрельбы, учебные атаки и снова маневры, после окончания которых миноносцы гасили свои котлы и шли на буксире. Но стоит заметить, что поломки на кораблях стали, скорее, исключением, нежели правилом. И причина этому была лишь одна – повышение уровня профессионализма экипажей кораблей. К тому же, благодаря профилактическим остановкам, многих поломок удавалось избежать. Начало, наконец, сказываться фанатичное и самоотверженное исполнение своих обязанностей всеми корабельными механиками и инженерами-строителями. Изначально планировалось, что заводские инженеры пойдут с эскадрой лишь до Мадагаскара, но никто из них даже и не подумал отправиться домой на «Малайе», когда комплектовались штаты команд на дальнейший поход, лишь инженер с «Александра», с огромным сожалением, был вынужден отправиться домой, будучи списанным с корабля из-за болезни.

На «Камчатке» закончили изготовление блиндированных рубок артиллерийских наблюдателей, предназначенных для всех остальных кораблей эскадры (включая отряд Небогатова), и противоосколочной защиты артиллерии и боевых рубок. Необходимые подкрепления палуб и корпусных конструкций, для усиления артиллерии кораблей, согласно последнему распоряжению Рожественского, также были готовы. Теперь оставалось только достичь подходящей бухты, чтобы спокойно закончить работы и установить все это на свои места.

С дополнительными линиями связи, проложенными на всех кораблях телефонным кабелем, укрытым в стальной трубе, освоились довольно быстро, и уже совершенно не представляли себе, как можно было управлять не то что эскадрой, а даже одним современным кораблем без всего этого. Минимизация времени на прохождение команд позволила добиться очень важного преимущества, неоднократно подтвердившегося в многочисленных учениях, – быстроты реагирования без потери организованности эскадры.

Постоянные теоретические и стендовые проработки возможных приемов ведения боя обеспечили высокий уровень сплыванности кораблей, как в отдельных отрядах, так и в эскадре в целом, с лихвой компенсировав недостаток ценза у многих офицеров. Все сигналы, передаваемые флажным, световым или ракетным кодом с флагманских кораблей, исполнялись четко и незамедлительно. Маневры эскадры представляли собой уже не те судорожные подергивания, опасные, скорее, для своих, чем для противника, что наблюдали все в самом начале, а уверенные действия одного большого организма.

29 марта госпитальный «Орел» отправился в Сайгон, Шанхай и Цындао с почтой и телеграммами командующего. Кроме этого, имелось также и секретное поручение. Корабль должен был негласно собрать добровольцев с наших кораблей, интернированных в этих портах, особенно с миноносцев. Местом randevу была назначена бухта Камрань на побережье Индокитая, куда планировали прибыть 31 марта.

Глава 5

На подходах к месту нашей предполагаемой стоянки был обнаружен подозрительный пароход, сразу бросившийся от нас к берегу, в надежде укрыться среди тысяч мелких островков, видневшихся вдали. Посланный за ним «Изумруд» догнал его лишь через 40 минут погони на полном ходу. Отконвоированный к эскадре транспорт оказался английским угольщиком под немецким флагом с полным ходом более 16 узлов. Его капитан тут же выразил протест по поводу незаконного задержания, но его попросту проигнорировали, в то же время пояснив, что судно вело себя крайне подозрительно и будет подвергнуто самому тщательному досмотру, как только появится возможность. Пароход поставили в самый хвост колонны транспортов, чтобы он не мог многого разглядеть, и продолжили путь.

Едва добравшись до бухты Камрань, провели учения по развертыванию временной базы. Первыми в бухту через узкий проход, едва достигавший 20 кабельтовых в ширину, вошел тралящий караван из трех пар паровых катеров, шедших клином. Одновременно с тралением проводился предварительный промер глубин. Прикрывали тральщики четыре минных катера, спущенные с транспортов авангарда. Далее передовой отряд из четырех транспортов, идя след в след за двумя миноносцами разведки, вошел в бухту и немедленно спустил все катера, имевшиеся на палубах, для промера глубин и обвеховки фарватера. Уже через полчаса в гавань смогли войти транспорты снабжения, заняв предписанные каждому места. Катера и буксир «Русь», тем временем, развернули импровизированный бон, собранный из снятых с кораблей противоторпедных сетей, а плавмастерская «Камчатка», имевшая теперь весьма солидное вооружение из установленных на ней 10 трехдюймовок, выжатых Радловым у Политовского и Витте, заняла позицию сразу за сетью, взяв на прицел входной фарватер. Пока угольщики занимали свои места, транспорты первого эшелона подошли как можно ближе к входным мысам бухты и начали свозить на берег десантные пушки и пулеметы, тут же разворачивая береговые батареи в скалах, тщательно маскируя их позиции.

Рожественский наблюдал это все впервые. Не отрываясь от пятикратного бинокля и водя им по всей бухте, он с удовольствием восклицал:

– Ты посмотри, что творят! Эх! Молодцы, сукины дети!

А когда через полтора часа над «Камчаткой» взвился сигнал «Готовы к погрузке угля», приказал ответить сигналом «АДМИРАЛ ИЗЪЯВЛЯЕТ СВОЁ УДОВОЛЬСТВИЕ» и лично отправился сначала на «Камчатку» а затем обошел все транспорты, береговые батареи и тыловые дозоры, развернутые на сухопутных подступах, благодаря матросов и офицеров за службу и усердие.

В глубине бухты имелся вход в еще одну бухту, внутреннюю, а на её берегу размещалась небольшая французская фактория. Она имела обустроенные набережные и была связана телеграфом с Сайгоном. Адмирал отправил туда делегацию офицеров с кораблей и от штаба.

Вернувшись, офицеры сообщили, что месяц назад в бухту заходила японская эскадра, но пришедшие из Сайгона французские миноносцы заставили её убраться. Более японцев поблизости не видели.

Приняв уголь, приступили к осмотру механизмов, но, едва начав ремонтные работы, вынуждены были свернуться, так как появился французский крейсер «Декарт» с контр-адмиралом де Жонкиером, командующим французской эскадрой Тихого океана на борту, который передал требование местных властей покинуть бухту. Пришлось перебираться в расположенную неподалеку бухту Ван-Фонг, оставив на подходах к Камрани дежурный вспомогательный крейсер – дожидаться госпитальный «Орел», прозванный на эскадре, за характерную окраску госпитального судна, «Белым Орлом».

Это неожиданное перебазирование позволило избавиться от попавшегося по пути подозрительного «англичанина». Все это время на нем продолжался вялотекущий «основательный досмотр». Отпускать его – значило сказать, где мы. Вполне возможно, что он занимался снабжением японских крейсеров и миноносцев. В то же время повода для задержания просто не было.

Едва из бухты вышли крейсера нашей разведки, командующий передал флажным сигналом приказ отпустить английский транспорт, ввиду выдвижения на театр военных действий и начала маневров со стрельбами боевыми снарядами. Как только катер с досмотровой партией отвалил от его борта, пароход дал полный ход и, пробкой выскочив из бухты, сразу повернул на юг. Вскоре он совсем скрылся из вида, а наша эскадра двинулась на север, где в сорока пяти милях была назначена новая стоянка.

Бухта Ван-Фонг была просто огромной. Только вход в неё был шириной более шести миль, так что, разместив эскадру у самого входа в бухту и лишь транспорты поставив у берега, Рождественский формально французский нейтралитет не нарушал¹⁶.

Перейдя на новую стоянку, занялись переборкой машин. Все понимали, что эта остановка последняя, дальше уже до самого Владивостока остановок может не быть. Поэтому проверялось все с максимальной тщательностью. Одновременно велись артиллерийские учения без стрельбы. Отрабатывалась работа на максимальную скорострельность и быстроту наводки орудия на цель. Водолазы снова проверяли и очищали подводные части кораблей. Минеры-связисты проверяли и перепроверяли линии связи, основные и резервные. Мастерские с «Камчатки» занялись демонтажем боевых марсов, там, где они еще сохранились, плановым усилением артиллерии, а также радикальным сокращением шлюпочного вооружения.

На каждом из крупных кораблей оставляли по одному малому катеру и шлюпки, не требовавшие для своего обслуживания мощных грузовых стрел и тяжелых шлюпбалок, не закрывавшие сектора обстрела. Все остальное безжалостно срезалось, из соображений разгрузки кораблей и обеспечения максимальных углов обстрела артиллерии. Кроме этого, Зиновий Петрович лично побывал на каждом корабле и проверил, как продвигаются работы по установке дополнительных 75-миллиметровых пушек на места 47-миллиметровок.

Штабом прорабатывали все вводные, какие только мог придумать «извращенный начальственный ум». Штурманы и старшие артиллеристы не отходили от моделирующих планшетов, прикидывая схемы «огневых мешков», «артиллерийских вилок и перекрестий», которые затем проверялись на практике обстрелом щитов. Командиры и флагманы обмозговывали – один за одним – варианты охватов, окружений и боевых построений, исходя из условий видимости,

¹⁶ Запрещалась стоянка в трехмильной зоне территориальных вод нейтральных стран.

состояния моря, боеготовности флота и много чего еще, о чем даже подумать полгода назад никто бы не решился.

При этом Рождественский постоянно твердил всем офицерам своей эскадры: «Думать надо сейчас, а не в бою! Кто задумался во время сражения – считай, погиб. В бою надо лишь быстро выбрать нужный вариант из того, что придумаем сейчас. У японца сила и опыт, а у нас только решительность и натиск. Только быстрота и четкость наших действий могут принести победу. Того сюрпризов не любит, а от нас, скорее всего, и не ждет, потому мы должны делать все не так, как делали до нас. И каждое наше действие должно быть быстрым и смертельным, чтобы противник погибал раньше, чем поймет, что мы задумали. Наша главная задача – использовать все ошибки японцев и ни разу не ошибиться самим!», после чего давал новую вводную, которая опрокидывала напроц, казалось, абсолютно безупречные выкладки и построения. И снова все начиналось с нуля. Снова прорабатывались варианты перестроений, направления огня и скорости движения. Когда заканчивалось общее собрание и командиры разъезжались по своим кораблям, каждому из них Рождественский давал еще и «задание на дом».

Сначала командиры кораблей решали полученные задачи на своих офицерских собраниях, а на следующий день на совещании штаба это все, в обязательном порядке, обсуждалось с командирами и флагманами. После чего в задаче изменялся какой-либо фактор (направление ветра, высота волны, освещенность и т. д.), и все начиналось с чистого листа.

К слову сказать, в большинстве случаев теперь решения находились почти сразу же на собрании, после чего их сообща обсуждали и выбирали лучшее, которое неизменно обкатывалось на планшете с моделями или на маневрах флота.

16 апреля, в великую субботу, учения и работы были отменены. По эскадре объявили выходной. До обеда все просто отдыхали, грелись на солнышке. Для желающих, каковых оказалось не мало, как среди офицеров, так и матросов, была организована рыбалка со шлюпок и катеров. Даже устроили соревнование по отрядам, кто больше наловит рыбы за час. Неожиданно для всех победил первый отряд миноносцев, несмотря на меньшую численность своей команды. Посчитав это случайностью, уравнили численность команд и провели второй раунд. На этот раз победитель был снова тот же, но отрыв уже гораздо больше. На этом споры прекратились, а призовой фонд в виде ящика шустовского коньяка перекочевал на миноносцы, после чего с их офицеров потребовали объяснения этого феномена. А объяснилось все просто. Часть пути миноносцы шли на буксирах, что освобождало часть их экипажей от повседневной работы и позволило получить некоторый практический опыт рыбалки в местных условиях.

Корабли, не занятые в несении дозорной службы, украшали к Пасхе. В воскресенье прошли молебны и прочие праздничные мероприятия. Для команд, по распоряжению командующего, был приготовлен праздничный обед и ужин. В корабельных пекарнях пекли куличи и пироги с наловленной рыбой.

Адмирал на катере обошел все корабли эскадры, украшенные по случаю праздника флагами, и поздравил экипажи со Светлым Христовым воскресеньем, заодно проверив состояние механической и артиллерийской части. В разговорах с матросами, особенно старослужащими, даже как бы советовался о правильности и нужности проводимых занятий. Особенно внимательно слушал тех, кто был с чем-то не согласен, но обязательно требовал от них конкретных предложений, а не огульной критики всего и вся.

В кают-компаниях кораблей он задерживался на несколько минут, беседуя с офицерами, записывая в свой блокнот их соображения, касающиеся боевой подготовки и условий службы, иногда сразу раздавая поручения сопровождавшим его штабным офицерам. Проверялись графики учебных занятий. При этом они тут же дополнялись и корректировались, где в этом была необходимость.

Глава 6

А на следующий день перед обедом встречали пополнение, которое не ожидал никто, кроме Рождественского, конечно.

Еще рано утром дозорные крейсера сообщили, что видят думы, приближающиеся с юго-запада. Немедленно была объявлена боевая тревога. Начали разводиться пары, экипажи заняли свои места согласно боевому расписанию. Готовились к бою, считая что нас нашли японцы и это их разведка, вслед за которой надо ждать и самого Того. Вскоре эскадра начала вытягиваться из бухты для решительного сражения, но оказалось – для торжественного парада. Еще даже не успели выйти из гавани все броненосцы, как с разведки получили телеграмму, что это наши. Пришли владивостокские крейсера «Россия» и «погибший на камнях» красавец «Громобой».

Их встречали громом оркестров и орудийным салютом. Крейсера доставили свежие газеты, где снова сообщалось о крупных силах японского флота, ищущих нас у Сингапура и далее на восток.

Выйдя из Владивостока, наши рейдеры скрытно форсировали Сангарский пролив и, в обход Японии, пришли в точку рандеву, назначенную им кодовой телеграммой, отправленной через нашего консула Рудановского из Сингапура.

Не найдя там нашего флота, они, следуя полученным еще дома инструкциям, двинулись к побережью Индокитая в район бухты Камрань. На подходах к бухте перехватили несколько наших телеграмм, адресованных вспомогательным крейсерам, дежурившим там, и уже по ним, удачно определив пеленг, вышли на нас.

Неожиданное появление этих двух мощных кораблей вызвало резкий подъем в настроении на всех без исключения кораблях эскадры. Теперь стала понятной возникшая пауза в практических занятиях эскадры. В них просто не было смысла без этой пары «цепных псов», как их называли японцы, в корне менявших весь тактический рисунок ведения боя.

Теперь предстояло в срочном порядке подтянуть ветеранов – новичков до уровня всей эскадры, как в учебном, так и в техническом смысле. Морякам, видевшим владивостокские крейсера до войны, сразу бросались в глаза доработки, сделанные на них по опыту боев. Погонные и ретирадные орудия теперь могли стрелять по траверзу, а часть палубных трехдюймовок была заменена на шестидюймовый калибр. Причем вокруг палубных открытых установок были сооружены брустверы из коечных сеток. Это перевооружение довело общее число шестидюймовок до 22 стволов на корабль! Из них 12 в бортовом залпе!¹⁷ И при этом ни одного современного дальномера!¹⁸

Адмирал немедленно отправился на броненосные крейсера, в сопровождении штаба и инженерной свиты. Едва дослушав доклад начальника отряда контр-адмирала К. П. Иессена, Рождественский обнял и расцеловал его, не в силах более сдерживать своей радости. Несмотря на то, что весь переход владивостокского отряда был им детально проработан, в возможность его осуществления командующий боялся поверить. Ведь неизбежные на море случайности невозможно учесть даже в самых точных расчетах, а с самого начала войны все эти случайности, как нарочно, работали на японцев.

По столь знаменательному поводу занятия до конца дня были отменены, а экипажам к обеду и ужину выдали двойную винную порцию.

¹⁷ Столь многочисленной среднекалиберной батареи не было ни на одном корабле, до появления дредноутов.

¹⁸ Во Владивосток современные дальномеры попали уже после войны, а на крейсерах Иессена стояли угломеры Мякишева, малоэффективные в принципе и почти бесполезные на средних и больших дистанциях.

В кают-компании флагманского «Суворова» также состоялся грандиозный ужин с участием всех командиров и флагманов, затянувшийся чуть ли не до полуночи. В ходе фуршета вновь прибывшие офицеры были ознакомлены со всеми новинками, до которых додумались на второй тихоокеанской эскадре за последние месяцы. Сами владивостокские офицеры, в свою очередь, излагали свои соображения о предстоящем бое исходя из собственного бесценного боевого опыта.

С особым вниманием ознакомились с инструкцией, разработанной еще в 1903 году флагманским артиллеристом владивостокского отряда крейсеров лейтенантом бароном В. Е. Гревеницем, в которой предусматривалась стрельба на дальность до 60–70 кабельтовых. Автора тут же зачислили в штаб, чтобы он имел максимум возможностей для внедрения своей методики на кораблях эскадры. Пробел в оснащении крейсеров дальномерами было решено исправить в ближайшее время за счет остальных кораблей эскадры.

Лишь без четверти двенадцать Рождественский предложил отправиться всем спать, сказав, что на освоение новых видов и способов связи не может выделить более двух дней и что минерам за этот срок нужно успеть доработать системы внутрикорабельной связи броненосных крейсеров до общеэскадренных стандартов. Это новое и емкое выражение как-то почти случайно ввел в обращение сам командующий.

Рождественский планировал начать движение к берегам Японии через три, самое большее – пять дней после прихода «России» и «Громобоя». Как только будет закончено их оснащение уже готовыми артиллерийскими рубками и противоосколочной защитой, что было бы затруднительно делать на переходе. После выхода, проведя по пути несколько учений в новом составе эскадры, планировалось добиться достаточного уровня сплываемости кораблей, но вернувшийся 20 апреля «Белый Орел», привез телеграмму из генштаба с прямым приказом: «Ждать Небогатова!» Кроме того, был доставлен рапорт контр-адмирала Н. К. Рейценштейна от 1 сентября 1904 года.

Прорвавшись 28 июля 1904 года с боем в Шанхай на крейсере «Аскольд», Рейценштейн был вынужден интернировать там лучший русский крейсер Тихого океана из-за полученных боевых повреждений. Благодаря появившемуся после этого времени, он имел возможность проанализировать ход боев с японским флотом, в которых участвовал с самого начала войны. Итоги этого анализа он изложил в рапорте, в котором обобщал свой боевой опыт. К нему прилагалась также записка об основных тактических приемах, применяемых японским флотом, и возможных мерах противодействия им. Особо выделялось то, что к решительным и неожиданным действиям российского флота противник, как правило, не готов и теряется, не успевая реагировать.

Вторым очень полезным и важным документом была записка, составленная офицерами интернированных «Цесаревича» и миноносцев, составленная 30 сентября 1904 года. В ней также содержался анализ тактических приемов, применявшихся японцами, и предварительные способы противодействия им, исходя из полученного опыта.

Эти бесценные бумаги были тут же отправлены на изучение сначала штабом командующего, а после перепечатывания в режиме строжайшей секретности еще нескольких экземпляров – флагманам и командирам. Прибывшее на «Белом Орле» пополнение из добровольцев распределили между кораблями, в первую очередь между бронепалубными крейсерами и миноносцами, имевшими самую большую убыль в экипажах по болезни. Начиная с вечера 20 апреля, начались ежедневные выходы в море на учения, причем нередко корабли возвращались в бухту уже на рассвете следующего дня.

Одновременно на владивостокских крейсерах не прекращались работы по их разгрузке. Снимались мелкие пушки, минное вооружение, противоторпедные сети и все, что имело к ним отношение. Облегчался рангоут и шлюпочное вооружение. Вокруг палубных шестидюймовок, на месте прежних брустверов, устанавливались импровизированные казематы из две-

надцати 18-миллиметровых стальных листов, обеспечивавших достаточно надежную защиту от осколков. Подобную защиту планировали установить еще во Владивостоке, но не успели¹⁹. Монтировались на свои места блиндированные наблюдательные рубки, брустверы из котельного железа вокруг дымовых труб и противоосколочные экраны на амбразуры боевых рубок.

В то же время на «Камчатке» заканчивали изготавливать стандартные комплекты дополнительной защиты и артиллерийские рубки для кораблей ожидаемой третьей тихоокеанской эскадры. Плавмастерская уже давно работала без выходных и круглые сутки. Огромный объем работ по поддержанию в работоспособном состоянии всей механической части эскадры и дополнительные работы, связанные с доработками систем связи и управления на всех кораблях и повышением их боевой живучести, не оставляли времени для отдыха.

Даже когда по всей эскадре объявляли выходной, мастеровых с «Камчатки» это не касалось. У них были сроки, были конкретные задачи, от выполнения которых зависели многие жизни, поэтому деваться было некуда. С другой стороны, для «Камчатских» был введен «офицерский паек», они освобождались от погрузочных и иных работ, не связанных со своими прямыми обязанностями. К тому же Рождественский добился оплаты сверхурочных часов в тройном размере. Но при этом все изделия принимал лично или поручал это Политовскому, а брак заставлял переделывать уже в свободное от рабочих смен время с вычетом стоимости материалов из жалованья.

На «Авроре» небольшие щиты из 25-миллиметровой брони у пушек главного калибра были увеличены приклепанными накладками из стали, толщиной от 8 до 12 миллиметров. Трехдюймовки с батареей палубы были сняты (кроме двух орудий в кают-компании), а их порты заделаны наглухо. При этом на позициях четырех кормовых 75-миллиметровок на верхней палубе установили шестидюймовки. В фальшборте были расширены соответствующие вырезы, а палубы усилены и установлены самодельные фундаменты. Для повышения боевой живучести 75-миллиметровки устанавливались в небольших выгородках из той же листовой стали, прикрывавших орудия с боков. В теперешнем варианте вооружение этого крейсера было таким же, как и у «Олега», по двенадцать шести- и трехдюймовых орудий, из них в бортовом залпе семь 152-миллиметровых и шесть 75-миллиметровых.

На «Наварине» над ходовой рубкой появился блиндированный дальномерный пост, прикрытый 12-миллиметровыми стальными листами. Дополнительно к четырем запланированным 120-миллиметровкам установили еще восемь трехдюймовок, в дополнение к четырем штукам, установленным еще на Балтике. По два орудия поставили на каждую башню, взамен имевшейся там одной 47-миллиметровки. Причем орудия, обнесенные легким противоосколочным бруствером с кранцами первых выстрелов, установили в задней части крыши башен, что несколько уменьшило неуравновешенность установок в целом. А еще четыре трехдюймовки разместили на крыше каземата и у грот-мачты. Теперь на старом броненосце стало четыре 305-миллиметровки; восемь 152-миллиметровых орудий старых моделей, четыре 120- и двенадцать 75-миллиметровых скорострельных пушек.

Для получения хороших секторов обстрела был больше чем на половину высоты срезан фальшборт над казематом, ставший однослойным (без полок под койки экипажа), и все острые. Оставшиеся шлюпки и малый катер теперь размещались на палубе между световыми люками и на бортовых шлюпбалках. Деревянные настилы палуб, мебель и обшивка рубок, кают и других помещений были разобраны и отправлены на транспорты, вместе с навесной палубой и переходными мостиками. Общий вес снятого имущества и конструкций уже приближался к 1000 тонн, и теперь, несмотря на довооружение, осадка броненосца с полными запасами уменьшилась больше чем на фут, и над водой возвышалась почти половина главного бронепояса.

¹⁹ Такие казематы были установлены на «России» и «Громобое» во Владивостоке летом 1905 года. Они обеспечивали защиту только от осколков.

«Сисой» обзавелся такими же «надбашенными» трехдьюмовками, что и «Наварин», а на месте установленных еще в Петербурге четырех 75-миллиметровых пушек на крыше каземата поставили четыре 120-миллиметровые, придвинув их вплотную к борту, для увеличения секторов обстрела, прикрыв щитами и выгородками и оборудовав легкие спонсоны. Срезали фальшборт на спардеке и установили прежние четыре 75-миллиметровки – по две под командирским и кормовым мостиком. В батарейной палубе и на спардеке устроили траверзы из котельного железа, для защиты прислуги орудий от осколков. Также сняли все ростры, шлюпбалки и лишние грузовые стрелы, опустив единственный оставшийся на броненосце малый катер и 12-весельный баркас прямо на палубу, между световыми люками машинного отделения. Дерево с палуб и из отделки кают также безжалостно было удалено, заодно с обширной навесной палубой, простиравшейся ранее от мостика почти до второй трубы.

По примеру этих двух броненосцев, со всех кораблей эскадры начали в авральном порядке свозить на транспорты деревянные настилы палубы, мебель, отделку и прочее дерево, оставляя лишь необходимый запас для заделки пробоин в бою. Дальше всех в этом пошел экипаж броненосца «Орел», с которого, по рекомендации судового инженера Костенко, даже невзирая на робкие протесты командира, убрали всю отделку офицерской кают-компания и офицерской столовой. Теперь вместо всего этого на нем оставили лишь адмиральский салон, расположенный в надстройке меж барбетов кормовых шестидьюмовых башен. Но и там все было по-спартански, никаких деревянных излишеств.

Кроме того, Костенко приспособил трюмное оборудование на этом броненосце для выравнивания крена без каких-либо переделок, используя только систему быстрого перепускания имеющейся на борту воды для бытовых и прочих нужд в бортовые отсеки. Это позволяло спрямлять крен, вызванный боевыми повреждениями, не принимая забортной воды и гораздо быстрее. Были также загерметизированы носовой и кормовой броневые траверзы в средней батарее и носовой в кормовом каземате, а водонепроницаемая переборка на 17-м шпангоуте прочеканена и усилена, что позволило разделить батарейную палубу на пять изолированных отделений, ограничивающих распространение воды.

Узнав об этом, Рождественский лично прибыл на корабль, при первой же возможности. Осмотрев все помещения и поговорив с трюмным квартирмейстером и его людьми, он остался очень доволен, сказав командиру броненосца, капитану первого ранга Н. В. Юнгу, что он может гордиться своими офицерами.

В тот же день командующий подписал приказ, обязывающий всех командиров кораблей озаботиться мерами непотопляемости, противопожарными и разгрузочными мероприятиями по примеру броненосцев «Орел», «Наварин» и «Сисой», и назначил офицеров из своего штаба для проверки исполнения этого распоряжения.

Наибольшее сопротивление эта кампания встретила на корабле гвардейского экипажа «Александр III», офицеры которого ни в какую не желали избавляться от роскоши и были категорически не согласны убрать даже ковры из отделки кают. Лишь прямой и однозначный приказ адмирала заставил их подчиниться, но при этом двое написали рапорт на списание их с эскадры, ввиду нежелания мириться с произволом командующего. Их отправили в Сайгон с первой же оказией, но при прощании многие офицеры даже не подали им руки.

На «Адмирале Нахимове» снятые шлюпбалки и паровые минные катера позволили очистить палубу к носу от средних барбетов главного калибра. Теперь его носовой залп равнялся бортовому из шести стволов 203-миллиметрового калибра. Правда, к этому стоило прибегать лишь при крайней необходимости, так как был риск повреждения надстроек и палуб дульными газами. Некоторые доработки в технической части и интенсивные тренировки расчетов позволили увеличить боевую скорострельность главного калибра старого крейсера до одного залпа в минуту, а шестидьюмовок до гарантированных двух. Взамен снятой мелочевки он получил теперь десять 75-миллиметровок. Противоминных пушек. Навесную палубу на нем

также начали разбирать силами команды, а в батарее появились поперечные переборки, отделявшие орудия и защищавшие их расчеты от осколков. Получили импровизированные прикрития и пути подачи боеприпасов к орудиям.

«Дмитрий Донской» облегчил свои мачты, избавившись от боевых марсов, зато в батарее появились траверзы из листовой стали, а на палубе – шесть 75-миллиметровок. По шесть таких орудий получили также и крейсера второго ранга, что существенно усилило их вооружение и заполнило образовавшийся пробел в противоминном калибре, после снятия 47-миллиметровой артиллерии.

Облегчение кораблей на эскадре стало просто навязчивой идеей. Все, что не нужно в бою, откручивалось, срезалось и убиралось прочь. В то же время максимально прикрывались элеваторы подачи боеприпасов и пути доставки снарядов к орудиям, головки и стояки пожарных магистралей, линии внутрикорабельной связи и рулевого управления, динамо-машины. В общем, все, от чего зависела боевая живучесть корабля.

При этом ни на один день не прекращались учения с частыми и долгими выходами в море, что к тому же давало командующему право утверждать, что нейтралитет Франции не нарушается, так как корабли не стоят в бухте, а лишь заходят для пополнения запасов и необходимого ремонта.

Катерные учения также не прекращались, но проводились теперь в основном ночью. На все катера были набраны постоянные экипажи, занимавшиеся перевооружением своих корабликов днем. Штатное вооружение минного катера теперь состояло из одного трубчатого или двух бугельных минных аппаратов. Запасные торпеды и метательные аппараты убрали, что позволило разместить на 56-футовых катерах одну 47-миллиметровую пушку и два пулемета. Прочие катера вооружались одной пушкой калибра 37 или 47 миллиметров или пулеметом. Тщательный уход и обильная смазка бугельных аппаратов в разы повысили их надежность, и их теперь не клинило при попытке выстрела, как на Мадагаскаре, а частые практические стрельбы позволяли надеяться на реальный результат в случае столкновения с противником.

Огромное облегчение в жизни экипажей обеспечило также и появление штатных грузчиков, выполнявших все погрузочные работы и активно помогавших в перестройках кораблей. Это позволило сосредоточиться исключительно на боевой подготовке и совершенствовании вооружения, где успехи были явные. После доработки башен «Сисой Великий» и «Наварин» теперь уверенно выдавали по два залпа за три с половиной минуты из главного калибра. На «Наварине» часть зарядов из бурого пороха была израсходована на учебных стрельбах, а все оставшиеся выгружены на транспорты, после чего их место в погребах заняли новые из бездымного, для всей его древней артиллерии. Для ожидаемого с Небогатовым «Николая I» тоже был приготовлен усиленный боекомплект с новыми бездымными зарядами. К сожалению, для «Нахимова» такие заряды были лишь для шестидюймовок, и он окутывался облаком дыма после каждого залпа главного калибра, так что видеть падение своих снарядов иногда могли лишь с высоты блиндированной рубки.

Кстати говоря, корректировка огня на большие дистанции (начиная от 25 кабельтовых) из этих самых рубок оказалась намного точнее. Кроме того, из них с помощью артиллерийских указателей Гейслера можно было управлять огнем кораблей в условиях, когда башенные и другие наводчики совершенно не видели целей из-за погодных условий. Это преимущество было абсолютным и неоспоримым. Рожественский назвал этот способ ведения огня «центральной наводкой орудий». Теперь на учебных стрельбах отрабатывался в большей степени этот метод управления огнем корабля в бою. Это, совершенно незначительное на первый взгляд, улучшение позволяло добиваться гораздо большей концентрации огня на любой цели, в разы уменьшив влияние состояния моря на точность стрельбы.

Все миноносцы были оборудованы телефонизированными «вороньими гнездами» на фок-мачтах, что позволило расширить горизонт наблюдения до 9–10 миль, как с мостиков

крейсеров. Причем на этом расстоянии уже можно было гарантированно опознать встречный корабль, самому оставаясь за горизонтом (хотя, конечно, наблюдателям приходилось не сладко и более часа в «гнезде» никто не выдерживал).

23 апреля снова пришел французский крейсер, сообщивший, что он обошел все бухты на побережье и японцев нигде не обнаружил, однако местные власти убедительно просят нас перебраться в бухту Куа-Бе, в 20 милях к востоку от теперешней стоянки. Пришлось снова перебраться, отправив к дежурившему у Камрани, в ожидании Небогатова, «Тереку» миноносец с сообщением об изменении дислокации. Так как на эскадре, после прихода крейсеров Иессена, нашедших нас по нашему радиообмену, ввели запрет на радиопередачи.

Глава 7

Наконец 26 апреля около двух часов пополудни появились корабли третьей тихоокеанской эскадры Российского флота под командованием контр-адмирала Н. И. Небогатова. Впереди шел флагманский «Император Николай I», за ним три броненосца береговой обороны: «Адмирал Ушаков», «Адмирал Сенявин» и «Генерал – адмирал Апраксин». Замыкал колонну старый броненосный крейсер «Владимир Мономах», брат «Дмитрия Донского».

В момент появления кораблей Небогатова наша эскадра находилась в море, отрабатывая совместное маневрирование против вражеской разведки. Немедленно после обнаружения дымов на горизонте в обход них был направлен первый крейсерский отряд, с целью отрезать их от берега, в то время как основные силы, усиленно дымя, начали оттягиваться в сторону открытого моря, выслав вперед второй крейсерский отряд, усиленный «Россией» и «Громобоем». Через двадцать минут полного хода Добротворский с Иессеном повернули на юг, образовав вторую клешню, охватывающую обнаруженные дымы со стороны моря. Затем поотставшие от своих крейсеров броненосцы также легли на южный курс, атакуя в лоб.

Благодаря всем этим маневрам, на третьей эскадре обнаружили сразу три сильных отряда, приближавшиеся к ним с трех сторон одновременно. При этом единственным способом спастись был немедленный разворот на обратный курс и полный ход. Но выполнение этого маневра неизбежно вело к потере времени и скорости, а в условиях боя и под перекрестным огнем – еще и к вероятности потери строя из-за повреждений и ухудшения управляемости.

Как только обнаруженные дымы были опознаны, с «Суворова» передали по радио: «Всем кораблям второй эскадры! Молодцы! Хорошо сделано! Приветствовать пополнение парадным строем и артиллерийским салютом!» Один за другим наши отряды сближались с третьей эскадрой вплотную и ложились на параллельный курс, салютуя сначала флагом, а потом артиллерией. Экипажи стояли на палубах в парадном строю, гремели корабельные оркестры.

К бухте Небогатова подходил под эскортом почетного караула из наших броненосцев впереди и крейсеров по бортам. Что и говорить, встреча получилась эффектной и впечатляющей. Теперь уже это была не эскадра, а целый флот. Жаль только, что значительную его часть составляли устаревшие корабли, либо корабли, не годные для эскадренного боя. Нужно было крепко подумать, как использовать всю эту разносортницу в бою, чтобы выжать максимум пользы.

По прибытии на стоянку состоялось совещание штаба и флагманов. Вновь прибывший адмирал доложил, что пришедшие с ним корабли исправны и готовы к продолжению похода. В пути дважды проводились стрельбы всеми калибрами с выверкой дальномеров между ними. Результаты вторых стрельб на дальности от 25 до 60 кабельтовых были вполне приличными. Все щиты были разбиты. С эскадрой пришли 7 транспортов, плавмастерская «Ксения», госпитальное судно «Кострома» и буксир «Свирь».

Прибывших офицеров, вкратце, ввели в курс всего, происходящего на эскадре, и приступили к разработке планов ведения боя, исходя из имеющихся теперь сил. Инженерные службы эскадры незамедлительно занялись разработкой планов разгрузки прибывших кораб-

лей и необходимых доработок. Время поджимало, поэтому решено было ограничиться прокладкой дополнительных линий связи и заменой малокалиберной артиллерии и пулеметов трехдюймовками. Естественно, удалялось излишнее шлюпочное вооружение и все оставшиеся минные аппараты, так же как и мины заграждения с противоторпедными сетями и их оборудованием.

Эти работы были выполнены в двухдневный срок. Все остальное, в том числе и блиндированные артиллерийские рубки, планировалось установить по возможности на переходе (но до Владивостока этого так и не успели сделать, лишь оборудовав артиллерийские посты на опустевших боевых марсах броненосцев береговой обороны и «Николая I»). Все корабли наконец собравшейся эскадры были перекрашены в серый защитный цвет.

Первоочередной задачей сейчас было добиться полного взаимопонимания между офицерами с кораблей Небогатова и второй эскадры. Для усвоения всех новшеств командующий отвел только два дня, а в качестве учителей направил офицеров из своего штаба. После чего планировал провести сначала командно-штабную игру, затем катерные учения. А далее, судя по их результатам, либо снова на катерах, либо уже в море всем флотом.

Пока офицеры из пополнения и их экипажи проходили переподготовку, в адмиральском салоне на «Суворове» с утра до вечера шли заседания командиров и флагманов. Выбирался маршрут последнего перехода, варианты построений, возможные места угольных погрузок и ремонтов. Разрабатывались планы ведения боя, взаимодействия отрядов и возможные точки рандеву в случае разделения эскадры в бою и многое другое.

Кроме того, нужно было решить и кадрово-организационные вопросы. Адмирал Фелькерзам, по причине тяжелой болезни, вынужден был снять с себя полномочия начальника второго броненосного отряда. Командующий был вынужден отправить старого моряка в Сайгон во французский морской госпиталь. Фелькерзам был категорически против, желая умереть, если придется, на корабле, но не мог игнорировать доводы Рожественского о том, что в случае гибели эскадры, чего исключать никто не мог, должен был остаться кто-нибудь, достаточно авторитетный, чтобы донести все новшества до генштаба и внедрить их на русском флоте.

С приходом последних кораблей с Балтики русский тихоокеанский флот был разделен на три броненосных и три крейсерских отряда. Первый броненосный отряд остался в прежнем виде. Он состоял из 5 новейших броненосцев с ходом до 17 узлов, в полном грузу и однородным составом артиллерии. Командовал ими капитан первого ранга Игнациус. Флагман – «Суворов». Задачи отряда в бою остались те же. В ходе многочисленных учений сигнальщики окрестили эти красивые и мощные корабли «Суворовыми», докладывая об их передвижениях: «Суворовы» ворочают влево, «Суворовы» добавили ходу и так далее. Так это прозвище и прижилось.

Второй броненосный отряд составили три старых броненосца: «Император Николай I» – флагман, «Наварин», «Сисой Великий» и броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». Все они имели ход в 14–15 узлов – и *девять!* совершенно разных типов артсистем на вооружении. На эскадре тут же окрестили второй отряд «антикварным», имея в виду преклонный возраст кораблей, в него входящих. Командовал этими кораблями Небогатов. Он, вместе с третьим отрядом, должен был стать приманкой, ввиду устарелости корабельного состава и теоретически высокой уязвимости. Основной задачей второго и третьего отряда было связывание боем как можно больших сил противника, чтобы позволить произвести охват вражеской колонны остальными силами эскадры.

По расчетам, старички, после всех доработок в области боевой живучести, должны были выдержать огонь основных сил японского флота минимум в течение получаса, а за это время ситуация должна будет измениться.

Третий броненосный отряд состоял из трех однотипных броненосцев береговой обороны и обладал превосходством в скорости по отношению ко второму отряду на 1–1,5 узла, что поз-

воляло иметь некоторую свободу маневра для охвата хвоста колонны главных сил противника, находясь в бою позади первого и второго отрядов. Командовал третьим броненосным отрядом Энквист. Флагман – «Адмирал Ушаков». Неофициально этот отряд стали называть «Адмиралами».

В первый крейсерский отряд вошли все новейшие бронепалубные крейсера. Флагман – «Олег». Основная задача – разведка в интересах своих броненосных сил и уничтожение вражеских разведчиков. А в бою, по возможности, глубокие захваты головы колонны противника, поддержка минных атак своих эсминцев и отражение атак миноносцев противника. Командир – капитан первого ранга Добротворский.

Второй крейсерский отряд составили владивостокские крейсера с флагманским «Россией». Их главной задачей было обеспечение поддержки своей разведки и уничтожение вражеской. В бою броненосные крейсера должны были так же прикрывать Добротворского. Командир – Иессен.

Оставшиеся братья «Донской» и «Мономах» образовали третий крейсерский отряд под командованием командира «Дмитрия Донского» капитана первого ранга Лебедева. Их задачей являлась охрана своих транспортов, а при приближении противника – поддержка ближних дозоров из миноносцев и совместные действия с третьим броненосным отрядом.

Вспомогательные крейсера были выделены в отдельный отряд дальней разведки. В дальнейшем их планировалось отправить на японские коммуникации в автономное плавание.

Вспомогательный крейсер «Урал», обладавший радиостанцией дальней связи фирмы Маркони (до 540 миль), прикреплялся к флагманскому броненосцу «Князь Суворов» в качестве корабля связи.

Эсминцы по-прежнему делились на два отряда. В первый входили «Безупречный» (флагман), «Блестящий», «Буйный», «Быстрый» и «Бедовый». Командовал отрядом капитан второго ранга И. А. Матусевич, командир «Безупречного». Второй отряд состоял из эсминцев «Бодрый», «Бравый», «Громкий» и «Грозный». Командовал отрядом капитан второго ранга К. К. Андржиевский, командир «Бодрого».

Основная задача эсминцев во враждебных водах заключалась в несении дозорной службы при эскадре, обнаружении вражеских разведчиков и передаче распоряжений командующего на отдаленные отряды, в случаях, когда беспроволочным телеграфом пользоваться запрещено или нет возможности. В бою миноносцы должны были атаковать главные силы противника при поддержке крейсеров, с целью отвлечения на себя части артиллерии головных кораблей японской колонны.

Приказ о таком подразделении эскадры был подписан к вечеру 28 апреля и доведен до сведения всех командиров и флагманов. А уже 29 апреля с 8 часов утра в кают-компании флагмана – «Князя Суворова» начались штабные учения, продолжавшиеся два часа. Еще не вышли оттуда собравшиеся офицеры, а вестовой уже принес на мостик «Суворова» записку командующего с приказом «готовить катера». Это распоряжение тут же было передано на все корабли и суда эскадры.

Едва участники зачетного совещания поднялись на палубу, как командиры кораблей и флагманы получили из рук начальника штаба эскадры Клапье де Колонга пакеты с предписаниями для катерных учений и тут же отбыли исполнять распоряжения.

Сразу после обеда началось представление. Два катерных флота сходились на встречных курсах на внешнем рейде стоянки, на фоне маячившей за горизонтом стены дозорных вспомогательных крейсеров.

Рождественский постоянно менял обстановку, давая самые неожиданные вводные. Случались заминки, но в целом все прошло довольно гладко и к шести часам вечера учения закончились. Адмирал, хоть и остался не совсем доволен, приказал всем отдыхать, назначив на завтра общешлотские учения.

В начале восьмого часа утра корабли начали вытягиваться на внешний рейд, затем главные силы построились в одну колонну, а крейсера, поотрядно, ушли за горизонт. В начале броненосцы тренировались в общем маневрировании, что было не так и просто. Корабли разных типов имеют совершенно различные маневренные качества и поэтому разную скорость выполнения одного и того же маневра. Если основное ядро эскадры уже немного сплывало и более-менее держало строй, то вновь прибывшие корабли постоянно выкатывались из него, то запаздывая, то наоборот, вылетая вперед. Часа через три после начала эволюций стало получаться вполне сносно, и адмирал приказал сомкнуть строй. Интервалы между кораблями сократили до полутора кабельтовых и продолжили маневрирование.

Около пяти часов вечера с «Суворова» передали открытым текстом радиogramму: «Крейсерам приступить ко второй части!» После чего колонна броненосцев легла на южный курс, держа 10 узлов хода. Впереди шел первый броненосный отряд, за ним второй и третий, держа на траверзах дозорные миноносцы второго минного отряда.

Вскоре на горизонте слева по борту показались думы, быстро разделившиеся на две группы. Первая начала обгонять броненосцы, а вторая медленно приближаться и вскоре показались мачты двух трехмачтовых кораблей. На этом сближение закончилось, а беспроволочный телеграф начал принимать непонятные телеграммы.

К началу сумерек обгонявшая группа дымов оказалась уже прямо по курсу броненосных отрядов, и началось сближение с охватом правого борта. Причем одновременно стали приближаться и трехмачтовые корабли слева, показав над горизонтом свои корпуса.

Внимание всех, находившихся на мостиках броненосцев, было приковано к этим кораблям, как вдруг с «Николая» раздался сначала одиночный выстрел и почти сразу нестройный залп, сменившийся беглым огнем. Стрельбу тут же подхватили все корабли, замыкавшие колонну броненосцев, а над «Николаем» взвился сигнал: «Миноносцы по корме с обоих бортов».

Вскоре стали видны и сами миноносцы, тащившие за собой щиты на длинных тросах. Причем щиты были окрашены в серый защитный цвет и терялись в сумерках и волнах, в то время как миноносцы несли широкие белые полотнища между труб и были уже хорошо заметны.

С мостика головного «Суворова» видели, как разлетелся щит, буксируемый первым эсминцем, и он, налегке, направился к борту флагмана для доклада о результатах атаки. Вышло, что, прячась за кормой броненосцев в их же дыму и воспользовавшись отвлечением внимания на показавшиеся крейсера, второй минный отряд смог проскочить незамеченным мимо дозорных эсминцев первого отряда и приблизился к хвостовым «Апраксину» и «Сенявину» на два-три кабельтова. Лишь тогда был обнаружен с палубы «Николая I», шедшего почти на полмили впереди, расчетом трехдюймового орудия, немедленно пальнувшего в них холостым выстрелом (как было положено по правилам учений).

После обнаружения эсминцы сбросили в воду щиты и подняли белые маркеры между труб, а броненосцы открыли огонь по щитам на поражение. Обгоняя два последних наших броненосца, командир отряда миноносцев капитан второго ранга Андриевский не смог отказать себе в удовольствии поднять сигнал: ««Сенявин» и «Апраксин» потоплены».

Этот сигнал все еще развевался на фалах эсминца, когда его командир заканчивал доклад. А между тем уже совсем стемнело, и броненосцы открыли прожектора для освещения целей. Для отражения атаки было разрешено пользоваться всеми калибрами, лишь бы скорее разбить щиты.

В течение восьми минут все щиты были разбиты, но не успело еще пройти возбуждение от внезапной и удавшейся сумеречной минной атаки, как слева по курсу раздался залп, затем второй. По вспышкам дульного пламени было видно, что стреляют два корабля.

Немедленно все лучи прожекторов были развернуты в сторону новой опасности, но прежде чем это удалось выполнить, грянул еще один спаренный залп. А прожектора никак не могли нащупать противника в ключьях порохового дыма, даже несмотря на то, что вспышки выстрелов были хорошо заметны. Непроглядная тьма только еще больше сгушалась там, где не было слабых пятнышек света прожекторных лучей.

Вскоре последовал четвертый залп, после которого наконец-то лучи зацепились за высокие борта «России» и «Громобоя», тут же отвернувшись в сторону и прервавших огневой контакт. И в ту же секунду с носовых углов головные броненосцы прямо в лоб и правую скулу начали обстреливать еще пять или шесть кораблей.

Невольно отвернув от этой атаки, броненосцы сломали строй, и тут их из темной восточной стороны горизонта снова атаковали верткие миноносцы. Не видимые в ночи, они заходили в атаку на хорошо различимые на фоне вечерней зари силуэты броненосцев, дополнительно подсвеченных своими же прожекторами, и даже успели распределить цели.

Лучи прожекторов беспомощно заматались по поверхности моря, только усиливая общую сумятицу, а с востока и юга снова начали бить пушки крейсеров.

Эта атака стала финальным аккордом последних больших маневров нового тихоокеанского флота Российской империи. Над «Суворовым» взвились, последовательно, белая, красная и зеленая ракеты, завидев которые наши корабли включали все наружное освещение и стопорили ход, показывая свое место.

От стройной колонны броненосцев с дозорными миноносцами на траверзах не осталось и следа. Корабли сбились в кучу, перемешавшись с нападавшими миноносцами, а в 8–10 кабельтовых от них покачивались на зыби крейсера, сумевшие воспользоваться преимуществами освещения вечерней зари. Если бы эта атака была проведена в боевых условиях, то от полного разгрома броненосную колонну могло спасти лишь чудо, даже невзирая на то, что по мощи артиллерии она превосходила атаковавшие их крейсера в несколько раз²⁰.

С флагмана просигналили: «Командам обедать», и флот двинулся к якорной стоянке экономическим ходом. В базу была послана телеграмма с приказом задействовать навигационные огни при приближении эскадры.

Через час дозорный катер встретил наши корабли, и, по его сигналу, зажглись створные огни и маяки. Ориентируясь по ним, эскадра втянулась на свою якорную стоянку и замерла. Адмирал передал: «Благодарю всех за службу. Учить урок!» На броненосцах и крейсерах было приказано котлы не гасить. Всем быть готовыми к выходу не позже восьми часов утра следующего дня и закончить расчеты с берегом. До утра следовало принять топлива и воды до полных запасов, свежих продуктов и прочих расходных и машинных материалов как можно больше. Так что ночь впереди была бессонная. Несмотря на наличие эскадренных штатных грузчиков, в число которых включили и запасные экипажи эсминцев, прибывшие к отряду Фелькерзама еще в бухте Суда²¹, чтобы уложиться в отведенные сроки, все равно требовалась напряженная работа всех экипажей боевых кораблей.

К началу восьмого часа утра работы были закончены и эскадра начала выходить из гавани. Первыми вышли вспомогательные крейсера, тут же разошедшиеся веером к горизонту. За ними первый крейсерский отряд и все остальные. Новейшие броненосцы уже ждали эскадру в открытом море. Море было беспокойным, из-за чего большим броненосцам пришлось этой ночью перейти в бухту Ван-Фонг для догрузки угля, так как она имела более закрытый рейд.

Отойдя от берега на 15 миль, построились в походный ордер. Впереди завеса из четырех вспомогательных крейсеров, идущих на пределе видимости друг друга. В 5 милях за ними

²⁰ На самом деле, за весь поход было проведено только несколько попыток совместных эскадренных маневров и тренировочных стрельб. При этом никакого анализа учений не проводилось. Зато нагоняи сыпались как из рога изобилия.

²¹ Резервные экипажи миноносцев прибыли с Черного моря, но были плохо подготовлены, не знали кораблей, и потому их использовали для различных работ.

первый крейсерский отряд, а в 6 милях позади них главные силы с «Россией» и «Громобоем» в головах двух кильватерных колонн, с замыкающими из крейсеров третьего отряда. На траверзах в 6 милях дозорные эсминцы. Транспорты шли позади всех, построившись в четыре короткие колонны. Разгруженные пароходы, в количестве 7 штук, в том числе ненадежные «Тамбов» и «Китай», были отправлены домой с последней почтой.

Держали ход в 10 узлов. Весь походный строй эскадры растянулся более чем на пять миль, не считая разведки. Однако, несмотря на свежую погоду, корабли четко держали свое место. Даже транспорты, дымившие в хвосте, уверенно держались в кильватере у ведущих «Березани» и «Днестра» и обоих плавмастерских. Такое зрелище не могло не вызывать восхищения, завораживая своей красотой и мощью. В одном строю шли 37 боевых кораблей и 13 вспомогательных и транспортных. И это был уже не случайный набор кораблей, а организованная и подготовленная сила.

По прикидкам некоторых офицеров выходило, что эскадра за время перехода провела на маневрах столько же времени, сколько обычно приходится на ШЕСТЬ ЛЕТ! службы корабля. При этом было отработано ночное маневрирование в сомкнутом строю, о чем ранее даже и не помышляли. А ствольковых стрельб было столько же, сколько на всем Балтийском флоте, начиная с 1891 года. При этом зачетных артиллерийских стрельб было в полтора раза больше, чем за предшествующие четыре года, половина из них ночные, чего раньше тоже не было. А торпедных даже в 20! с лишним раз больше, чем за все остальное время с начала этого века. Каждый корабль расстрелял на тренировках почти полный свой боекомплект для средних и противоминных калибров и более трети для крупных пушек. При всем этом, на данный момент, техническое состояние ядра эскадры – пяти новейших броненосцев – было намного лучше, чем при выходе из Либавы. Были отлажены все башенные установки, проверены и отсортированы боеприпасы, причем все устаревшие либо выгружены и заменены современными, либо израсходованы на учениях, а на фугасных снарядах взрыватели Бринка заменили на старые, системы Барановского, дававшие почти гарантированное срабатывание при попаданиях. Устранены заводские дефекты главных и рулевых механизмов.

Техническое состояние старых кораблей также не вызывало опасений. К тому же они были укомплектованы опытными командами, прошедшими полный курс боевой подготовки еще на Балтике и курсы усовершенствованной переподготовки сейчас. Но самое главное заключалось в том, что все корабли удалось избавить от перегрузки, благодаря чему они обрели заложенную в первоначальный проект боевую живучесть²².

Штаб эскадры рассчитывал, что весь переход до Владивостока должен занять 15 дней, при условии следования кратчайшим путем, через Цусимский пролив. Если вокруг Японии, то около 20 дней. Но при выборе этого маршрута пришлось бы останавливаться для приемки топлива в непосредственной близости от вражеского побережья, а скорее всего даже в какой-то из бухт, так как в это время года, согласно английской лоции, в месяц выпадал лишь один день, подходящий по погодным условиям для погрузки угля в открытом море у Тихоокеанского побережья Японии. Перегружать корабли дополнительными запасами, снижая их боеспособность, Рождественский был категорически не согласен. В возможность полноценной угольной погрузки у вражеских берегов, когда флот или его часть полностью небоеспособны,²³ не верил, поэтому выбор был очевиден – Цусима.

²² Никаких попыток избавиться от перегрузки кораблей предпринято не было. В результате главный броневой пояс полностью ушел в воду. Более того, перед боем на некоторых новейших броненосцах было принято около 500 тонн воды в кормовые отсеки для улучшения управляемости, а все шлюпки заполнены водой для целей пожаротушения. Это дало дополнительную перегрузку, снизив и без того крайне низкую, в подобных условиях, боевую живучесть. Шлюпки были разбиты, и вся вода из них стекла вниз, разлившись по броневой палубе и перетекая от борта к борту при перекалке руля, снизив до критического уровня остойчивость кораблей.

²³ При погрузке угля угольная пыль проникала всюду, оседая на прицелах и механизмах орудий, приводя их в негодность. Поэтому их очень тщательно закрывали, что не позволяло быстро открыть огонь при появлении противника. Кроме того, при

Кроме того, имелся и еще один, весьма веский довод, в пользу наикратчайшего пути прорыва. Дело в том, что запасы угля во Владивостоке, по самым оптимистическим прогнозам, могли обеспечить потребности нового дальневосточного флота максимум на месяц – полтора. А потом, по причине удаленности театра боевых действий от основных источников снабжения углем и недостаточной освоенности местных месторождений²⁴, неизбежно должен был наступить топливный голод. Что приковало бы весь боеспособный флот к причалам. Нельзя было исключать, что эта ситуация известна японцам, а потому единственным выходом было генеральное сражение между флотами. Причем для русских, прошедших полмира, это стало бы долгожданным избавлением от груза опасности и постоянного нервного напряжения, независимо от места самого сражения.

В то же время для Японской империи теоретически было выгоднее навязать нам этот бой как можно ближе к своим берегам. И мы решили им в этом помочь. Начиная с 4 мая на совещаниях штаба решено было прорабатывать лишь варианты прорыва через цусимские проливы, ввиду бесперспективности остальных разработок.

После выхода с Куа-Бе за ночную угольную погрузку и для отдыха перед последним переходом и боем адмирал распорядился дать экипажам три выходных дня, так что все, кто не был занят на вахте, могли наслаждаться прелестями похода в южных странах.

Однако весь офицерский корпус эскадры был задействован в разборе итогов последних маневров. Вырабатывались контрмеры против «сумеречных атак» и против минных атак с кормы, прикрываемых собственным дымом.

Все вносимые предложения сводились к одному: «Нужно придерживаться более агрессивной тактики, чем противник». Лишь это могло дать преимущество над японцем, смять его и не дать опомниться. Если тебя пытаются атаковать из темной стороны горизонта, атакуй сам и занимай наиболее выгодные позиции, выбивая с них неприятеля. Даже если тебя атаковали миноносцы – атакуй в ответ, и тогда большая скорость сближения не позволит противнику взять верный прицел, а твоя артиллерия решит большинство возникающих проблем. К тому же все окончательно убедились, что наши прожектора скорее открывают нас, чем позволяют обнаружить врага, так как их луч теряется в дымке или клубах порохового дыма уже в 8 кабельтовых, будучи заметным миль с трех-пяти, а обнаружить атакующий миноносец, идущий на 22–24 узлах, при помощи прожектора можно, даже в идеальных условиях, лишь в 10–12 кабельтовых. Таким образом, получается, что до момента торпедного выстрела он будет находиться под обстрелом не более двух-трех минут.

В ходе последовавших за выходом эскадры ночных маневров опытным путем установили, что при ночной атаке быстро идущих крейсеров вероятность поражения торпедами сводится к смехотворно малой величине (не успевают навести торпедные аппараты), в то время как эффективность ответного огня возрастает по мере сокращения дистанции. Когда отпадает необходимость в выборе упреждения при прицеливании, а освещенность и размер цели уже почти не имеют значения и можно бить на «глазок», что при достаточной выучке расчетов только упрощает дело.

С 4 мая начались привычные стволиковые стрельбы, пожарные и водяные учения. Но сейчас в расписании учений появились еще и стрельбы на максимальную дальность из главного калибра. Эскадра шла в боевом построении, но при этом прорабатывались возможные варианты других расположений отрядов и скоростей хода, для лучшего и быстрее охвата и уничтожения появившейся вражеской разведки и отвода своих главных сил из контролируемой противником зоны. В роли вражеских дозорных кораблей выступали вспомогательные

бункеровке отдраены все водонепроницаемые люки и горловины угольных ям и палуб над ними.

²⁴ Сучанский уголь, добывавшийся недалеко от Владивостока, не уступал по качеству английскому боевому, но разработка месторождения только начиналась, и железной дороги к нему не было.

крейсера, одиночные и парами. Постоянные перемещения кораблей и отрядов внутри ордера стали уже привычными для всех. Каждый просто молча делал свое дело, максимально хорошо и правильно. А что из этого получалось, решали уже в штабе, делая свои выводы и давая новые распоряжения.

К слову сказать, интенсивность занятий сейчас заметно снизилась, зато сигнальная вахта была усилена вдвое. А по мере приближения к принадлежащим Японии, Тайваню и Пескадорским островам всеобщее напряжение еще больше возросло, и даже ночью в горизонт вглядывались все, кто не мог сомкнуть глаз.

Однако все встречные думы оказывались лишь коммерческими пароходами. В конце концов, адмирал приказал распространить по всем экипажам приказ, в котором излагались основные принципы ведения предстоящего боя, основанного на агрессивной тактике. Кроме того, с тактической, и особенно с технической, точки зрения, обосновывалось предположение, что встреча флотов может произойти лишь в непосредственной близости от Корейских проливов²⁵.

После этого нездоровое волнение на эскадре улеглось и неопознанные миноносцы перестали мерещиться по ночам. 5 мая при проведении профилактической остановки разгрузили транспорт «Монгол», отправленный в Сайгон.

Ночью дозорные крейсера задержали английский пароход «Ольдгамбия», имевший по документам лишь 1000 пудов керосина, но сидевший в воде по верхнюю марку. После беглого досмотра и опроса команды выяснилось, что имеется контрабандный груз из артиллерийских орудий, и транспорт, после пополнения запаса угля и назначения на него призовой команды, был направлен во Владивосток круглым путём, через северные проливы.

8 мая, около 7 часов утра, все вспомогательные крейсера, кроме «Урала», отделились от эскадры и ушли в самостоятельное плавание, кто в Восточно-китайское море, а кто в Тихий океан.

В 10 часов с «Жемчуга» пришло сообщение: «Вижу воздушный шар на норд-ост 48 градусов! Иду на разведку, прикройте!» Адмирал немедленно приказал Иессену прикрыть «Изумруда», но тот вернулся через полчаса ни с чем. Видимо, показалось²⁶. Так шли до вечера. К этому времени поднялось значительное волнение, вынудившее отменить намеченную догрузку угля и профилактическую остановку.

К 11 мая волнение улеглось, и можно было наконец-то провести ревизию механизмов. Стоянка затянулась до вечера. С кораблей, пришедших с Небогатовым, свозили на транспорты деревянные палубные настилы, противоторпедные сети, часть шлюпочного оборудования и мелкую артиллерию, что успели снять уже на переходе. Теперь перевооруженные корабли имели по шесть 75-миллиметровых орудий, а «Николай», целых двенадцать таких пушек. На «Мономахе» погонную шестидюймовку приспособили для ведения огня по траверзу, сревав фальшборт вокруг орудия и заменив его легким леерным ограждением. Из шлюпок на кораблях оставались стандартные наборы из одного катера и 12-весельного баркаса да мелкие шлюпки на бортовых шлюпбалках, не закрывавшие сектора обстрела артиллерии. На всех кораблях, пришедших с Небогатовым, были устроены дополнительные противоосколочные защиты из коек, тросов и колосников, прикрывавшие пушки.

Попутно разгрузили и отправили в Сайгон еще несколько транспортов, перевезя часть грузов на оставшиеся с эскадрой пароходы. Боевые корабли на последней стоянке принимали

²⁵ На основании технических характеристик и мореходности японских миноносцев и всех неудобств походной жизни в приказе доказывалось, что для поддержания максимальной боеспособности всех сил своего флота японцы не будут слишком удаляться от своих баз. В реальной истории этого приказа, конечно, не было.

²⁶ Японцы теоретически могли располагать воздухоплавательным парком, так как еще до объявления войны 25 января 1904 года ими был захвачен русский пароход «Маньчжурия», перевозивший воздухоплавательное снаряжение в Порт-Артур и стоявший на бункерке в Нагасаки. При этом японцы проявили поразительную осведомленность о характере груза судна.

лишь уголь до нормальных запасов да снаряды, уже сверх всяких, даже усиленных норм. Новые снаряды все уже были в погребах, поэтому грузили даже забракованные вначале чугунные шестидюймовые фугасные снаряды, в которых тугие взрыватели Бринка заменили старыми, более чувствительными, еще на Мадагаскаре, и держали так, на всякий случай да для учебных целей. Их планировали израсходовать завтра на артиллерийских учениях.

Воспользовавшись остановкой, провели совещание штаба эскадры и всех старших офицеров кораблей. Это совещание, судя по всему, станет последним перед боем. На нем снова обсуждали возможные пути прорыва во Владивосток и снова пришли к выводу, что просто проскочить мало. Желательно постараться принять бой с основными силами японского объединенного флота и максимально потрепать его. При этом нашим единственным шансом является, воспользовавшись тем, что от нас не ждут активных действий, постоянно атаковать противника, охватывая голову, либо хвост его колонны, ставя японцев под продольно-перекрестный огонь и максимально сближаясь, чтобы использовать по максимуму бронепробивающее действие наших снарядов.

Исходя из этих принципов, был подготовлен окончательный вариант боевого приказа и плана ведения боя. Очень важным, на первом этапе, при сближении флотов было признано не позволить японцам определить точное место, курс и скорость нашей эскадры, что должно будет вынудить Того отправить часть своих сил на дополнительную разведку и поиск. Если же нам повезет, возможно, японцам придется разделить свой флот между двумя цусимскими проливами, что позволит нам бить их по частям.

В то же время наша эскадра должна идти максимально компактным и малозаметным строем, имея собственную активную и очень агрессивную разведку, способную своевременно предупредить свои главные силы и уничтожить вражеского разведчика раньше, чем он успеет сообщить о нашем появлении. Для выполнения этого требования эскадра была перестроена из походно-боевого строя в боевое построение, позволявшее при сохранении максимальной подвижности достигать за короткий промежуток времени максимальной концентрации огня на любом направлении, что было неоднократно проверено на учениях.

Впереди эскадры должны идти крейсера первого отряда, обогнавшие эскадру на 5–8 миль, в зависимости от видимости. Главные силы идут в одной общей кильватерной колонне, в которой выстроились по порядку броненосные отряды. На траверзах главных сил шли миноносцы фланговых дозоров, поддерживаемые «князьями». Сразу за броненосцами, плотной коробочкой транспорты – в трех колоннах, а замыкают строй большие броненосные крейсера. Вся колонна, не считая разведки, в длину 3 мили, а в ширину, в зависимости от видимости, от 6 до 12 миль.

Непосредственно перед входом в Корейский пролив транспорты отделяются от эскадры и следуют самостоятельно в назначенную точку randevу с флотом (координаты получают при уходе). Госпитальные суда до начала боя держатся рядом с главными силами, соблюдая меры светомаскировки, а во время боя следуют за эскадрой, но на расстоянии, полностью исключающем получение боевых повреждений, неся все свои отличительные знаки. Их основная задача – спасательные работы на месте гибели кораблей.

После установления контакта с японской разведкой наши дозоры пропускают японцев к своим главным силам, после чего, отрезав им пути отхода, уничтожают дозорные суда противника.

Главные силы должны активно участвовать в уничтожении вражеской разведки, для чего допустима общая атака отрядами броненосцев и дозорных крейсеров, но без потери строя.

Для воспрепятствования вражескому радиообмену следует использовать собственные передатчики на максимальной искре, особенно станцию крейсера «Урал».

Для недопущения преждевременного обнаружения нашей эскадры, все радиопереговоры прекратить, до особого распоряжения.

При встрече главных сил флотов задачей первого крейсерского отряда становится прикрытие своих миноносцев, стремящихся атаковать головные корабли неприятельской колонны, а при благоприятном стечении обстоятельств – глубокий охват головы колонны противника.

Второй крейсерский отряд в бою прикрывает действия первого отряда и находится впереди своих броненосцев. Третий крейсерский отряд при бое с главными силами флота противника переходит в подчинение третьего броненосного отряда и встает в хвост общей колонны броненосцев.

При ведении боя как с разведкой, так и с главными силами японского флота использовать любую возможность для сокращения дистанции, с целью достижения максимальной эффективности артиллерийского огня и бронепробивающего действия снарядов. Атаковать при первой возможности, но не ломать строй и не давать себя бить по частям.

Первый броненосный отряд, обладающий большим ходом, должен максимально использовать это преимущество, для скорейшего сближения с противником и навязывания ему боя на нашей дистанции, для чего ему следует действовать совместно с первым и вторым отрядами крейсеров и миноносцами. Второй и третий броненосные отряды действуют по обстановке, не отрываясь от больших броненосцев.

Основной боевой строй – кильватерная колонна с минимальными интервалами между кораблями. Строй фронта допустим лишь для быстрого сближения или атаки противника и лишь в том случае, когда охват наших флангов исключается. В бою допускается выход из общего строя отрядам кораблей для охватов головы, хвоста, или любого из флангов строя противника.

Соблюдать порядок пристрелки и сосредоточения огня, придерживаясь распоряжений своих флагманов.

Любой флагман или командир корабля либо плутонга и орудия может действовать в бою по обстановке, в рамках общего плана и без прямого распоряжения начальства, если того требуют обстоятельства, но с обязательным уведомлением.

В случае ночного боя не пользоваться прожекторами без особого на то распоряжения. Из наружного освещения допустимо использование кильватерных огней, прикрытых с бортов и горящих вполнакала. Использовать только личные позывные, согласно порядку распознавания свой – чужой...

Это лишь основные пункты боевого приказа, доведенного до сведения каждого офицера на эскадре²⁷. Теперь каждый знал свою задачу, знал, чем может помочь соседу, а самое главное – все были готовы, по крайней мере, теоретически.

На следующий день с утра были обнаружены дымы в восточной части горизонта, вскоре пропавшие из вида. Отправленный в разведку «Жемчуг» вернулся, никого не обнаружив, а ближе к вечеру 12 мая на «Урале» приняли сначала сбивчиво, но потом яснее несколько депеш на японском языке. Вскоре их смогли услышать и радисты с других кораблей. Определив направление на них, получили, что один из передающих кораблей находится совсем близко впереди нас, а другой намного дальше в том же направлении. Смысла депеш разобрать не удалось.

До Корейского пролива не более 150 миль, но мы еще не видели ни одного японского корабля. Видимость ухудшилась из-за появившейся дымки. Пришлось придвинуть дозоры вплотную к основным силам. Однако при таком построении от них не было никакого толку, и адмирал приказал восстановить прежний строй, разместив между дозорами и главными силами корабли-ретрансляторы.

²⁷ На самом деле, накануне провели лишь неудачные учения по эскадренному маневрированию, снова без разбора ошибок. А боевой приказ сводился, по сути, к одной фразе: «Прорываться во Владивосток» и не имел четких инструкций, за исключением той, что предписывала заменять вышедший из строя из-за боевых повреждений головной корабль следующему в строю.

С утра 13 мая видимость еще больше ухудшилась. Туман сгустился настолько, что едва позволял разглядеть связные миноносцы, маячившие в 30 кабельтовых от флагманского «Суворова». Держали ход в 10 узлов. Оставшиеся с эскадрой шесть транспортов, два буксира, два госпитальных судна и обе плавмастерские идут по-прежнему в хвосте, построившись в три колонны и четко держа строй.

С рассвета снова принимали японские телеграммы. Теперь уже слышны переговоры нескольких кораблей. Удалось понять слова: «Огней десять»... «Как большие звезды»... Дальше все переговоры шли уже кодом, но в них различались позывные отдельных кораблей.

Невзирая на отвратительную видимость, адмирал решил провести еще одни маневры, закончившиеся дополнениями к боевому приказу, касавшимися способов связи без использования беспроволочного телеграфа в условиях плохой или ограниченной видимости, немедленно доведенными до всех командиров и флагманов. После чего транспорты получили приказ следовать на юго-запад и ждать дальнейших инструкций, находясь в 50 милях к югу от островов Гото. Если до восьми вечера 15 мая никаких инструкций не будет, то транспортам надлежит следовать в Шанхай и ждать дальнейших распоряжений. С эскадрой оставались лишь госпитальные суда. После чего снова двинулись к проливам на 9 узлах, продолжая обмениваться флажными сигналами.

Вечером интенсивность японских переговоров возросла. На «Сенявине» своим телеграфным аппаратом перебили телеграмму противника и подали обнаруженный японский позывной, на что получили ответ: «Ясно вижу». Наша разведка и дозоры никого не обнаружили, поэтому решили, что это какая-то кодовая фраза.

В десять часов на горизонте по левому траверзу мелькнул луч прожектора. В это время эскадра уже прошла остров Квельпарт.

Коек не раздавали. Прислуга дежурила у орудий. Офицеры стояли на три вахты, команда – повахтенно.

В ночь на 14 мая, в день коронации Николая II, эскадра вошла в Цусимский пролив. Было пройдено больше 18 000 миль за 220 дней в трех океанах, и при этом не было потеряно по техническим и каким-либо другим причинам ни одного боевого корабля. Эскадра научилась четко держать строй, выполняя любые маневры, устранять на ходу любые неисправности. Вся механическая часть была в полном порядке. Корабли перевооружены на более эффективную противоминную артиллерию, а их экипажи готовы к бою. Офицеры научились принимать решения под свою ответственность, исходя из складывающейся ситуации, а адмиралы и командиры отрядов – управлять вверенными им силами²⁸.

Конечно, нервы у всех за эти долгие восемь месяцев изрядно поистрепались, и некоторый накал чувствовался, но все надеялись, что это пройдет, как только начнется дело. Если кто и не верил в успех, то надеялся на скорую развязку, на выход из того нервного и физического напряжения, которое уже полгода тяготило весь личный состав. Офицеры и команда перебирали свои вещи, приводили дела в порядок, насколько это было возможно.

²⁸ До русско-японской войны в русском флоте не учили управлять отрядами кораблей и эскадрами вообще! Каждый флагман учился этому лишь на практике согласно своего разумению и способностям.

Мы пришли!

Глава 1

Туман по-прежнему окутывал все вокруг, что нам было только на руку. С 8 часов вечера 13 мая снова начал действовать беспроволочный телеграф. По принятым телеграммам наши минеры, с «Суворова» и «Урала», пришли к выводу, что где-то в 100–150 милях от нас флагман запрашивает, а семь судов репетуют его сигналы. На запрос с «Урала», глушить ли ему эти передачи, адмирал приказал сохранять полную тишину в эфире и постараться определить направление, хотя бы на ближайший источник сигналов. Расчеты дежурили у орудий, незадействованные котлы держались в готовности, чтобы максимально быстро обеспечить кораблям полный ход по первому требованию. Сигнальная вахта по-прежнему была удвоена.

Регулярный обмен депешами между японскими дозорами продолжался всю ночь. Наша эскадра шла в боевом построении, увеличив интервалы между кораблями до 2 кабельтовых, чтобы облегчить маневрирование, при уклонении от возможных минных атак.

Адмирал уже вторые сутки не спускался с командирского мостика «Суворова», лишь иногда отдыхая в парусиновом кресле, стоявшем там же. Колонна главных сил растянулась больше чем на три мили. За ней шли оба плавучих госпиталя и «Урал» между ними. Замыкали строй «Россия» и «Громобой». На флангах держались завесы из миноносцев, с прикрывавшими их «князьями», а в двух милях впереди эскадры в строе фронта – крейсера Добротворского. Ожидали появления вражеских миноносцев, так как до японского берега было рукой подать.

Около половины первого с «России» сообщили, что «Белый Орел» пропал в тумане, выйдя из общего строя. Искать его не стали, надеясь, что он отыщется сам, как только развиднеется. Нервное напряжение росло с каждой минутой. Казалось, еще чуть-чуть, малейшее подозрительное движение в тумане, и повторения той бестолковой пальбы, что была у Доггер-банки, не избежать. Но минуты сменялись часами, а тишину вокруг нарушали лишь четкие доклады сигнальщиков о сообщениях с соседних кораблей да проплывающем мимо мусоре. Эскадра находилась сейчас на оживленной судоходной трассе.

В начале пятого с шедшего замыкающим в правой дозорной цепи «Бравого» передали на флагман, что видят подозрительный пароход, идущий поперек его курса по направлению к эскадре. Сразу же из радиорубки поступил доклад, что где-то совсем рядом заработал беспроволочный телеграф. При этом телеграммы шли открытым текстом и вне графика.

Тут же было приказано забить передачу, а «Бравому» остановить и досмотреть пароход. Но как только с эсминца начали передавать фонарем требование остановиться, с судна открыли огонь на поражение. Эсминец резко отвернул влево, уклоняясь от снарядов, а шедший в 4 кабельтовых за ним «Владимир Мономах» положил право руля и дал полный бортовой залп по незнакомцу, не включая боевого освещения.

Сразу перейдя на беглый огонь, всаживая в его высокий борт снаряд за снарядом, почти без промахов, «японца» быстро заставили замолчать. Пароход нес японский военно-морской флаг и попытался скрыться в тумане, не прекращая стрельбы из носового орудия. Но на циркуляции и под обстрелом его артиллеристы не смогли взять верный прицел, и все снаряды ложились мимо. С нашего миноносца также энергично отвечали из всех стволов и выстрелили миной из носового аппарата, которая угодила пароходу под корму. Потеряв ход и управление, «японец» по инерции покатился вправо, под градом снарядов, и замер, быстро погружаясь и кренясь на левый борт. Его артиллерия замолчала, после чего и «Мономах» с «Бравым» тоже прекратили огонь.

Японцы спустили две шлюпки, куда перебрался экипаж, и вскоре пароход затонул. Русская эскадра к тому времени уже растаяла в тумане. Тут из дымки показался трехмачтовый, двухтрубный, устаревший русский крейсер, забравший из шлюпок офицеров и показавший направление на ближайший берег.

Уже разворачиваясь, чтобы занять свое место в строю, «Мономах» наткнулся на госпитальный «Орел», блуждавший в тумане, и привел его к эскадре. Судя по всему, «японец» сначала обнаружил наш плавучий госпиталь, имевший яркую окраску и к тому же включивший ходовые огни, после того как потерял эскадру, а уже от него вышел на дозорный миноносец²⁹.

Несмотря на то, что передачу вражеского разведчика прервали в самом начале, она все же была услышана другими дозорными судами во вражеской цепи. Эфир буквально закипел телеграммами, передававшимися дальше на север. Нашу эскадру обнаружили.

На всех кораблях, по приказу командующего, начали поднимать пары во всех котлах и объявили боевую тревогу. Освещение выключили полностью, выбросив туманные буи. Около пяти с «Громобоя» сообщили, что у него за кормой, слева направо, проскочили на большом ходу четыре крейсера, опознать которые не удалось из-за дымки. Но нас они, похоже, не видели.

Начинало светать. Видимость постепенно улучшалась, но туман не рассеивался, а лежал над водой сплошным покрывалом с редкими просветами. Миноносцы в этой дымке тонули почти совершенно, и их можно было разглядеть лишь с 15–20 кабельтовых, в то время как мачты и верхушки труб больших кораблей возвышались над ней и были заметны миль с четырех-пяти. Но юго-западный ветер гнал и полосы сплошного тумана, скрывавшие временами все вокруг. С норда шла крупная зыбь. Волнение было не меньше 4–5 баллов, и нашим миноносцам приходилось не сладко.

В 06:28 с того же «Бравого», державшегося на траверзе «Николая», обнаружили справа по борту в 25–30 кабельтовых мачты неизвестного корабля, догонявшего эскадру на сходящемся курсе. Стараясь остаться незамеченным, миноносец повернул чуть влево, сообщив о контакте.

Немедленно с флагмана последовал приказ Иессену взять на шесть румбов вправо и, увеличив ход до полного, догнать и атаковать обнаруженный корабль с юго-востока, «Мономаху» поотстать от эсминцев и, повернув вправо, следовать со вторым отрядом крейсеров. «Уралу» было приказано забивать эфир максимальной искрой и подойти на левый траверз «Суворова». Одновременно к Добротворскому послали миноносец с сообщением об обнаруженном разведчике и приказом усилить наблюдение, особенно на флангах, растянув цепь его крейсеров до 4 миль в ширину.

Неизвестный корабль, между тем, приблизился к линии дозоров уже почти на 2 мили и был обнаружен также с «Бодрого», с которого его опознали как крейсер третьего ранга «Идзуми» в 3000 тонн водоизмещения.

Чтобы избежать обнаружения, наши миноносцы приблизились к главным силам уже на 8–10 кабельтовых, уйдя больше чем на милю влево с дозорной линии и держась на пределе видимости от японца.

С броненосцев японский крейсер пока не был виден, скрываясь в тумане где-то справа, но все башни на эскадре уже были развернуты на правый борт и водили жалами орудий по горизонту в поисках цели. Со всех кораблей бинокли и зрительные трубы вглядывались в туман, но ничего не могли рассмотреть, кроме скачущих на волнах наших миноносцев.

²⁹ Когда Рождественский вошел в Цусимский пролив, японский вспомогательный крейсер «Синано-Мару» наткнулся в тумане на отставшее госпитальное судно «Орел» и хотел захватить его, для опроса команды, хотя оно несло все знаки, показывавшие его принадлежность к Красному Кресту! Однако при сближении японцы наткнулись на наши броненосцы и в течение сорока минут шли незамеченными параллельными курсами, передавая их координаты, курс и скорость совершенно беспрепятственно. Рождественский приказал не глушить японские передачи, чтобы не выдать противнику нашего местоположения!

Нас, похоже, пока не видели. По крайней мере, «японец» ничем это не выдавал и шел прежним курсом, не меняя скорости, о чем постоянно докладывали семафором с миноносцев.

Вдруг откуда-то справа из тумана докатился грохот залпов и почти сразу за ними разрывы снарядов, гораздо громче и ближе. Затем частая отдаленная стрельба и близкий, должно быть ответный, нестройный залп, почти потонувший в разрывах.

В 06:39 наши миноносцы резко шарахнулись к колонне броненосцев, а за ними из дымки выскочил вражеский крейсер, окруженный всплесками со всех сторон и уже имевший пожар в корме.

Сейчас «японец» оказался прямо на траверзе «Николая I», всего в 20–22 кабельтовых в полосе хорошей видимости. Видимо, пытаясь уклониться от атаки крейсеров Иессена, он вышел прямо на середину русской колонны.

Обнаружив у себя по курсу наши главные силы, «Идзуми» взял резко вправо, чтобы снова нырнуть в туман, но был тут же накрыт залпом с «Николая» и получил минимум два прямых попадания тяжелыми снарядами. В этот момент расстояние до него по дальномеру было 15 кабельтовых, почти прямая наводка.

Старый крейсер, практически не имевший никакой брони, кроме тонкой стальной «бронепалубы», сразу густо запарил из второй трубы и вентиляционных труб и стал быстро терять ход.

В ту же секунду все русские корабли окутались дымами выстрелов, стреляя даже через головы своих миноносцев, спешащих поскорее убраться с линии огня. Вся наша колонна с бешеным азартом лупила из всех калибров, выпуская с каждым снарядом так долго копившийся страх, обиду и невыносимо тягостное ожидание боя и смерти, изматывающее нервы постоянное ощущение опасности. При этом ни о какой корректировке просто не могло быть и речи. Попадали, естественно, далеко не все, но и того, что ложилось в цель, хватало с избытком, благо дистанция была небольшая.

Вражеский крейсер почти целиком скрылся за всплесками от близких недолетов. За стеной поднятой воды сверкали тусклые разрывы прямых попаданий, рухнула срубленная снарядом грот-мачта, и почти сразу повалилась сбитая первая труба, тут же получившая еще одно или два попадания вдогонку и кувырком полетевшая за борт. Что-то здорово рвануло у кормового мостика, и пожар на корме вспыхнул еще ярче. «Идзуми» весь заволокло дымом от разрывов наших снарядов и взрывающихся собственных боеприпасов, уже поднятых на палубу для боя.

Оказавшись под ураганным перекрестным огнем, он замолчал уже через две минуты, превратившись в горящую развалину. После приказа с «Суворова»: «Не кидать снарядов!», задробили стрельбу и наши корабли, с палуб которых с изумлением разглядывали то, что они сотворили за считанные мгновения. Одно дело бить по щитам, и совсем другое, видеть, как твои снаряды рвут борта вражеского корабля. Все орудия и надстройки японца были разбиты или снесены за борт. Над раскуроченной палубой остались торчать лишь обломки ходового мостика, фок-мачта со сбитой стеньгой и многократно пробитая вторая дымовая труба, из которой все еще вырывались клубы белого пара. На месте первой трубы, прямо из палубы, к небу вставал столб жирного черного дыма из топок котлов носовой кочегарки. Пожар на корме добрался уже до роств и озарялся разрывами детонирующих от жары снарядов, приготовленных для стрельбы. Причем его никто даже не пытался тушить. Борты покрылись множеством пробоин. «Идзуми» на глазах садился носом и заваливался на левый борт.

Людей сначала не было видно, но спустя минуту экипаж показался на палубе и тут же начал прыгать за борт. Казалось даже странным, что после *такого* их еще осталось так много³⁰.

³⁰ «Идзуми» пришел по вызову «Садо-Мару» и двигался рядом с нашей эскадрой довольно долго, даже когда был уже обнаружен с наших броненосцев. Однако его передаткам также не мешали и его не атаквали.

«Урал» прекратил ставить помехи, а «Белый Орел» получил приказ подобрать спасшихся и передать уцелевших офицеров на флагман.

Из тумана, позади тонущего крейсера, показались корабли Иессена и «Мономах», спешившие занять положенные им места. Незамедлительно на фалах головного русского броненосца взвился сигнал: «Крейсера молодцы! Хорошо сделано!» И сразу следующий: «Всем судам в главной колонне, повторно изучить инструкции по пристрелке! Истерику прекратить!»

В почти полной тишине корабли российского тихоокеанского флота проходили мимо гибнущего «Идзуми», первого японского крейсера, потопленного артиллерией. Около 7 часов он перевернулся вверх килем через левый борт и быстро затонул, носом вперед, высоко задрав корму с переложенным право на борт рулем.

И тут же по всем палубам русских кораблей раскатилось громогласное «ура-а-а!». Все поздравляли друг друга с почином. Высочайшее нервное напряжение последних дней сменилось ощущением уверенности в себе и своих силах изменить все здесь и сейчас. Каждый чувствовал, что теперь все будет по-другому, не как раньше. Теперь МЫ пришли!!

Глава 2

Уже совсем рассвело, и по приказу адмирала фланговые дозоры отодвинули на 3 мили дальность гарантированного чтения сигналов при такой видимости. Через связного «Безупречного» передали на крейсера разведки приказ отодвинуться еще на 2 мили вперед и строжайший запрет на использование радио для передачи сообщений без крайней необходимости.

Японский радиообмен становился все интенсивнее. Минерам иногда удавалось определить направление на вражеский передатчик, оказывавшийся порой за кормой у эскадры. Эскадру окружали, искали, но пока не видели. Совершенно точно, что «Идзуми» не успел ничего передать, так как помехи начали ставить заблаговременно. Но все время прерывать японские передачи было тоже нельзя. Рано или поздно им удастся определить пеленг на источник помех, что раскроет местонахождение эскадры. Оставалось надеяться на зоркость сигнальщиков да на удачу.

В 08:00 на русских кораблях подняли стеньговые флаги, по случаю высокаторжественного дня коронавания их императорских величеств. Командам было разрешено завтракать посменно и выдана винная порция. Радовались удачному началу дня, свежей волне, затруднявшей действия японским малым миноносцам, которыми, скорее всего, были густо напичканы прибрежные шхеры Корейского побережья, а также неважной видимости, наверняка вынудившей Того усилить дозорные линии за счет сил флота.

Для усиления разведки решено было отправить первый минный отряд к бронепалубным крейсерам, развернув их попарно на флангах завесы, а в дозоре на траверзах броненосцев оставить второй отряд эсминцев и «князей».

Едва успели исполнить это распоряжение, как вставшие на левом фланге крейсеров «Блестящий» и «Буйный» обнаружили из своих «вороньих гнезд» на мачтах подозрительные дымы, приближающиеся с севера, вскоре опознанные как четыре крейсера на южном курсе. Их ход был определен в 10 узлов, и сейчас они находились прямо на траверзе крайнего левого в разведывательном отряде «Буйного». На часах было 09:30.

Получив доклад об обнаруженных дымах, Добротворский тут же передал это на эскадру, а после предварительной идентификации обнаруженных кораблей немедленно начал действовать. Считая, что его отряд еще не виден противнику, он приказал всем подчиненным ему кораблям резко взять вправо, ложась на восточный курс, и дать максимальный ход, чтобы пропустить японцев к нашим главным силам. Затем планировалось развернуться и отрезать японцам пути отхода на восток и север.

Разгоняя свои крейсера на новом курсе и собирая их из цепи в плотный строй, Добротворский сообщил адмиралу о своих намерениях и получил добро. Пока «Блестящий» и «Буйный» продолжали наблюдение за противником, два эсминца первого отряда, бывшие на правом фланге разведки, старались держаться за крейсерами, забирая понемногу к норду, но на волне теряли скорость и отстали.

После получения доклада от Добротворского Рожественский решил напасть на обнаруженные крейсера всеми своими силами, сразу после того, как они станут видны с броненосцев. Дозорным эсминцам и «Уралу» с левого борта было приказано перейти на другую сторону колонны и держаться вне перелетов, а замыкающим броненосным крейсерам и «Дмитрию Донскому» лечь на норд-вест и, идя на максимально возможной скорости, отрезать японцам путь на запад. Броненосная колонна готовилась дать самый полный ход, чтобы атаковать японцев в лоб, как только будет приказ. Все распоряжения выполнялись незамедлительно и без лишней суеты. Крейсера начали охват, а броненосцы пока шли тем же курсом, начав набирать скорость, как только наблюдатели с верхушек мачт увидели дымы с левого борта.

В 09:58 сигнальщики с мостика «Суворова» разглядели чуть впереди своего траверза сначала мачты, а потом и едва различимые в тумане силуэты вражеских кораблей, до которых было примерно 55 кабельтовых.

Передачик на «Урале» начал забивать все радиопередачи, а броненосцы круто повернули «вправо все вдруг», грузно кренясь на циркуляции.

Тяжелые корабли теряли скорость от резкой перекладки руля, но, едва ложась на новый курс, начинали снова разгоняться, давая максимальные обороты на винты и набирая потерянные узлы. Эскадра шла в атаку в полной тишине, в строе уступа, со стеньговыми флагами на мачтах. На флагманских кораблях отрядов развевались адмиральские флаги, и это все еще кроме боевых андреевских стягов на каждом корабле. Зрелище было завораживающе величественным и грозным.

Японцы, видимо, обнаружили нас чуть раньше, к тому же их легкие крейсера были гораздо маневреннее. Так что, когда вся колонна броненосных отрядов легла на курс атаки, они поначалу даже начали удаляться, повернув почти строго на запад и добавив хода. Поворачивая вправо «все вдруг», они показали нам свой борт и были надежно опознаны как старые крейсера типа «Мацусима» и бывший китайский броненосец «Чен-Иен», заметно менее поворотливый и довольно тихоходный, зато несший четыре 12-дюймовые крупновские пушки в двух башнях.

Передав через связные миноносцы на крейсера Иессена и Добротворского курс и скорость японцев, адмирал потребовал от первого броненосного отряда дать самый полный ход, чтобы быстрее сократить дистанцию. Тяжелые русские корабли набирали скорость, но слишком медленно. Лишь через десять минут они, кажется, начали их догонять. Вскоре справа, в ключьях тумана, показались наши бронепалубные крейсера, шедшие на сходящемся с нами курсе на полном ходу и быстро нас обгонявшие.

В 09:10 от «Суворова» до ближайшего японского крейсера было уже 47 кабельтовых, и он начал пристрелку из правой носовой шестидюймовой башни, добившись накрытия с пятого залпа. Получив данные для стрельбы, открыли огонь из всех калибров все наши броненосцы, стреляя носовыми залпами и распределив цели между отрядами. С «Суворовых» действовали носовые башни главного калибра и первая и вторая шестидюймовые башни левого борта, а с «Осляби» – первая башня, погонное орудие и первый и второй левобортные казематы. Так что каждый новый броненосец действовал двумя тяжелыми и четырьмя шестидюймовыми орудиями. Второй и третий отряды могли стрелять только строго в нос и начали отставать, будучи не в силах держать такой ход.

Довольно быстро под плотным обстрелом оказались все четыре японских крейсера. Несмотря на неважную видимость и туман, мешавший башенным наводчикам видеть цель, артиллерийским офицерам из их высоко расположенных на мачтах рубок все было прекрасно

видно. При такой корректировке, нащупав дистанцию, накрытия уже не прекращались. Снаряды ложились хорошо, но были ли попадания, видно не было. Все корабли стреляли, используя «центральную наводку орудий».

В 10:16 противник начал разворачиваться на норд, видимо, уткнувшись в наши броненосные крейсера, а может, под впечатлением от нашего огня. Этот маневр сбил пристрелку, но японцы, только начавшие набирать ход, потеряли скорость в развороте.

Ложась на новый курс, все японские корабли открывали огонь левым бортом по крейсерам, а правым начав отвечать по броненосцам. Но из-за довольно большого расстояния и свежей погоды этот огонь был очень не точным.

Как раз в этот момент залп с «Орла» накрыл «Ицукусиму». Тяжелый снаряд, видимо, угодил в машинное отделение, так как крейсер окутался клубами пара и начал быстро сбавлять ход, покотившись вправо и подставив борт шедшему следом и запоздавшему с поворотом «Чен-Иену». Чтобы избежать столкновения, старый китаец вынужден был взять круто влево, пройдя перед носом своего поврежденного флагмана, выйдя из общего строя и сильно отстав от двух остальных крейсеров. На какое-то время оба японца створились для наших броненосцев, при этом было отмечено удачное попадание с «Наварина» в «Чен-Иен», вызвавшее сильный пожар в его правой башне, которая более уже не стреляла.

Рождественский приказал сосредоточить огонь второго и третьего броненосных отрядов на этих отставших кораблях, а первому отряду броненосцев и Иессену бить по двум оставшимся. Наши корабли уверенно догоняли противника, делая 15–16 узлов. Наши крейсера справа и слева, идя на 18–20 узлах, уже изрядно обогнали свои главные силы и вышли на траверз японцам. Причем «Россия» с «Громобоем» смогли приблизиться на 30 кабельтовых и продолжали сокращать дистанцию. Клещи вокруг японского отряда сжимались все туже, и у них уже не было шансов из них выскочить.

Наши отряды броненосцев и броненосных крейсеров теперь видели друг друга и распределили цели, чтобы иметь возможность различать свои и чужие всплески. Второй отряд крейсеров обстреливал ставший теперь головным «Хасидатэ», а броненосцы – «Мацусиму», при этом перелеты по «Мацусиме» ложились рядом с «Хасидатэ», иногда давая попадания. Вскоре «Суворов» полностью переключился на головной крейсер. Броненосцы оказались в очень выгодной позиции и держали японцев под убийственным продольным огнем, из-под которого им некуда было выскочить. Уточнив дистанцию поочередными залпами одной шестидюймовой башни, тут же давали полный залп, переходя на беглый огонь. Как только цель выходила из-под накрытий, все повторялось сначала.

В 10:20 с «Дмитрия Донского», шедшего впереди крейсеров Иесена, передали семафором, что видят у себя прямо по курсу в 40 кабельтовых еще три крейсера, отходящие на север. За ними маячат еще несколько дымов, предположительно на том же курсе.

Командующий приказал Добротворскому, чьи крейсера показались справа, повернуть к северу на три румба и догнать вновь обнаруженный отряд, забивая эфир максимальной искрой.

Подбитый первым «Ицукусима», болтавшийся на волнах лишь под беспокоящим обстрелом нескольких орудий средних калибров и с энтузиазмом лупивший левым бортом по «Ослябе» из всего что было, вскоре оказался от наших новейших броненосцев в 25–30 кабельтовых и вошел в сектора обстрела кормовых башен и казематов первого отряда. По нему немедленно открыли огонь с «Осляби», бывшей к нему ближе всех, начав пристрелку. Уже с третьего залпа добились накрытия и перешли на беглый огонь кормовыми орудиями со всего первого отряда в максимальном темпе.

Японские крейсера изрядно качало на волне, сильно затрудняя наводку орудий и сбивая скорость, в то время как наши, особенно «Россия» и «Громобой», этого волнения почти не чувствовали и уверенно нагоняли противника, ведя не частый, но очень точный огонь. В 10:22 удачное попадание с «Громобоя», похоже, вывело из строя руль на «Хасидатэ». Он завиялял

на курсе, шарахаясь то влево, то вправо, пытаюсь, видимо, управляться машинами, потерял скорость и начал получать одно попадание за другим, будучи не в силах выйти из-под накрытий. Русские снаряды часто прошивали его корпус насквозь, круша все внутри, проламывая тонкую стальную броню, разбивая котлы. Он запарил и почти совсем остановился, чуть выкатившись влево, и был тут же накрыт залпом с «Суворова», плотно легшим в корму. Быстро сокращавшееся расстояние и почти полная потеря хода, сделавшие ненужной корректировку огня, позволили нашим кораблям развить максимальный темп стрельбы. Более трех десятков скорострельных орудий средних калибров засыпали японца снарядами с короткой дистанции. К этому еще добавлялись солидные восьмидюймовые и 305-миллиметровые довески и град трехдюймовых снарядов. За считанные минуты «Хасидатэ» был полностью разрушен. Его артиллерия замолчала, он остановился и начал быстро оседать кормой в море.

В 10:26 залп с «Александра» хорошо накрыл «Мацусиму», при этом 305-миллиметровый фугас, видимо, разорвался в батарейной палубе японского крейсера, среди приготовленных для стрельбы 120-миллиметровых снарядов. От их детонации мгновенно вспыхнул огромный пожар, охвативший больше половины крейсера, от носа до ростр. Рухнула на палубу юта верхушка мачты, придавив барбет, а из трубы вырвался огромный султан пара. Японец остановился, получая снаряд за снарядом и уже не имея возможности отвечать. Но вскоре, видя его безнадежное положение и то, что он больше не стреляет, огонь прекратили, перенеся его на «Чен-Иен».

Старый, неповоротливый, тихоходный, но зато толстошкурый китайский трофей упрямо шел на север, получая попадания с кормовых углов от 75- до 305-миллиметровых снарядов с «антикварного отряда» и с «адмиралов». При этом он огрызался из уцелевшей левой башни главного калибра и носовой башенной шестидюймовки. На корме все пушки уже молчали и там что-то горело. Его ход упал до 7 узлов, появился дифферент на корму и крен на правый борт, правая башня сильно горела, а ходовой мостик был сбит на палубу бака тяжелым снарядом, но он стрелял по «Громобою» из уцелевших орудий, к счастью безрезультатно.

Видя, что это может затянуться, Рожественский приказал нашим миноносцам потопить его торпедами. «Блестящий» и «Буйный», оказавшиеся ближе всех, ринулись в атаку с правого борта. Видимо, их выдвижение не увидели из-за сильного пожара в районе правой башни. А может, уже вся противоминная артиллерия оказалась разбитой, но миноносцы беспрепятственно приблизились к броненосцу с кормовых углов на 8 кабельтовых, прежде чем по ним открыли огонь одно или два мелких орудия, стоявших на баке. Не обращая на них внимания, русские подошли на 3 кабельтова и выстрелили по одной торпедой из неподвижных носовых торпедных аппаратов, тут же отвернув вправо, чтобы скорее убраться с линии огня своих же броненосцев, сопровождаемые всплесками близких падений снарядов японских скорострелок. Через полминуты у правого борта «Чен-Иена» поднялся огромный столб воды и броненосец начал быстро крениться, еще больше оседая на корму. По нему уже никто не стрелял, и его артиллерия тоже замолчала. Вскоре он совсем остановился и экипаж начал спускать уцелевшие шлюпки. На хронометре в боевой рубке «Суворова» было 10:58.

За один час был полностью уничтожен 5-й боевой отряд японского объединенного флота. Еще в 10:40 сильно горевший «Ицукусима», по-прежнему обстреливаемый кормовыми башнями новейших броненосцев, взорвался со страшным грохотом, оставив над водой лишь грязное дымное облако. Следом «Хасидатэ», осев в воду кормой до портов батарейной палубы, вдруг повалился на левый борт и быстро скрылся под водой, а «Мацусима» горел от носа до кормы, не имел хода и был покинут экипажем, представляя собой не боевой корабль, а беспомощный плавающий костер, чья участь уже была предрешена³¹.

³¹ Появившийся следом за «Идзуми» пятый боевой отряд также достаточно долго шел рядом, в виду нашей эскадры. Но затем был обстрелян с приличной дистанции, после чего отвернул и скрылся в тумане. Никаких попыток атаковать устаревшие

К этому времени наши крейсера, прямо на глазах японских береговых наблюдателей с мыса Коозаки, самой северной точки острова Цусима, уже прикончили еще три вражеских крейсера, разогнав попутно группу миноносцев, и легли на курс отхода.

Начиная с 10:30, сразу после обнаружения впереди по курсу новых целей и доклада об этом командующему, корабли Иесена перестроились в строй уступа к противнику и начали пристрелку по трем удиравшим японским крейсерам носовыми плутонгами, распределив цели между собой. Нашим крейсерам снова мешал дым, но при корректировке из блиндированных рубок на мачтах «России» и «Громобоя», пристреляться удалось достаточно быстро. Первым добился накрытия крейсер «Россия», стрелявший по второму кораблю в японской колонне, опознанному как «Чиода». К этому времени дистанция до него была уже всего 29 кабельтовых и продолжала сокращаться. Перейдя на беглый огонь носовыми залпами, быстро добились попаданий. Разрывы наших снарядов на юте японца, дававшие яркий желтый дым, были хорошо заметны с такого расстояния.

Вскоре и остальные два японских корабля были накрыты, но в этот момент головной крейсер противника резко повернул влево. За ним «последовательно» остальные. Мыс Коозаки уже показался впереди русских крейсеров, а за ним были видны многочисленные дымы. Похоже, к японцам спешило подкрепление, и они решили принять бой.

С «России» доложили на наши броненосцы об обнаруженных дымах, и показавшиеся справа легкие крейсера начали «последовательно» ложиться на параллельный японцам курс, чтобы принять бой всем правым бортом, дав напоследок пару залпов из кормовых плутонгов левого борта по «Хасидатэ», скорее, чтобы сбросить напряжение, нежели из желания ускорить его потопление.

На новом курсе русские пристрелялись еще быстрее, и попадания в японские крейсера начались почти сразу. Вскоре и без того отставший от всех «Чиода» окутался паром и начал терять ход. С «России» дали по нему еще один полный залп, после чего перенесли огонь на «Акицусиму», оставив подранка, окончательно остановившегося и разворачиваемого волнами лагом к ветру, на добивание Добротворскому.

В этот момент дымы под японским берегом были опознаны как миноносцы. Их численность, из-за неважной видимости, определить не удавалось. Предупредив об этом наших бронепалубников и доложив командующему, Иессен приказал: «Держать курс и скорость, а на мелочь не отвлекаться». Броненосные крейсера громили частым огнем пытавшихся оторваться «Суму» и «Акицусиму», уже горевших и практически лишившихся артиллерии. Попадания следовали одно за другим.

Шедший вторым, «Акицусима», находясь под огнем с «России» и «Громобоя», стал отставать, теряя скорость. Из-за этого несколько залпов подряд ложились в его носовую часть, а частично перед форштевнем, так как поправку на скорость поначалу оставляли прежней. Вскоре он начал здорово садиться носом и зарываться в волну, отвернув к берегу и перестав отвечать.

«Громобой» и «Россия» перенесли огонь на оставшийся «Сума», обстреливаемый до этого «Дмитрием Донским», используя данные для стрельбы с «Донского» и «центральную наводку». Сразу били на поражение с максимальной скорострельностью. За шесть минут сосредоточенного огня удалось добиться более двух десятков попаданий, вызвавших несколько возгораний, большинство из которых японцам довольно быстро удалось потушить, но не все.

«Японец» лишился обеих мачт, начался сильный пожар в корме, а его артиллерия замолчала. Полностью потеряв боеспособность и погружаясь, он отвернул к берегу и выбросился на камни в 10:58.

Через три минуты Иессен повернул «все вдруг» на 8 румбов влево и начал удаляться от цусимского берега, выполняя распоряжение Рождественского, переданное с миноносцем. (Командующий хотел создать у противника впечатление, что эскадра будет пытаться прорваться через западный пролив.) Идя юго-западным курсом в строе фронта на 15 узлах, его крейсера дали еще несколько кормовых залпов по выбросившемуся на берег «японцу», после чего наблюдали на нем сильный взрыв. На палубах «Донского» и «Громобоя» были видны очаги небольших пожаров, других повреждений заметно не было.

Первый крейсерский отряд из-за большой дистанции не стрелял по японским крейсерам. При небольшой вероятности попадания, не превышавшей на таком расстоянии и при такой видимости трех процентов, был риск помешать пристрелке броненосников. Но когда увидели дымы, выходящие из-за мыса Коозаки, и получили сообщение о приближающихся миноносцах, поняли, что это их цели. Немедленно легли на вест-норд-вест, повернув «все вдруг», и перестроились в строй уступа к берегу, дав самый полный ход. Почти сразу, чуть правее своего курса, там, где поднимались из моря дымы, обнаружили миноносцы, шедшие группами на юг и сильно страдавшие от волны. Расстояние до ближайших по дальномеру было 28 кабельтовых. Быстро распределив цели, начали пристрелку.

Вскоре стало видно, что миноносцы пытаются развернуться во фронт для атаки на наш второй отряд крейсеров, но их здорово треплет штормом. Это были небольшие прибрежные миноносцы, и им изрядно доставалось, даже без наших снарядов. Быстро пристрелявшись, перешли на полные носовые залпы с максимальной частотой, при этом каждый калибр на каждом из пяти крейсеров обстреливал свою цель. Благодаря этому под плотным огнем находились сразу десять миноносцев. Дистанция быстро сокращалась, густой лес всплесков вставал в атакующих порядках противника, но результатов нашего обстрела пока заметно не было.

Наконец на шестой минуте боя один «японец», накрытый главным калибром с «Олега», запарил и остановился, беспомощно болтаясь на волнах. Почти сразу еще два начали парить и отставать от остальных, вскоре отвернув вправо.

Высокая плотность флангового огня, похоже, вынудила японцев развернуть фронт атаки на нас, но в момент начала перестроения еще один наш снаряд удачно попал в цель. Было хорошо видно, как потерявший управление миноносец на полном ходу прорезал весь японский строй, по-видимому, задев еще одного или двух.

Дистанция сократилась уже до 10–12 кабельтовых. Крейсера стреляли беглым огнем, используя фугасные боеприпасы. Кранцы первых выстрелов уже давно закончились, и в дело пошли старые чугунные бомбы, оказавшиеся ближе всего к орудиям. Они иногда взрывались даже от удара о воду, образуя при этом столбы черного дыма, хорошо заметные с крейсеров и позволяющие уверенно корректировать огонь. Кроме того, достаточно крупные и многочисленные осколки наносили миноносцам ощутимый ущерб, и японцы не выдержали. Сначала ближайšie к нам, а следом и все остальные бросились к берегу. Один из них заметно отставал, все время находясь под накрытиями 75-миллиметровок. Вскоре он совсем остановился и начал тонуть, быстро ваяясь на левый борт.

Когда миноносцы отвернули, «Олег» с «Авророй» перенесли огонь на неподвижный «Чиода», обстрелявший их из оставшихся орудий. До него было не больше 12 кабельтовых, так что оба наши крейсера дали сразу полные бортовые залпы главным калибром. Снаряды легли очень хорошо, дав сразу не менее четырех попаданий в борт и надстройки, в то время как его снаряды все время падали с перелетами. Проходя мимо, дали по нему еще по четыре залпа главным калибром со всех кораблей отряда, после чего где-то под мостиком «Чиода» здорово рвануло, и он сразу осел в воду, кренясь влево. Остальные орудия в это время стреляли вслед отходящим миноносцам и добились того, что стоял без хода.

В 11:01, повернув «все вдруг» на 8 румбов влево, Добротворский, почти догнав Иессена, начал отход, ведя свой отряд в строе фронта, растянутого с запада на восток на полторы мили.

Все его крейсера, включая самую тихоходную «Аврору», уверенно держали 18 узлов на протяжении всей атаки, а «Жемчуг» при перестроениях даже показал на лаге 21 узел. Сейчас бронепалубники выровняли строй и сбавили ход до 15 узлов. Требовалась небольшая передышка, чтобы не посадить котлы.

Глава 3

Из показаний офицеров японского военно-морского флота, попавших в плен в ходе боев в Цусимском проливе и у островов Гото в мае-августе 1905 года

Первым обнаружил приближающуюся русскую эскадру вспомогательный крейсер «Синано-Мару» под командованием капитана второго ранга Нарикава в точке с координатами 33°10' и 128°10' в 40 милях от острова Сиросе.

В 02:28 с него обнаружили двухтрубный белый пароход по левому борту, идущий на восток. Подойдя к нему ближе, рассмотрели, что он имеет три мачты и две трубы и похож на госпитальное судно русской эскадры. В это время с него начали передавать какие-то сигналы, видимо, приняв нас за своих.

Исходя из этого, Нарикава сделал вывод, что где-то поблизости находится и вся эскадра, скрывающаяся в тумане. Намереваясь выяснить это путем опроса его экипажа, «Синано-Мару» начал сближение для высадки призовой партии, как вдруг в 04:05, прямо по курсу, был обнаружен миноносец. Зная, что японских миноносцев здесь быть не должно, Нарикава попытался обойти его с кормы, одновременно приказав отправить телеграмму открытым текстом с указанием координат обнаруженных кораблей и их курсом, предположительно в восточный канал. Но тут же обнаружил второй миноносец с левого борта. Этот миноносец начал что-то сигналить фонарем, но его сообщение не стали читать, открыв по нему огонь из всех орудий с дистанции в три-четыре кабельтовых, одновременно начав разворот вправо, чтобы оторваться от него и попытаться снова скрыться в дымке.

В этот момент откуда-то из тумана позади второго миноносца грянул залп, очень точно легший в корму «Синано-Мару». Ютовое орудие было сразу же разбито, выведены из строя левый холодильник и радиостанция. После чего попадания следовали без перерывов, выбивая орудия и котлы, не имевшие никакой защиты. Ответный японский огонь по ярким вспышкам дульного пламени, сверкавшим во тьме, был безрезультатным, а спустя несколько секунд под корму ударила торпеда, вероятно, с одного из русских миноносцев, и вспомогательный крейсер начал быстро тонуть. Экипаж перебрался в шлюпки и видел гибель своего корабля, ушедшего под воду кормой вперед, высоко задрав нос. В этот момент появился устаревший русский крейсер, взявший на борт двоих офицеров со шлюпок и немедленно ушедший в туман, сообщив оставшимся японским морякам пеленг на ближайший берег.

Радиограмма, отправленная «Синано-Мару», была получена на бронепалубном крейсере «Идзуми», отправленном на усиление дозорной цепи между островом Квельпарт и островами Гото с вечера 13 мая. Прикинув курс и скорость обнаруженных кораблей, крейсер полным ходом двинулся на перехват, надеясь установить контакт в условиях улучшавшейся с рассветом видимости. Идя на северо-восток на 13 узлах, «Идзуми» около 06:05 обнаружил дым слева по борту, тут же пропавшие в тумане. Сообщив об этом по радио и повернув левее, капитан второго ранга Исида начал сближение, но в 06:36 был внезапно атакован с кормовых углов правого борта тремя большими русскими крейсерами, открывшими огонь с 20–25 кабельтовых и сразу же добившимися попаданий, от которых начался пожар на юте.

Пытаясь оторваться от преследования и надеясь проскочить под кормой у обнаруженных ранее дымов, «Идзуми» резко повернул влево, выжимая все из своих машин и разогнавшись

почти до 14 узлов. Идя новым курсом всего три минуты, японский крейсер выскочил из полосы тумана и уперся прямо в середину строя русских броненосцев.

Находясь под жестоким обстрелом с кормы и видя наведенные на него башни линейных кораблей, он попытался снова скрыться в тумане, но был накрыт удачным залпом с одного из броненосцев, получив сразу три попадания в левый борт. При этом один тяжелый снаряд проломил броневую палубу и разорвался во второй кочегарке, разрушив три котла и перебив главный паропровод. Лишившийся хода крейсер тут же был обстрелян со всех броненосцев, до которых было от 15 до 22 кабельтовых, одновременно будучи под огнем с трех крейсеров, бивших в корму и быстро догонявших его. Оказавшись, таким образом, под очень плотным перекрестным обстрелом, «Идзуми» в считанные минуты был полностью разбит и начал быстро тонуть. Спасшихся с него подобрал госпитальный корабль русской эскадры³².

Глава 4

Командующий третьей эскадрой вице-адмирал Катаока, получив сообщение с «Синано-Мару» об обнаружении русских кораблей, вывел подчиненные ему 5-й, 6-й и 7-й боевые отряды в сопровождении миноносцев из залива Озаки, на западном берегу острова Цусима, и двинулся сначала к мысу Цуцу, а потом к мысу Коозаки, где был вынужден оставить миноносцы. Приданные 5-му отряду 11-й, 17-й и 20-й отряды миноносцев сильно страдали от волн. Там же был оставлен 7-й боевой отряд, для наблюдения за русской эскадрой, если та подойдет к мысу Коозаки на расстояние прямой видимости.

Далее, от мыса Коозаки он пошел на юг, при этом с 6-м отрядом шли восемь более крупных миноносцев (10-й и 15-й отряды), терявших скорость на волне, поэтому он немного отстал. Его флагман контр-адмирал Того Масамичи, призвал телеграммой крейсера «Идзуми» и «Акицусима», отправленные с вечера в передовую дозорную цепь. «Акицусима» вскоре появился, а «Идзуми» на вызовы не отвечал.

Идя на 10 узлах южным курсом, с флагманского крейсера 5-го отряда и всей третьей эскадры «Ицукусима», шедшего головным, в 09:56 были обнаружены дымы прямо по курсу. В этот момент японские крейсера отошли от мыса Коозаки на семь с половиной миль. Идя прямо на дымы, вскоре удалось разглядеть силуэты четырех броненосцев типа «Суворов», и еще несколько кораблей скрывала дымка, над которой возвышались лишь верхушки мачт.

Немедленно хотели отправить телеграмму о контакте открытым текстом, чтобы не терять время на шифровку, но радиостанции на всех кораблях не работали из-за помех. Передав семафором на шедшие позади три крейсера 6-го отряда: «Делай как я», повернули «все вдруг» вправо и легли на запад-юго-запад, начав набирать ход и удаляться от русских броненосцев.

Тут же обнаружили, что русские разворачиваются на северный курс, идя на нас строем фронта, вскоре начав пристрелку с головного корабля. Надеясь установить точную численность сил противника, Катаока приказал следовать прежним курсом, дав самый полный ход, но вскоре начались накрытия.

В 10:15 впереди, чуть левее курса 5-го отряда были обнаружены три русских крейсера на северном курсе, шедшие полным ходом наперерез. Головной двухтрубный, остальные два четырехтрубные, опознанные как «Россия» и «Громобой». Японские крейсера немедленно повернули «все вдруг» вправо на север, выжимая все из своих старых, изношенных машин.

В момент поворота «Ицукусима» был накрыт залпом с одного из русских броненосцев. При этом тяжелый фугасный снаряд, попав в левый борт, прошел через угольный бункер, пробил 37-миллиметровый скос стальной «броневой» палубы над кормовым машинным отделением у задней его переборки и, пройдя по диагонали, разорвался в самой горизонтальной

³² Шестой боевой отряд держался рядом с пятым, но до начала боя с русскими кораблями обнаружен не был.

машине, полностью её разрушив и пробив своими осколками и обломками механизмов носовую переборку. Отсек мгновенно заполнился паром, а через сместившийся правый гребной вал начала быстро поступать вода. Все, кто уцелел, покинули отделение, однако левая машина в носовом машинном отделении еще какое-то время работала на остатках давления в паропроводе, но из-за прогрессирующего затопления через пробитую переборку из соседнего отсека её тоже пришлось остановить и эвакуировать людей, задраив все люки и горловины.

Над крейсером поднялся столб пара, он резко сбавил ход и потерял управление, показавшись вправо и подрезав курс броненосцу «Чен-Иен», отставшему от крейсеров по причине худшей маневренности. При этом «Ицукусима» подставил ему свой левый борт и, описав полукруг вправо, остановился совсем. Уходя от столкновения, броненосцу пришлось круто взять влево, обойдя своего поврежденного и теряющего ход флагмана, с носа. В результате он еще больше отстал от остальных кораблей отряда.

В этот момент на двух створившихся кораблях был сосредоточен очень сильный огонь, и они оба получили по несколько попаданий, одним из которых была взорвана правая башня броненосца, и в ней начался сильный пожар.

Тем временем, остальные японские крейсера оказались под продольно-перекрестным огнем с броненосных крейсеров и новых броненосцев, причем русские очень быстро приближались, и точность огня росла.

Примерно через пять минут после поворота на север со ставшего головным в 5-м отряде «Хасидатэ» на правом траверзе в 40 кабельтовых обнаружили еще пять трехтрубных русских легких крейсеров, шедших полным ходом наперерез.

К этому времени броненосцы и тяжелые крейсера уже пристрелялись по всем оставшимся кораблям 5-го отряда, взяв их в два огня, и японские крейсера сильно страдали от их снарядов. В 10:22 «Хасидатэ» получил попадание в румпельное отделение и потерял управление. Пытаясь править машинами, крейсер запеллял на курсе и сбавил ход, но руль не держался, свободно ворочаясь во все стороны, и идти прямо не удавалось. Видя его повреждение, «Россия» и «Громобой» развили максимальный темп стрельбы, находясь всего в 20 кабельтовых и стреляя всем бортом фугасными снарядами. К тому же головной русский броненосец тоже пристрелялся по «Хасидатэ». Попадания следовали одно за другим, были разбиты котлы в первой кочегарке, почти все орудия и появились три большие подводные пробоины в корме, причем две из них сквозные, от двенадцатидюймовых снарядов, легших в корму и вышедших из подводной части, сразу за машинными отделениями крейсера. Часть снарядов, особенно тяжелых, прошивала корпус насквозь, разрываясь уже с другой стороны, или вообще без разрыва. Общее число попаданий перевалило за полсотни. «Хасидатэ» начал быстро оседать кормой, оставаясь на ровном киле. В 10:42 обстрел прекратился, а через 16 минут крейсер младшего флагмана 5-го отряда контр-адмирала Такемота, к тому времени уже погибшего в дважды пробитой боевой рубке, лег на левый борт и быстро затонул.

Удиравший вторым в строю «Мацусима» получил свое роковое попадание в 10:26. Накрытый очередным залпом, крейсер озарился вспышкой мощного взрыва под палубой перед самым командирским мостиком. 305-миллиметровый фугасный снаряд с корабля, шедшего четвертым, в строю новых русских броненосцев, разорвался в батарее крейсера, ближе к левому борту у самой шахты подачи боеприпасов среди приготовленных для стрельбы 120-миллиметровых снарядов. От его взрыва боеприпасы детонировали, полностью разрушив батарейную палубу и обрушив часть палубы бака. Взрывной волной и осколками вывело из строя четыре котла и перебило главный паропровод во второй кочегарке и пожарную магистраль. От сотрясения сработали предохранительные клапаны остальных котлов. Вся носовая часть превратилась в огромный костер, в котором рвались оставшиеся снаряды. Неподвижно замерший на волнах крейсер получил еще около двух десятков попаданий, в том числе и тяжелыми снарядами, за следующие пять минут и его, горящего уже по всей длине, оставили в покое.

«Чен-Иен», обойдя «Ицукусиму» и лишившись половины главного калибра, вслед за крейсерами лег на северный курс, находясь под обстрелом минимум шести русских броненосцев, бивших почти строго в корму. Тяжелые бронебойные снаряды, проходя вдоль корпуса корабля, прошивали переборки, крушили корпусные конструкции и палубы, вплоть до кормового траверза, пробить который пока не могли. Из-за малой дистанции и потому настильной траектории, доходя до карапасной палубы, они рикошетили вдоль нее и ее скосов, порой выходя из подводной части корпуса.

Попавшие в броненосец 254-миллиметровые фугасы, в количестве 7 штук, в сочетании со среднекалиберными стальными гранатами, сильно разрушили верхнюю палубу в корме, выбив палубные шестидюймовки. Левая двенадцатидюймовая башня была почти обернута остатками надстроек и сохраняла подвижность лишь благодаря своей круглой форме. Из-за пожара в правой башне пришлось затопить её погреб, что вызвало крен на правый борт.

Через подводные пробоины в обоих бортах корма начала быстро затапливаться, так как вода разливалась над бронепалубой, не встречая преград, а через разошедшиеся швы и выбитые заклепки в самом настиле брони начались течи и в нижние помещения. Броненосец сбавил ход сначала до 9 узлов, но по мере увеличения объемов затоплений продолжал терять скорость, садясь на корму. Крен тоже начал увеличиваться, но он еще отбивался из уцелевшей левой башни и баковой шестидюймовки, стреляя по «Громобою». Мостик был разрушен, дальнометры разбиты, так что эффективность этого огня, учитывая скорострельность его древней артиллерии, была нулевой. В 10:30 были обнаружены два миноносца, заходившие в атаку с кормы, по ним открыли огонь две уцелевшие мелкие пушки на баке. Однако русские все же выстрелили двумя торпедами примерно с двух-трех кабельтовых.

На таком ходу увернуться от них не было никакой возможности. Одна из этих торпед прошла за кормой, а вторая попала в правый борт сразу за бронепоясом. Ее взрывом встрянуло весь броненосец. В образовавшуюся пробоину хлынула вода, и он начал тонуть еще быстрее. Под воду ушли пробоины в надводном борту. Крен быстро увеличивался, что заставило замолчать уцелевшую артиллерию. Вскоре перестали стрелять и русские.

А лишившийся хода раньше всех «Ицукусима», с уходом «Чен-Иена», почти не обстреливался, будучи под огнем лишь 120-миллиметровой артиллерии с броненосцев береговой обороны. При этом сам он вел интенсивный огонь всем левым бортом по наименее бронированному из всех «Ослябе». Барбетная установка на крейсере не действовала, так как из-за нехватки пара не было возможности запустить механизмы её гидравлики, а ручной гидравлический насос сломался. Но когда до вырвавшихся вперед новейших русских броненосцев осталось всего 20–25 кабельтовых и они смогли навести на него свои кормовые башни, «Ослябя» начал пристрелку. После достижения накрытия перешли на частый огонь со всех пяти кораблей отряда из всех калибров. За следующие десять минут крейсер получил не менее трех попаданий тяжелыми снарядами и около двадцати – среднего калибра. Примерно в 10:40 флагман третьей эскадры объединенного флота получил попадание снаряда большого калибра в район ватерлинии под барбетом 320-миллиметрового орудия и исчез в огромном облаке взрыва собственных погребов.

Глава 5

Шестой боевой отряд контр-адмирала Того Масамичи ночевал в заливе Озаки. Из состава отряда крейсера «Идзуми» и «Акикусима» были отправлены в передовую дозорную цепь еще накануне. А оставшиеся «Сума» и «Чиода» с миноносцами 10-го и 15-го отрядов сразу после получения сообщения с «Синано-Мару» получили приказ вице-адмирала Катаока «направиться на норд-ост и вступить в связь с неприятелем». Близ мыса Коозаки был встречен

5-й боевой отряд. К этому времени «Акицусима» успел присоединиться к своему отряду, и три крейсера в строе кильватера шли в 30 кабельтовых за отрядом адмирала Катаока чуть правее.

В 09:56 было получено сообщение от Катаока: «Противник виден» и сразу следующее: «Делай как я». Тут же на «Ицукусима» был поднят сигнал «поворот все вдруг вправо». Крейсера 6-го отряда немедленно выполнили этот маневр, отправив миноносцы к мысу Коозаки, так как они совершенно потеряли боеспособность на волнении. Идя новым курсом около двадцати минут, с флагмана 6-го отряда «Сума» видели, как слева от них русские, еще не видимые в тумане, начали обстреливать два крайних левых корабля из 5-го отряда, а немного погодя и два оставшихся. При этом редкий и неточный вначале обстрел быстро сменился плотными накрытиями, в том числе и тяжелыми снарядами.

В 10:15 оба отряда, по сигналу с «Ицукусима», повернули «все вдруг вправо» и легли на норд, дав самый полный ход. Вскоре услышали раскаты орудийных залпов еще и слева за кормой, видимо, там был еще один отряд русских, скрывавшийся в дымке от наблюдателей из 6-го отряда.

Через пять минут в той стороне, откуда доносились звуки стрельбы, из тумана показались сначала мачты, а затем начали прорисовываться очертания сначала одного, а потом и еще двух кораблей, стремительно догонявших японские крейсера, которые едва смогли разогнаться на встречной волне до 13 узлов.

До обнаруженных кораблей в 10:20 было меньше пяти миль, но они находились к японским крейсерам почти строго носом, так что опознать их не удавалось. К тому же корпуса крейсеров терялись в дымке, и их закрывало своим дымом из труб. Тем не менее они начали уверенную пристрелку сразу по всем трем крейсерам Того Масамичи, будто им не мешал ни дым, ни туман, в то время как японские пушки не могли стрелять. С мостиков раскачивавшихся на волнах японских крейсеров никак не удавалось определить дальность, потому что брызги, подхваченные ветром, дувшим с зюйд-зюйд-веста, заливали оптику дальномеров, а комендоры не видели целей сквозь прицелы из-за тех же брызг и тумана.

Попытки отправить телеграмму с сообщением о координатах обнаруженных русских кораблей ни к чему не привели. Мешал сплошной треск помех в эфире. Впереди открылся мыс Коозаки, и на наблюдательный пост на этом мысу прожектором отправили сообщение: «Вступили в бой с русской эскадрой, нуждаемся в помощи».

Спустя несколько минут справа, на сходящемся курсе, с «Сумы» были обнаружены еще пять русских бронепалубных крейсеров, быстро догонявших 6-й отряд и уже почти вышедших на траверз всего в 35 кабельтовых. Одновременно были обнаружены дымы многих кораблей прямо по курсу, вышедших из-за мыса. Предположив, что это идет на помощь 7-й боевой отряд контр-адмирала Ямада и разглядев идущие впереди миноносцы из 15-го отряда «Хибари» и «Удзура», начальник 6-го боевого отряда приказал лечь на северо-запад и принять бой левым бортом, надеясь отбиться от русских крейсеров с подходом подкреплений.

В 10:40 все три крейсера, повернув последовательно менее чем в полутора милях от мыса Коозаки и сбавив ход, легли на новый курс, открыв жаркий огонь по двум первым и ближайшим русским кораблям. Но небольшие японские крейсера зарывались в волны почти до мостиков, и их носовые плутонги не могли действовать. Орудийным расчетам приходилось работать в зюйдвестках на раскачивавшихся палубах. Резкий ветер, бивший в левую скулу, обдавал палубы и мостики тучами соленых брызг, что делало дальномеры и прицелы бесполезными, поэтому стрелять приходилось на глазок.

К этому времени шедший вторым в японской колонне «Чиода» уже имел серьезные повреждения в корме и едва слушался руля. К тому же он начал терять скорость, все больше отставая от остальных. Дистанция до противника была примерно в 20 кабельтовых.

Три русских крейсера, гнавшиеся за 6-м отрядом, тут же легли на параллельный курс и начали отвечать, пристреливаясь двух-трехорудийными залпами. В этот момент их удалось

опознать как «Дмитрий Донской», шедший головным, «Россия» и «Громобой». Быстро пристрелявшись, они открыли очень мощный огонь всем бортом. Почти сразу же тяжелый русский снаряд проломил броню борта и скос бронепалубы напротив машинного отделения крейсера «Чиода» и разорвался над цилиндром высокого давления левой машины. В результате чего осколками перебило главный паропровод и повредило два опорных подшипника и холодильник, а головная часть снаряда пробила внутреннюю переборку угольной ямы противоположного правого борта и застряла в наружной обшивке подводной части. Через образовавшуюся течь начало заливать сначала угольную яму, а потом и машинное отделение. Крейсер окутался паром и замер на месте.

Его перестали обстреливать, сосредоточив массированный огонь на «Акицусиме», и без того получавшем попадание за попаданием и почти утратившем боеспособность. Не выдержав столь интенсивного обстрела, тяжело поврежденный крейсер в 10:55 отвернул вправо. Его командир, видимо, хотел приткнуться свой корабль к берегу, но большие разрушения надводного борта и несколько подводных пробоин, особенно в носу, вызвали очень обширные затопления. Уже в 11:05 он сел носом по палубу бака и продолжал быстро тонуть, постепенно заваливаясь на левый борт. Так и не дойдя до берега 4 кабельтова, машины пришлось остановить и начать спасение экипажа. Люди просто прыгали в воду, откуда их подбирали миноносцы.

Флагманский «Сума» продержался дольше всех. Благодаря превосходству в скорости, почти сразу после разворота на север он вышел в голову своего отряда и находился под обстрелом наименее сильного из трех русских крейсеров «Дмитрия Донского», не получая тяжелых повреждений. В 10:55 на него перенесли огонь освободившиеся «Россия» и «Громобой». Используя данные для стрельбы с «Донского», все три крейсера стреляли с максимальной скорострельностью, обрушив на маленький корабль в неполных 3000 тонн водоизмещения смерч из огня и стали. Их стрельба была невероятно точной, а попадания исчислялись десятками. Меньше чем через шесть минут вся артиллерия вышла из строя, командирский мостик был разбит, в боевой рубке были убиты контр-адмирал Того Масамичи и командир крейсера капитан первого ранга Точинай, а старший офицер тяжело ранен, хотя броня рубки так и не была пробита. Через подводные пробоины вода начала затопливать вторую кочегарку и кормовые погреба. Крейсер тонул, но пока еще сохранял ход и управление.

В 10:59 «Сума» наконец добрался до прибрежной отмели и приткнулся к ней. Вода во втором котельном отделении поднялась уже почти до топок, и котлы пришлось загасить. Крейсер быстро заполнялся водой, и корпус корабля все плотнее ложился на камни. Но корма оставалась на весу, так как отмель заканчивалась примерно за второй трубой. В 11:01 русские броненосные крейсера повернули «все вдруг» на юго-запад.

Удаляясь, они дали еще несколько залпов по практически затонувшему и горящему крейсеру, добившись нескольких попаданий. Одно из них пришлось в левый кормовой каземат противоминного орудия. При этом 203-миллиметровый фугас прошел вдоль корпуса, разорвавшись уже в районе бортового торпедного аппарата правого борта, что вызвало детонацию заряженной в аппарат торпеды и приготовленной рядом запасной. Мощный взрыв разворотил борт от броневой палубы до самого верха, при этом обшивка и набор корпуса треснули вплоть до настила двойного дна и киля. Продолжающееся затопление кормовых отсеков вскоре привело к тому, что корпус не выдержал напряжения и разломился на две части по пробоине. Теперь корма держалась лишь на обшивке левого борта и полностью легла на грунт, немного завернувшись влево с креном на правый борт. Остатки экипажа «Сума» перебрались на берег вплавь, а возвышающаяся над водой носовая часть горела до вечера.

Выходившие на помощь 6-му отряду корабли контр-адмирала Яма-да так и не успели вступить в бой. На их глазах русские мощнейшим фланговым обстрелом с подоспевших с востока бронепалубных крейсеров сорвали торпедную атаку пяти отрядов миноносцев, шедших в авангарде. При этом они почти играючи разогнали их атакующие порядки, потопив два

миноносца (№ 43 и «Хибари»). «Удзура», «Саги» и № 72 получили серьезные повреждения корпуса и механизмов и нуждались в доковом ремонте.

Далее русские, не торопясь, разделались с покалеченным «Чиода», всадив в него в упор несколько залпов, от чего, судя по всему, взорвался один из его торпедных аппаратов, выбив остатки плавучести из многократно пробитого корпуса.

Сильное задымление района боя из труб десятков миноносцев, а также от пожаров на японских кораблях и порохового дыма не позволило разглядеть противника до того момента, как он начал отход, а потом уже и дистанция стала неприемлемой для открытия огня. Так что с 7-го отряда видели лишь удаляющиеся на юго-запад пять бронепалубных крейсеров и мачты еще трех кораблей, шедших тем же курсом, но чуть дальше, скрытые туманом. Вся южная часть горизонта была в дыму, но определить, скольким кораблям он принадлежит, не было возможности. Ямада послал на север 10-й отряд миноносцев, для прояснения ситуации. Но те, после полученной трепки, смогли выйти лишь через полчаса. К этому времени заработало радио, и последний из адмиралов третьей эскадры отправил на «Микасу» сообщение, что русские крейсера идут от мыса Коозаки на юго-запад. Теперь японцы знали, что русские где-то здесь, но где точно и куда идут – нужно было еще уточнить. Как-то не заладилось у них сегодня с самого утра.

Глава 6

К половине одиннадцатого с первого броненосного отряда уже почти не видели в клочьях дыма и тумана крейсера Иессена и Добротворского. Опасаясь, что они в азарте погони далеко оторвутся от главных сил, к ним послали миноносец с приказом не позже одиннадцати часов начать отход на юго-запад. Отдавая этот приказ, Рожественский рассчитывал создать у наблюдателей с острова Цусима впечатление, что эскадра намерена прорываться западным проливом. Так как с берега, возможно, были видны дымы броненосцев, броненосные отряды также развернули на запад, сбавив ход до символических 5 узлов, рассчитывая после отвернуть к югу и снова вернуться на прежний курс в восточный канал. Перестроение растянувшихся отрядов главных сил затянулось до начала двенадцатого.

К этому времени с шестым отрядом японских крейсеров было уже покончено, но Рожественский об этом еще не знал. Двинувшись всем флотом на запад, он рассчитывал минут через пятнадцать встретиться со своими крейсерами, после чего, восстановив прежнее боевое построение, идти на прорыв.

Яростная стрельба впереди справа стихла, лишь в довершение грохнуло еще несколько залпов. Вся северо-западная часть горизонта была затянута угольным и пороховым дымом, сносимым ветром к цусимскому берегу, и там совершенно ничего нельзя было разглядеть.

Но уже через три минуты, в 11:05, откуда-то спереди, чуть правее курса донеслись новые одиночные, похоже, пристрелочные залпы. Тут же с «адмиралов», оказавшихся теперь в голове колонны главных сил, пришло сообщение: «Четыре крейсера прямо по курсу». Стрельба на западе быстро набирала обороты. В дело уже вступили десятидюймовки броненосцев береговой обороны, чье солидное уханье выделялось на общем фоне.

Едва развернувшись на юго-запад и «тепло простившись» с «Сума», с крейсеров Иессена обнаружили в 40 кабельтовых впереди, чуть левее курса, четыре крейсера в строе кильватера на встречном сходящемся курсе. Опознать их не было никакой возможности, так как они шли прямо на них и их трубы невозможно было сосчитать, а разглядеть надстройки и корпуса не позволяла мгlistая погода и клочья угольного дыма. Единственное, что удалось определить – все четыре корабля несут по две мачты. Немедленно сообщив об обнаруженных крейсерах Добротворскому, начали пристрелку по двум головным.

«Россия» с «Громобоем» дали самый полный ход, чтобы быстрее сблизиться с противником, при этом обгоняя «Дмитрия Донского», наши крейсера, временно, перекрыли ему сектора стрельбы.

Появление наших кораблей, видимо, стало для противника полной неожиданностью. Под начавшимся обстрелом, строй японских крейсеров распался. Два головных, двухтрубных, опознанные как «Касаги» и «Читосе», начали разворачиваться на обратный курс, а два оставшихся, имевшие три трубы и две мачты «Отова» и «Нийтака», повернули чуть вправо и добавили хода, идя на прорыв, рассчитывая, видимо, разминуться с Иессеном на контркурсах и проскочить мимо броненосцев.

Их начали обстреливать с показавшихся на востоке кораблей третьего броненосного отряда, что позволило броненосным крейсерам полностью сосредоточиться на первых двух, самых крупных. Через пять минут дистанция между русскими и японскими крейсерами сократилась уже до 25–30 кабельтовых и начались накрытия, при этом «японцев» по-прежнему быстро нагоняли.

Вскоре у «Касаги», оказавшегося ближайшим к нашим крейсерам, начался сильный пожар на полубаке. Было видно, как рвались приготовленные к бою снаряды, не давая бороться с огнем. Встречный ветер и большой ход раздували пламя, которое уже вплотную подошло к мостику. Вся артиллерия в носу замолчала, появился дифферент на нос, и крейсер начал зарываться в волны, теряя скорость и продолжая получать попадания с «России». В 11:12 Иессен повернул на 2 румба влево, чтобы скорее сблизиться с подбитым «Читосе», потом еще на 4 румба, а через пять минут еще на 6 румбов в ту же сторону. Идя теперь на 15 узлах на восток, все три его крейсера взяли под обстрел орудиями левого борта накренившийся и окончательно потерявший ход «Читосе», а правым бортом стреляли вдогонку «Касаги». Было отмечено несколько попаданий, ослабивших ответный огонь, но скорость «японцу» сбить не удалось, и он продолжал удаляться, что заставило прекратить обстрел около половины двенадцатого.

В 11:12 «Читосе» получил попадание с «Громобоя», которое на время лишило корабль хода. Но вскоре с повреждением, видимо, справились, хотя и не полностью. Крейсер перестал парить и начал набирать ход, но очень медленно. Эта заминка позволила русским, довернувшему левее, приблизиться на 12–15 кабельтовых. К тому же «Дмитрий Донской» присоединился к «Громобою». Подбитый «японец» уже не мог выйти из-под накрытий, получая от четырех до семи попаданий в каждом залпе и кренясь на левый борт. К тому же его накрыли с броненосцев береговой обороны, легших на юго-восточный курс и разделивших свой огонь носом по «Читосе», а кормовыми башнями по «Отове» с «Нийтакой». Разрывы 254-миллиметровых снарядов очень эффектно смотрелись на палубах и бортах японских крейсеров. На попутной волне и большом ходу малые броненосцы зарывались в воду заметно меньше, однако все равно вскоре «Апраксин» начал пропускать залпы, стреляя заметно реже своих собратьев, хотя теоретически имел чуть ли не вдвое более скорострельный главный калибр.

Под жестоким перекрестным обстрелом «Читосе» снова запарил откуда-то из-под первой трубы, получив попадание десятидюймового фугаса, и совсем встал, засыпаемый снарядами. Были отмечены еще, минимум, два попадания из тяжелых орудий. Его крен, быстро увеличивавшийся в начале, вскоре стал выравниваться, зато палуба на корме опустилась почти до уровня воды. Начались пожары по всему кораблю. Наконец, в 11:32 его артиллерия замолчала совсем. Тут же прекратили огонь и русские крейсера, не ставшие преследовать горящего «Касаги», уползавшего на юго-запад.

А попытавшиеся прорваться «Отова» и «Нийтака» почти сразу уперлись в пять бронепалубных крейсеров Добротворского, предупрежденных Иессеном и проявившихся у японцев прямо по курсу из дыма и тумана. Развернувшись к противнику всем левым бортом, русские поставили идеальный «кроссинг Т», быстро охватив полукольцом оба крейсера и расстрели-

вая их прямой наводкой в лоб, а сзади их методично и уверенно долбили броненосцы Энкви-ста с 25–30 кабельтовых. Частый продольно-перекрестный огонь с 8–10 кабельтовых из 75-, 120- и 152-миллиметровых пушек и точные залпы тяжелых башенных орудий с кормы быстро разрушили оба крейсера, менее чем за полчаса превратив их в горящие неуправляемые развалины. Было хорошо видно, как в 11:08 залп кормовой башни «Сенявина» очень удачно лег в корму «Нийтаки», дав минимум одно попадание. Столб огня воды и дыма, поднявшийся над кормой японского крейсера, был замечен со всех стрелявших кораблей. После этого попадания «японец» сразу встал, превратившись в неподвижную мишень, и был добит в полигонных условиях, получив еще пару тяжелых фугасов и почти три десятка среднекалиберных снарядов с крейсеров. Раскачивавшийся на волнах небольшой крейсер продолжал энергично отвечать из уцелевших орудий, но это продолжалось очень недолго. Его ответный огонь был быстро подавлен и так и не нанес каких-либо повреждений русским кораблям. Как только артиллерия «Нийтаки» замолчала, прекратили огонь и русские пушки.

Второй японский трехтысячник был остановлен «Светланой», чей снаряд, похоже, проник в третью кочегарку и перебил паропровод. Уже почти развернувшийся влево, правым бортом к Добротворскому, крейсер густо запарил из третьей трубы и остановился, почти сразу получив попадание, или даже два, в машину, так как оттуда также повалил пар.

«Отову» обстреливали, помимо крейсеров, «Ушаков» и «Апраксин». Они добились двух или трех попаданий главным калибром, что вызвало сильный пожар на юте и заставило замолчать большую часть его артиллерии. В 11:25 крейсер уже имел большой крен на правый борт и прекратил огонь.

В половине двенадцатого по сигналу с «Олега» обстрел прекратили. Отряд Добротворского обошел неподвижные остовы крейсеров, спешно покидаемые экипажами, с кормы и двинулся на соединение с главными силами. На «Олеге» и «Авроре» были видны небольшие пожары, остальные не пострадали, по крайней мере, на первый взгляд.

Сейчас русская эскадра представляла собой четыре отдельных отряда, едва видевших друг друга и разбросанных по полосе моря шириной в 5 миль и длиной 12. В случае появления главных сил японцев собрать все это в один кулак было бы очень не просто, поэтому Роже-ственский приказал прекратить погоню за зайцами и восстановить строй.

В 11:20 «Урал» перестал ставить помехи и передал приказ командующего: «Прервать преследование и собраться всем отрядам у главных сил». Для ускорения исполнения приказа на северо-запад, откуда доносились звуки канонады, был отправлен миноносец, а первый и второй броненосные отряды повернули за ним следом, идя на малом ходу.

Одновременно отправили три миноносца в разведку и дозор на север и северо-восток, чтобы защититься от неожиданностей со стороны острова Цусима и восточного пролива, со строжайшим приказом не показываться в виду берега и не удаляться далее границы видимости от своих броненосцев.

Глава 7

Третий боевой отряд вице-адмирала Дэва был отправлен на усиление дозоров еще 13 мая. Ночью он был возле острова Сиросе и, получив телеграмму с «Синано-Мару», ринулся на перехват юго-восточным курсом, постепенно наращивая скорость (это его четыре крейсера видели около 5 часов утра с замыкающих русских крейсеров). Идя этим курсом и проскочив расчетную точку встречи с эскадрой Роже-ственского, адмирал начал беспокоиться и приказал сбавить ход до 10 узлов, не меняя курса.

Около шести часов утра было получено сообщение с «Идзуми» об обнаруженных им подозрительных дымах. Сверив координаты контакта «Идзуми» со своими, Дэва приказал

немедленно ложиться на северо-восток и дать полный ход. Скорость сразу увеличили до 15 узлов, а потом и до 17, но лишь спустя четыре часа слышали впереди звуки боя.

Наконец, почти ровно в десять часов Дэва нашел то, что искал. Прямо по курсу в 45 кабельтовых удалось рассмотреть характерные мачты русских броненосцев береговой обороны, шедших северо-западным курсом. Почти сразу был обнаружен еще и трехмачтовый двухтрубный корабль, догонявший броненосцы, опознать который японцам не позволяла та мгла, что так удачно скрыла от русских их появление.

Развернувшись на северо-запад, Дэва начал передавать координаты и курс обнаруженных кораблей по радио, стараясь сохранять дистанцию и держаться в полосе плохой видимости. Из-за мглы и тумана русские периодически терялись из вида, но их все время было слышно. С правого борта доносился грохот залпов тяжелых орудий и частое хлопанье средних калибров.

Связаться с флагманом никак не удавалось, очевидно, русские ставили помехи своими передатчиками. Лишь спустя полчаса, сквозь треск помех, была принята телеграмма с вспомогательного крейсера «Америка-Мару», находившегося в первой дозорной цепи, значительно южнее, о том, что им принята депеша Дэва.

Примерно через двадцать минут после контакта с японских крейсеров потеряли русскую эскадру и почти перестали её слышать. Идя на звук и повернув почти строго на север, уже через четыре минуты снова увидели знакомые мачты в 50 кабельтовых справа. Идя этим курсом и держа 17-узловой ход, продолжали наблюдение за броненосцами, уходящими с траверза в корму.

В 10:36 справа из дымки показался силуэт горящего корабля, не имевшего хода и засыпаемого с кормы снарядами с почти не видимых русских кораблей. Разбитый корабль был явно японским, и его вскоре опознали как крейсер «Ицукусима», флагман 5-го боевого отряда.

Через четыре минуты, совершенно неожиданно, он взорвался на виду у всех кораблей Дэва, оставив на поверхности моря лишь серо-белое с желтыми языками облако, быстро уходившее за корму шедших полным ходом крейсеров.

Тягостная тишина висела над японскими кораблями, нарушаемая лишь шумом работающих машин да свистом ветра в рангоуте. Недобрые предчувствия шевельнулись в самых робких душах.

Взяв чуть левее, для сохранения дистанции, и сбавив ход до 10 узлов, вице-адмирал Дэва продолжал следовать слева от русских броненосцев, постоянно передавая по радио сообщения. Но теперь даже «Америка-Мару» не отзывался (Того получил первую телеграмму от 3-го боевого отряда лишь спустя час двадцать минут после её отправки через цепь дозорных вспомогательных крейсеров и береговых станций). В 10:58 все стихло. Русские броненосцы пропали в тумане где-то за кормой, и японцам пришлось еще больше сбросить ход, ожидая их появления. Внимание всех, кто находился на мостиках и палубах, было обращено туда, где пропали русские, поэтому падение у левого борта «Касаги» первого залпа стало полной неожиданностью.

Сначала даже не поняли, кто и откуда стреляет, но быстро обнаружили прямо перед собой дымы, поднимавшиеся из тумана. В этот момент в просвет в дымке удалось увидеть сразу три корабля почти на встречном курсе. Толком разглядеть их не было никакой возможности, к тому же дым из труб японских крейсеров сносило на противника, ухудшая и без того неважную видимость, но, судя по всплескам, стреляли из среднего калибра. Тут же, перед форштевнем флагманского крейсера и шедшего вторым «Читосе», встали гейзеры второго пристрелочного залпа. Взревели сирены на всех четырех японских кораблях, и они начали набирать так некстати сброшенный ход.

Дэва поднял сигнал разворот «все вдруг» на 12 румбов, и два головных крейсера, резко положив руля, начали ложиться на курс отхода, одновременно дав максимальные обороты машинам. Этот маневр вывел их из-под накрытия, но еще больше погасил скорость.

Шедшие замыкающими «Отова» и «Нийтака» не стали разворачиваться, а наоборот, начали разгоняться на встречном с русскими курсе, лишь чуть повернув вправо, намереваясь, видимо, прикрыть своим огнем отход двух самых лучших легких крейсеров японского флота и отвлечь на себя артиллерию русских. Рассчитывая проскочить между броненосцами и обнаруженными крейсерами к цусимскому берегу, избежав тяжелых повреждений. Однако это не помогло.

Почти сразу по ним открыли огонь главным калибром три русских броненосца береговой обороны и старый броненосный крейсер, появившиеся с правого борта. А «Касаги» и «Читосе» так и остались под плотным обстрелом с трех броненосных крейсеров, вскоре опознанных как «Дмитрий Донской», почти безопасный по причине слабого вооружения и малого хода, и очень, очень опасные, непонятно как здесь оказавшиеся, «Россия» и «Громобой».

Толстошкурые русские крейсера также открыли огонь в сторону японских трехтысячников, но лишь из кормовых орудий, не занятых в обстреле первых двух кораблей отряда, скорее давая понять, что приближаться будет себе дороже.

Разворачиваться обратно, чтобы соединиться с флагманом, уже не имело смысла, поэтому «Отова» и «Нийтака» продолжали набирать ход, держась северо-северо-восточного курса, с максимальной интенсивностью обстреливая русские броненосные крейсера, получая с них в ответ двух-трех орудийные залпы, которые, впрочем, ложились очень хорошо.

В это время справа показались те самые броненосцы береговой обороны, за которыми они следили последний час, шедшие на запад большим ходом. Они открыли огонь по «Читосе» носовыми башнями. Затем, круто повернув влево, ввели в бой свои кормовые башни против «Отовы» и «Нийтаки».

По этим целям японские крейсера начали пристрелку правым бортом. Но очень скоро им пришлось срочно переносить огонь на более приоритетные цели.

Уже в 11:05 прямо по курсу из ключев дыма и тумана показались сразу пять русских бронепалубных крейсеров, разворачивавшихся к ним своим левым бортом, с уже наведенными орудиями. Причем они охватывали голову японцам, встав полумесяцем, и открыли полные бортовые залпы с минимальной дистанции, не превышавшей две мили.

Идя уже почти полным ходом и вынужденные отвечать на продольный обстрел в лоб лишь носовыми залпами, «Отова» и «Нийтака» попали под накрытия фугасных и бронебойных снарядов среднего калибра с носовых углов и 254-миллиметровых фугасов с кормы, теряя артиллерию и неся страшный урон в механизмах, слабо прикрытых броней от огня с таких дистанций. Попытка развернуться влево не удалась. Один за другим оба японских крейсера лишились хода, затем на них начались пожары, а отвечать на обстрел было уже нечем.

Первым был обездвижен «Нийтака». Он был накрыт кормовой башней «Сенявина», причем оба снаряда попали в крейсер. Заряженный, видимо, по ошибке десятидюймовый бронебойный снаряд угодил в самую корму с правого борта, легко проткнул обшивку и проломил тонкую броню палубы над румпельным отделением. Далее, идя почти вдоль корпуса по снижающейся траектории, он ударился в рулевую машину, полностью её разрушив, от ricochetил от неё влево и вышел из подводной части, так и не разорвавшись, но оторвав по пути кронштейн гребного вала и загнув сам вал, который, продолжая вращаться, окончательно оборвал кронштейн, разбил подшипники и сальники и порвал обшивку у дейдвуда, прежде чем машина встала.

Второй снаряд этого же залпа был фугасным. Его попадание так же пришлось в корму, по правому борту, но чуть ближе к носу и пониже. Прямо в ватерлинию. Пробив обшивку и ударившись о скос бронепалубы, снаряд полноценно рванул, выдрал клоч борта. При этом кронштейн правого гребного вала, вместе с броневым скосом, был просажен вниз и разошлись несколько швов в обшивке подводной части корпуса ниже бронепалубы.

Через обе пробоины корма начала быстро затапливаться, а крейсер затрясло от сильнейшей вибрации. Почти сразу, несмотря на немедленную остановку обеих машин, оказались разрушены и сальники правого вала, благодаря чему оба машинных отделения стали быстро затапливаться. Появилась вода и в кормовом погребе, который вскоре пришлось покинуть. Помпы не справлялись с поступавшей водой. Попытки дать ход правой машиной вызвали лишь усиление течи сальников на валу, и от этой идеи пришлось отказаться. Крейсер беспомощно качался на волнах, садясь в воду развороченной кормой и кренясь на левый борт, продолжая, однако, отстреливаться из носовых орудий, пока те не были разбиты новыми попаданиями, в том числе и тяжелых снарядов. В 11:25 они уже молчали, и экипаж начал покидать свой обреченный и горящий во многих местах корабль, воспользовавшись прекратившимся обстрелом.

«Отова» почти развернулся правым бортом к русским бронепалубным крейсерам, когда получил снаряд со «Светланы», лишивший крейсер хода. Попав в правый борт под спонсоном кормового 75-миллиметрового орудия, шестидюймовая стальная граната прошла по диагонали до основания третьей трубы и взорвалась уже в дымоходе. Осколками и взрывной волной вывело из строя все котлы в кормовой кочегарке. Столб пара встал над крейсером, и он замер на месте всего через две с небольшим минуты после «Нийтаки». Почти сразу еще один шестидюймовый снаряд проломил гласис машинного отделения и вывел из строя правую машину. Попадания следовали теперь одно за другим с такой частотой, что их не успевали фиксировать в судовом журнале. Тяжелый снаряд разорвался на кормовом мостике, полностью его разрушив и разбив 152- и 120-миллиметровые орудия. При этом загорелись разбитые осколками приготовленные к стрельбе боеприпасы. Пожар быстро охватил всю кормовую часть. Следующее попадание с броненосцев пришлось в середину корабля. Русский фугас, попав в левый борт между первой и второй трубой, прошел через весь корпус и разорвался лишь у противоположного борта в коффердамах под правым крылом мостика, проделав здоровенную дыру ниже ватерлинии и полностью разрушив основание 120-миллиметровой пушки. Третий тяжелый снаряд разорвался между второй и третьей трубой, выкосив осколками расчеты двух 120-миллиметровых и одной 75-миллиметровой пушек. Кроме этих попаданий за 18 минут крейсер получил еще не менее 20 среднекалиберных снарядов (трехдюймовые никто даже и не считал), полностью потерял боеспособность, горел и тонул.

Флагманский «Касаги» и шедший вторым «Читосе», развернувшись на юго-западный курс, выжимали все из своих машин в попытке оторваться от свалившихся как снег на голову русских тяжелых крейсеров. Что это были владивостокские крейсера, ни у кого не осталось сомнений, как только обнаружилось, что они имеют по четыре трубы и три мачты. По огневой мощи они каждый по отдельности превосходили весь третий отряд, а уж парой!! Но расстояние неумолимо сокращалось, и русские быстро пристрелялись. Первым серьезно пострадал «Касаги», уже в 11:08 получивший попадание шестидюймовым фугасом в боевую рубку.

Броня, конечно, выдержала, но снап раскаленных осколков ударил в щит развернутого на правый борт 203-миллиметрового орудия и по системе его зарядки, где, как раз подкатали по рельсам тележку с зарядами. Вспоротые заряды тут же вспыхнули ярким белым пламенем. Огонь моментально перекинулся на палубу, засыпанную порохом, и на саму установку. Набегавший воздушный поток раздувал пламя, а детонирующий от жары на зарядном лотке восьмидюймовый снаряд разорвал и сбросил за борт броневой щит, полностью вывел из строя само орудие и проломил палубу бака, позволив огню проникнуть вниз. Из-за чего носовые 76- и 120-миллиметровые казематы заволкло дымом, а потом туда добрался и огонь. Тушить пожар на таком ходу не было никакой возможности, к тому же начали рваться боеприпасы в носовых казематах.

В срочном порядке затопили носовые погреба, а из окруженной огнем боевой рубки пришлось перебираться на кормовой мостик. При этом попадания не прекращались ни на минуту. Сев носом, крейсер начал зарываться в волны и сбавил скорость. Казалось, что шансов уже не

осталось, но русские, подбив «Читосе», дважды довернули влево и встали к флагману вице-адмирала Дэва носом, что заметно ослабило плотность огня. Кроме того, противник перестал приближаться, стреляя вдогонку с 23 кабельтовых.

Вскоре они вообще отказались от погони, повернув на восток, но зато открыли очень сильный продольный огонь всем правым бортом с трех крейсеров, однако все закончилось через четыре минуты. «Ка-саги» отделался, в общей сложности, 18 попаданиями, из них семь – мелкими снарядами. Нос сильно горел еще три часа. Все оборудование в боевой рубке было уничтожено огнем, радиорубка разбита, а носовые 76-, 120- и 203-миллиметровые пушки выведены из строя и до прихода в базу их уже было не отремонтировать. Кроме того, были напрочь разбиты еще два 120-миллиметровых орудия на батарейной палубе. Имелась также пробоина на ватерлинии в угольной яме правого борта, напротив машинного отделения, которую никак не удавалось заделать.

«Читосе» избегал повреждений до 11:10, почти все время находясь под накрытиями. Первым попаданием мелкого снаряда пробило первую трубу над самым кожухом. Далее снаряд пробил шлюпку с подбойного борта и разорвался уже над водой. Затем было сразу два попадания в район кормового мостика, предположительно шестидюймовыми снарядами, от чего возник небольшой пожар.

Но судьбу крейсера, по сути, решило четвертое попадание. В 11:12 бронебойный снаряд из носового левого 203-миллиметрового орудия «Громобоя» попал в правый борт чуть впереди кормового торпедного аппарата и, пройдя внутрь корпуса, проломил гласис машинного отделения, прикрытый 76-миллиметровой броней. Далее, идя наискосок, он прошел продольную переборку между машинными отделениями и, срикошетив от гласиса противоположного борта, пробил цилиндр высокого давления левой машины, затем, снова уйдя рикошетом влево и вперед, пробил настил двойного дна у самой носовой переборки отсека, застряв в междудонном пространстве. Лишь тогда сработал тугий русский взрыватель. Небольшой заряд влажного пироксилина, которым начинались русские бронебойные снаряды, смог лишь пробить крупными осколками днище крейсера, повредив настил двойного дна левого машинного отделения и кормовой кочегарки. Машинное отделение мгновенно заполнилось паром, а снизу начало затапливаться через пробоины водой. В кормовой кочегарке также открылась течь, но с ней справлялись насосы.

Давление в паропроводе упало до нуля, и крейсер на несколько минут почти совсем остановился. Однако механикам довольно быстро удалось перекрыть клапаны, и «Читосе» захромал под одной машиной, снова начав разгоняться, но русские крейсера приближались гораздо быстрее. Кроме того, три броненосца береговой обороны пристрелялись носовыми башнями с 25 кабельтовых, взяв, таким образом, подранка в два огня. Крен на левый борт быстро нарастал, сделав невозможным заряджение тяжелых орудий, и «Читосе» отстреливался на оба борта из одних стодвадцаток, получая попадание за попаданием.

Русские низкобортные броненосцы береговой обороны шли полным ходом против ветра, при этом волны докатывались до их носовых башен и надстроек, но на результативности огня это не сильно сказывалось. Их тяжелые пушки стреляли не часто, но наверняка, не выпуская калеку из-под своих накрытий.

В 11:20 254-миллиметровый фугас разорвался в вентиляционной шахте первой кочегарки, над самой бронепалубой. Проникшая в отделение взрывная волна и осколки разбили два котла и перебили паропровод. Крейсер снова густо запарил и остановился. Без пара встали динамо-машины и водоотливные средства. Замерли снарядные элеваторы.

Расчеты расстреливали остатки снарядов, уже поданных на палубу, и уцелевшие орудия замолкали одно за другим. В 11:30 «Читосе» замолчал совсем. Тут же прекратили огонь и русские, видя агонию своего противника.

За двадцать пять минут боя крейсер получил не менее пяти 254-миллиметровых снарядов и около сорока 203- и 152-миллиметровых, не считая трехдюмовых. На шкафуте полыхал большой пожар, в левом борту имелись три большие подводные пробоины, в правом – одна, зато тоже в машинном отделении. Кроме того, в воду ушли многие снарядные дыры в надводном борту. Корма быстро садилась в море, но крен почти выровнялся. Люди бросали за борт все, что могло плыть, и прыгали сами. А русские уходили на восток³³.

Глава 8

Как только все отряды второй тихоокеанской эскадры восстановили визуальный контакт, Рожественский снова запретил пользоваться рациями на передачу, затребовав доклады о потерях и повреждениях, а также о расходе боезапаса. Флагманам было приказано проанализировать свои и вражеские маневры и представить соображения по этому вопросу через полчаса.

Видимость, и без того не важная, еще больше ухудшилась от угольной копоти из десятков труб да сгоревшего в топках масла, обильно лившегося на колосники для улучшения тяги. Этот дымный саван скрыл от посторонних глаз русские корабли, активно обменивающиеся сигналами. К тому же около половины двенадцатого напоззла полоса густого тумана, так что с первого броненосного отряда едва могли различить концевые корабли русской колонны. Вокруг шныряли парами дозорные миноносцы. Флот восстанавливал свой боевой порядок, начав движение на северо-восток. Ход вскоре увеличили до 9 узлов, а после и до 12.

По мере поступления докладов от командиров отрядов, у штаба появилась пища для размышлений.

С одной стороны, менее чем за полдня была уничтожена большая часть легких сил японского флота, без серьезного ущерба для нас. Кроме того, нам удалось, по крайней мере пока, прочно держать инициативу в своих руках и громить противника по частям, как и планировалось. Русские броненосцы, как паровым катком, прошли по разведке Того, оставив после себя лишь догорающие обломки. Несмотря на то, что по ходу боя общий строй распался, но он распался на организованные отряды, сохранившие полную управляемость и помогавшие друг другу. Все флагманы действовали четко и слаженно, хорошо ориентируясь в ситуации. Общий контроль над эскадрой не был потерян ни на минуту.

Вот он – результат постоянных штабных учений и игр в кораблики, позволивших научить командиров и флагманов думать и действовать в рамках общего плана и сообразно ситуации. А ведь еще четыре месяца назад шагу не могли ступить без распоряжений и циркуляров. Прямо не боевой флот был, а чиновничий департамент с махровой бюрократией.

Но с другой стороны, все эти успехи были достигнуты, в немалой степени, благодаря везению, а это очень не надежно. Небольшие японские крейсера не могли вести точный огонь из-за качки, в то время как более крупные «Касаги», «Читосе» и «Чен-Иен» довольно быстро добились накрытий, и лишь подавляющее огневое превосходство и строгая очередность появления противников позволили разделаться со всеми ними столь легко. С «собачками» вице-адмирала Дэва вообще сказочно повезло. Идеальная ловушка для его отряда сложилась чисто случайно. Кроме того, выяснилось неожиданно слабое фугасное действие наших снарядов и ненадежность взрывателей. При перекрестном обстреле неоднократно наблюдались сквозные пробития корпусов крейсеров без разрыва снаряда внутри. Исключением являются лишь новейшие 254-миллиметровые фугасные снаряды, чье убойное действие по слабо бронированным целям было продемонстрировано минимум дважды. Судьбу «Нийтаки» решило, по сути,

³³ Третий боевой отряд, идя на вызовы «Садо-Мару» и «Идзуми», проскочил позади русской колонны. При этом его видели с концевых кораблей. Но затем он нагнал флот и активно участвовал в бою.

одно-единственное накрытие кормовой башни старого броненосца береговой обороны. Скорее всего, он затонул бы, даже если в него больше не попал ни один снаряд.

Также выявилась ненадежность и даже опасность противоосколочной защиты из коек, загоравшихся от попавших в них осколков. Именно в этом была причина пожаров на «Донском», «России» и «Авроре». Все уцелевшие койки было приказано убрать вниз.

Потери в экипажах были минимальными. Больше всех пострадала «Россия», получившая пять попаданий и имевшая двух убитых и восьмерых раненых, при одной разбитой трехдюймовке. Все остальные имели только раненых, а поврежденные орудия можно было отремонтировать в пределах получаса. Из броненосцев лишь «Ослябя» получил повреждения, но счастливо избежал потерь в людях. Два из девяти попавших в него снарядов, безвредно разорвалась на поясной броне, еще один угодил в броню носового каземата между ярусами, также без последствий, остальные попадания не причинили особо вреда, но осколками от близких разрывов сбilo антенну беспроводного телеграфа, и сейчас матросы, под матюги минеров, пытались её восстановить.

Полтора часа маневрирования на полном ходу обошлись без единой поломки в машинах или рулевых приводах (два десятка потекших котельных трубок на всю эскадру – не в счет), что говорило об их достаточно высокой надежности и высокой квалификации машинных команд. Четкое выполнение всех маневров и отличные результаты в стрельбе подтверждали мнение о хорошей выучке экипажей и офицеров. За восемь месяцев перехода удалось слепить из зеленых салаг и закисших резервистов настоящих морских волков.

Радикальнейшим образом изменилось настроение экипажей. Теперь каждый чувствовал свою силу и верил в себя. И пусть это еще не главный бой, а лишь прелюдия, но теперь все точно знали, что японца бить можно. Бить так, чтобы брызги летели. Бить за себя и за тех, у кого не получилось раньше. За «Варяга» с «Корейцем», за Порт-Артур, за «Рюрик». Теперь сюда пришел другой русский флот, не позволяющий пасти себя, как стадо, а рвущий пастухов в клочья. Теперь все будет по-другому! Держись, Того! Теперь МЫ пришли!!

Бой

*И море кипит от разрывов, и воют осколки,
Снаряды рвут в клочья стальную обшивку бортов,
И пламя пожаров безжалостно гложет надстройки,
Но в грохоте выстрелов слышится:
«Врешь! Не возьмешь!»*

Глава 1

К двенадцати часам русский флот смог наконец-то восстановить прежний боевой строй и на 12 узлах шел своим первоначальным курсом, огибая остров Цусима с востока. Наши дозоры отогнали японские миноносцы, пытавшиеся приблизиться с севера, больше контактов пока не было.

По эскадре распространили распоряжение командующего, что в случае разделения отрядов в бою точкой рандеву назначается место дислокации транспортов, в 50 милях к югу от островов Гото, если не будет особых распоряжений.

Крейсера Добротворского получили приказ обогнать эскадру и встать завесой в семи милях впереди, держа миноносцы на флангах, чуть выдвинув их вперед. Попутно им предписывалось прочесать море слева от эскадры, ни в коем случае не показываясь в виду у мыса Коозаки.

Поскольку встреча с главными силами японцев считалась теперь весьма вероятной, для поддержки разведки вперед выходили также и тяжелые крейсера Иессена, которые должны были занять позицию в трех милях перед главными силами.

Для связи между крейсерскими отрядами должен был держаться все тот же связной миноносец.

Крейсера начали исполнять полученные распоряжения, а штаб эскадры приступил к анализу первоначального, надо сказать, ошеломляющего успеха. Такого не ожидал никто. Ни один из русских кораблей не получил серьезных повреждений, потери в экипажах также были минимальны. По расходу боеприпасов картина была следующая.

Среднекалиберная артиллерия успела расстрелять лишь немногим больше размещенного в освободившихся погребах количества 47-миллиметровых патронов и кранцев первых выстрелов. Убыль в основных погребах 120- и 152-миллиметровых боеприпасов сейчас ускоренными темпами пополнялась из отделений подводных минных аппаратов и минных погребов, забитых снарядами под завязку. Причем это пополнение явно перекрывало расход.

С тяжелыми снарядами дела обстояли несколько хуже. Их запас пополнить было пока неоткуда. Хотя, из опыта боя в Желтом море, оставшихся 65–70 снарядов на ствол главного калибра у новых броненосцев должно было гарантированно хватить на один день боя, точнее уже на полдня. А потом, в любом случае, нужно будет идти к транспортам, где есть все – от угля до снарядов. Сейчас на броненосцах шла перегрузка снарядов и зарядов из кормовых башен в носовые, стрелявшие намного больше и потому опустошившие свои погреба почти на четверть. После уравнивания боезапаса его оставалось еще на три часа боя с максимальной прицельной скорострельностью для первого отряда, а для более медлительных старичков – еще дольше. Так что поводов для беспокойства у артиллеристов тоже не было.

По расходу котельной воды и угля, а особенно масла было превышение нормы, но тоже в пределах допустимого. Гарантированно хватало запасов на двое суток хорошего хода. Состо-

яние механизмов не вызывало опасений, и все отряды могли уверенно держать предписанную им боевым приказом скорость.

Из докладов Добротворского и Иессена следовало, что чугунные фугасные снаряды средних калибров часто дают разрыв даже при ударе о воду, образуя хорошо заметное облако черного дыма. Это позволяет надежно корректировать огонь, даже в такую мглистую погоду. Эти боеприпасы, признанные негодными еще в Порт-Артуре, имелись на каждом корабле. Их принимали при последней угольной погрузке, уже в перегруз, чтобы полностью разгрузить транспорт «Князь Горчаков» и отправить его в Шанхай с остальными. Планировалось израсходовать их на последних перед боем практических стрельбах, которые так и не состоялись. А вот теперь выяснилось, что это старье грузили не зря. Старые взрыватели системы Барановского оказались гораздо надежнее новых – двухкапсюльных Бринка.

При стрельбе на малые и средние дистанции большая часть этих снарядов все же долетала до конечной точки своей траектории, не развалившись в воздухе и избежав преждевременного взрыва. В условиях сильной мглистости горизонта, когда окрашенные в грязно-серый цвет японские корабли почти сливались с туманом и не были различимы через наши оптические прицелы, нуждавшиеся в достаточной силе света, по столбам дыма от разрывов этих снарядов удавалось все время четко корректировать стрельбу даже по скоростным и малоразмерным целям типа миноносцев. Об этом немедленно проинформировали всех командиров кораблей.

Из обстрела «Чин-Иена» можно было сделать вывод, что для достижения решительного успеха в бою с броненосными кораблями желательно сблизиться на минимальную дистанцию, стреляя прямо в борт. Все таблицы бронепробиваемости ничего не стоят, если снаряд встречается с толстой, пусть даже устаревшей, броней под острым углом. В этом случае наблюдается лишь эффектный и почти безвредный рикошет.

Кроме того, подтвердилось опасение, высказывавшееся еще на Мадагаскаре, что при сосредоточении огня нескольких кораблей на одной цели эффективность стрельбы снижается, из-за искусственного сдерживания её темпа, вызванного необходимостью различать «свои» и «чужие» всплески. Оптимальные результаты достигались, когда одну цель обстреливали не более трех кораблей.

Исходя из первой половины дня боев, было ясно, что Того пришлось-таки усилить дозоры в Корейском проливе силами флота. И на данный момент он располагает лишь четырьмя броненосцами, восьмью броненосными крейсерами и одним отрядом крейсеров из четырех единиц. Все остальные японские крейсера уничтожены, за исключением «Касаги», который тоже, судя по всему, потерял боеспособность. Таким образом, по крупным кораблям удалось добиться некоторого преимущества. Кроме того, сейчас тихоокеанскую эскадру, должно быть, усиленно ищут силами флота, что снова неизбежно его ослабляет.

Но это превосходство по железу было лишь на бумаге. Согласно расчетам штаба, по весу суммарного бортового минутного залпа японский объединенный флот почти в двое превосходит нашу эскадру. Если наши основные силы (1-й, 2-й и 3-й броненосные отряды, вооруженные разносортной артиллерией) были способны выпустить в минуту лишь чуть больше 13 тонн снарядов, то японские 1-й и 2-й отряды, вооруженные новейшими образцами артиллерии Армстронга (исключение лишь главный калибр «Фудзи», дающий один залп за две с половиной минуты), – почти 26 тонн.

Поэтому Рождественский приказал крейсерам, вплоть до кораблей второго ранга, с началом боя атаковать голову японской колонны, сближаясь на минимальную дистанцию. Их скорострельная артиллерия добавляет еще больше восьми с половиной тонн стали в минуту (8712 килограммов), что позволит заметно сократить неравенство. А отряды миноносцев, атакуя поочередно, могут отвлечь на себя часть японской артиллерии.

Однако у японцев было подавляющее превосходство в легких силах, которое нам нечем компенсировать. И они непременно постараются воспользоваться этим, применив торпедные

атаки днем, а еще больше ночью. Поэтому нужно обязательно оторваться от противника до наступления темноты.

Около двенадцати с «Урала» доложили, что где-то рядом заработал передатчик. Телеграммы идут открытым текстом, и пришлось начать гасить их искрой. Пеленг определить не успели. Дозоры пока никого поблизости не видели. Но над «Суворовым» взвился сигнал: «Внимание по горизонту», немедленно отретированный всеми кораблями.

В начале первого командам разрешили обедать посменно. Бронепалубные крейсера ушли вперед, и их корпуса уже скрылись в молоке вновь сгустившегося тумана, лишь мачты еще маячили над дымкой. Эсминцы не поспевали за ними на почти встречной волне и сильно отстали. Следом шли «Россия» с «Громобоем», легко рассекая своими длинными корпусами тяжелую зыбь.

Вдруг в 12:09 из тумана впереди эскадры донеслись звуки боя. Связной миноносец тут же доложил, что «Жемчуг» и «Аврора» наткнулись на четыре японских истребителя и преследуют их на северо-западном курсе. Рождественский приказал передать на крейсера, чтобы не увлекались погоней, но едва сигнальщик с миноносца принял семафор с «Суворова», до всех кораблей эскадры докатился глухой грохот мощного взрыва, откуда-то с северо-востока. Почти сразу стихла и стрельба. Все замерли в ожидании, глядя на мостик миноносца, болтавшегося на волнах впереди броненосцев. Наконец он начал передавать фонарем полученное с крейсеров донесение, которое читали все, кто был на палубах, мостиках, в башнях:

«На миноносцах мины. Одна взорвалась. Обходим этот район справа. Потерь и повреждений нет».

Рождественский приказал Добротворскому дождаться эсминцев и выдвинуть их на флангах вперед, минимум на две мили от его завесы. Далее двигаться на максимально возможном для миноносцев ходу, вплоть до занятия назначенной позиции.

Едва первый крейсерский отряд успел обогнать свои броненосцы на 4 мили, как с «Жемчуга» обнаружили прямо по курсу четыре крупных четырехтрубных японских миноносца, идущих на северо-запад в строе уступа вправо. Они проявились из густой мглы совершенно неожиданно. Видимо, эти миноносцы уже давно шли впереди крейсеров, скрытые туманом. Из-за довольно крутой волны их здорово кидало с борта на борт, и они не могли дать большой ход, поэтому крейсера на своих 18 узлах их догоняли. По дальномеру дистанция была всего 25 кабельтовых.

Сообщив об этом фонарем на флагманский «Олег», «Жемчуг» повернул чуть влево, чтобы лечь на параллельный курс, и начал преследование, увеличив ход до полного. Почти сразу за ним «Аврора» сделала то же самое. С остальных кораблей отряда японцев не видели. Оба крейсера открыли огонь одновременно по всем четырем миноносцам из 75-, 120- и 152-миллиметровых орудий правым бортом.

Залпы «Авроры», более крупного калибра, ложились заметно точнее, несмотря на большее расстояние, и уже с третьего начались накрытия из шестидюймовок. Мелкая артиллерия на такой дистанции пока мазала, да и всплески от трехдюймовых снарядов, не взрывававшихся на воде, было непросто разглядеть с такого расстояния да в тумане, в отличие от почти десятиметровых гейзеров воды, вздымаемых снарядами главного калибра крейсеров, даже если они не взрывались.

Столбы черного дыма от шестидюймовых снарядов и всплески трехдюймовок вставали среди японского строя, но попаданий пока заметно не было. Миноносцы петляли, пытаются сбить пристрелку, но им не хватало скорости, и это привело лишь к тому, что дистанция начала сокращаться еще быстрее. В бинокль с «Жемчуга», бывшего от ближайшего к нему миноносца уже в 22 кабельтовых, разглядели подозрительное движение на палубах юта всех четверых

беглецов. Там убирали брезент и вскоре какие-то предметы начали бросать в море. Ключья тумана мешали толком разглядеть, что же это такое.

Вдруг крайний правый в строю «японец» после очередного накрытия исчез в огромной вспышке взрыва. Затем почти сразу последовал еще один взрыв, но уже слабее, в этой же вспышке. Огромный столб воды, дыма и пара взметнулся на месте миноносца, засыпав его обломками соседние корабли.

Тут поняли, что это мины и сейчас японцы спешно от них избавляются. При этом для крейсеров есть риск наскочить на эту плавающую минную банку. С «Жемчуга» немедленно передали это на «Олега». В этот момент до «Жемчуга» докатился грохот этого сдвоенного взрыва. Казалось даже, что крейсер вздрогнул всем корпусом.

На месте японского миноносца осталось лишь серое облако, частично закрывшее остальные корабли. Русские крейсера прекратили огонь и резко взяли вправо, чтобы обойти опасный район и занять свое место в завесе, подробно доложив семафором обо всем Добротворскому. Этот семафор, переданный с «Авроры», прочитал и репетичный миноносец, тут же передавший все на эскадру.

Еще в начале девятого часа утра 4-й отряд истребителей под командованием капитана второго ранга Сузуки обнаружил русский крейсер типа «Жемчуг» (это был «Изумруд») и «Светлану», шедших на северо-восток. Оставаясь незамеченными, эсминцы шли впереди них в 3–4 милях, сообщая по радио их место и курс, пока около десяти часов не потеряли крейсера из вида.

В 10:06 Сузуки развернулся и, идя на юго-запад на 12 узлах, начал поиск. Его корабли сильно трепало на волне, но он не менял курс, пока около половины одиннадцатого не услышал справа от себя звуки стрельбы. Немедленно повернув туда, миноносцы легли на западный курс и через двадцать минут увидели на левом траверзе в 40 кабельтовых пять новейших русских броненосцев, идущих большим ходом на северо-запад и стреляющих в кого-то носовыми залпами.

Повернув, было, за ними, японцы обнаружили к западу от себя три русских миноносца, идущих на север. Чтобы не быть обнаруженными, пришлось взять влево, и контакт был потерян. Стрельбу теперь тоже не было слышно.

Через десять минут упрямый Сузуки снова повернул на запад-юго-запад, но и на этот раз снова уперся в два миноносца, шедших с юга. Отвернув от них к северо-западу, попытались отправить телеграмму об обнаруженных русских броненосцах, но мешали помехи.

В 11:10 4-й отряд истребителей повернул на восток, надеясь перехватить русскую эскадру, если она развернется. Идя этим курсом до 11:45 и никого не видя, японцы развернулись на 180 градусов и почти сразу обнаружили на два румба впереди левого траверза сначала дымы, а потом и силуэты двух бронепалубных крейсеров, на северо-восточном курсе, шедших полным ходом. Их опознали как русские крейсера первого ранга «Светлана» и «Олег».

Резко отвернув на север, эсминцы дали максимально возможный ход. Однако свежая погода не позволяла держать более 16 узлов, к тому же корабли были перегружены, имея на палубах по восемь мин заграждения. Русские приближались, смещаясь вправо по корме. За двадцать минут этой гонки дистанция сократилась с 40 до 31 кабельтова. При этом слева открылся третий крейсер – «Аврора». Из радиорубки флагманского «Асагири» постоянно шли телеграммы открытым текстом о курсе и скорости обнаруженных крейсеров. Но подтверждения о получении пока не было, а вскоре все заполнил сплошной треск помех.

Видя, что оторваться от крейсеров не удастся, Сузуки решил взять левее, чтобы уйти с их курса, но через четыре минуты левее «Авроры» на 10 кабельтовых обнаружили еще один крейсер: «Жемчуг» или «Изумруд». Причем с него японцев явно заметили, так как он довернул влево, ложась на параллельный с японцами курс, и начал сигналить фонарем соседу. До него

было всего 25 кабельтовых. Почти сразу и «Аврора» взяла влево. Но она была на полмили дальше. Остальные крейсера уже закрыло дымкой.

В 12:09 русские открыли огонь, стреляя по двум средним в строю миноносцам из мелких орудий, а по крайним – главным калибром. Истребители петляли среди разрывов русских фугасов и всплесков от неразорвавшихся снарядов, начав, по приказу Сузуки, сбрасывать мины в море.

Уже третий залп главного калибра с «Авроры» дал хорошее накрытие по «Асагири», а в девятом залпе, как минимум, один снаряд угодил в палубу флагманского истребителя, причем в её кормовую часть, еще не освобожденную от мин. Раздался страшный взрыв и сразу еще один, видимо, детонировали боеголовки торпед. Из огромного столба дыма с белыми прожилками пара и опадающей воды выскочила идущая по инерции и быстро погружающаяся носовая часть, засыпаемая обломками. За считанные секунды она встала вертикально и погрузилась в воду. Спасшихся не было. Этими же обломками накрыло и шедших рядом «Асасио» и «Сиракумо», но, к счастью, еще оставшиеся на палубах мины не пострадали, и они смогли спастись, избавившись от своего смертоносного груза и укрывшись под цусимским берегом. Рации на всех трех уцелевших миноносцах вышли из строя от сотрясения и взрывной волны, так что передать сообщение о русских крейсерах немедленно не было возможности. Кроме того, у «Асасио» был разбит кормовой торпедный аппарат и поврежден рулевой привод, а «Сиракумо» имел подводную пробоину в корме и две дыры в трубах от мелких снарядов.

Почти сразу после гибели «Асагири» русские прекратили огонь и отвернули вправо, быстро пропав из вида.

К часу дня видимость снова улучшилась, доходя временами до 70–80 кабельтовых, но полосы густого тумана оставались. Русская эскадра легла на курс норд-ост 23°. Это был прямой курс на Владивосток.

К половине первого бронепалубные крейсера смогли обогнать свои броненосцы лишь на 5 миль, двигаясь на предельных для миноносцев 16 узлах. Интервалы между кораблями во фронте разведки были в милю, на флангах держались миноносцы, попарно, причем один из этих двоих находился в двух милях впереди отряда, иногда полностью пропадая в тумане.

Было 12:49, когда шедший на правом фланге впереди завесы «Безупречный» обнаружил чуть правее своего курса дымы крупных кораблей. Тут же на правом траверзе, всего в 25 кабельтовых, были замечены четыре миноносца в кильватерной колонне на встречном курсе, опознанные как «Синоме», «Усугумо», «Касуми» и «Сазанами».

Об этом немедленно хотели доложить на наши крейсера, но в этот момент они полностью пропали из вида, закрытые туманом. Поскольку «японцы» шли мимо, радио решили не пользоваться, а передать сообщение при первой возможности. Одновременно «Безупречный» отвернул от миноносцев влево, а потом снова в сторону обнаруженных впереди дымов, увеличив ход до 18 узлов, рискуя посадить машины, так как на таком ходу винты иногда выходили из воды на волнах. Порывистый ветер швырял брызги на всех, кто был на мостике и палубе, но скорость не сбавляли.

Вскоре настойчивость Матусевича была вознаграждена, и он смог сбросить скорость до 16 узлов, обнаружив в 65 кабельтовых прямо по курсу «Микасу», «Сикисиму», «Фудзи» и «Асахи» на западном курсе. Далее виднелись мачты еще шести или даже восьми кораблей, пока скрытых туманом.

Тут же открытым текстом отправили радио об обнаруженных японских главных силах, их курсе и скорости, не забыв упомянуть и про встреченные миноносцы. Сразу же получили квитанцию о получении и продолжили наблюдение, начав разворачиваться вправо по широкой дуге. А из дымки показывались один за другим шедшие за японскими броненосцами «Ниссин», «Касуга», а намного левее всех их на юго-западном курсе – «Нанива», «Такатихо»,

«Акаси» и «Цусима» – 4-й боевой отряд в полном составе. Все японцы держали ход примерно 13–15 узлов и русский миноносец, похоже, не видели.

Снова заработала рация «Безупречного», сообщив последние новости. В этот момент справа из мглы появились виденные десять минут назад четыре японских миноносца, шедшие наперерез. Видимо, все же обнаружив «Безупречный», они решили зайти ему в тыл. По штурманским прокладкам, до наших крейсеров было около 25 кабельтовых, но они находились в полосе густого тумана, и их совершенно не было видно. Японцы, судя по всему, пока даже не догадывались об их столь близком присутствии и вели себя очень агрессивно.

Матусевич приказал не менять курс и открыть огонь из всех орудий, а минерам постоянно передавать на эскадру об обнаруженных японских главных силах и крейсерах. Про миноносцы с началом перестрелки на наших крейсерах уже наверняка знали и так. Через две минуты после открытия огня с обоих бортов второго в японской колонне «Усугумо» встали четыре всплеска от малокалиберных снарядов. Похоже, шедший следом «Блестящий» спешил на подмогу своему флагману.

Воевать вчетвером против двоих японцам сразу расхотелось, и они легли на северо-восточный курс, увеличив ход, продолжая бить со всех четырех истребителей по «Безупречному», но вскоре растаяли в тумане, провожаемые звонкими залпами наших миноносных пушек. В этот момент прямо по курсу показались крейсера Добротворского, чуть не обстрелявшие «Безупречный», который едва успел показать свой позывной. Попаданий в этой стычке не было с обеих сторон, но в отличие от японцев, русские теперь точно знали место, курс и скорость главных сил своего противника.

К обеду 14 мая Того окончательно потерял русскую эскадру. Сначала пропала связь с «Синано-Мару», только успевшего передать, что он видит русских в квадрате 203, идущих предположительно в Восточный пролив. Полагаясь на это сообщение, весь японский объединенный флот был поднят по тревоге и в 06:15 вышел из Мозампо, двинувшись на восток. Незадолго до этого прервалась передача с «Идзуми», нащупавшего след Рождественского. Затем, около девяти, было получено сообщение от 4-го отряда истребителей, что они идут в 4 милях впереди русских крейсеров на 9 узлах северо-восточным курсом и направляются в Восточный пролив, находясь примерно в 15 милях южнее острова Цусима. Потом с сигнальной станции на острове Икисима сообщили, что видели дымы нескольких кораблей в компактном строю на западе, скрывшиеся вскоре в западной части горизонта. С десяти часов не отвечал на вызовы вице-адмирал Катаока, который должен был найти русских к югу от мыса Коозаки и сообщить их курс и скорость. Ни один из его кораблей также не отзывался. Радиопереговоры были сильно затруднены мощными помехами, не позволявшими получать сообщения напрямую с кораблей, ведущих поиск южнее Цусимы. Все их телеграммы доходили с большой задержкой круглыми путями.

В полдень 1-й, 2-й и 4-й отряды японского флота вместе с четырьмя отрядами истребителей находились в 10 милях севернее острова Окиносима. Шедшие с Того миноносцы из-за свежей погоды пришлось отправить в залив Миура еще до обеда. К двенадцати часам дня наконец дошла телеграмма с «Касаги» о том, что он видит русские броненосцы на северо-западном курсе, примерно в 10 милях к югу от мыса Коозаки. И следом за ней целый поток зашифрованных сообщений с южной оконечности острова Цусима, в которых сообщалось о русских крейсерах, ушедших на юго-запад и о погибших «Чиода», «Акицусима» и «Сума». От миноносцев, посланных в разведку на юг от Цусимы и в Западный пролив, новостей пока не было. Среди всех этих депеш промелькнули две неполные от 4-го отряда истребителей, о том, что они ведут поиск на юго-запад от своего предыдущего места, а через час – лишь «веду бой с крейсерами».

Опасаясь, что, воспользовавшись плохой видимостью, русские могут проскочить проливы на полном ходу незамеченными, Того послал на запад 1-й и 3-й отряды истребителей, при этом 3-й отряд должен был повернуть на юг и, пройдя этим курсом 5 миль, снова лечь на запад. Одновременно 2-й и 5-й отряды истребителей были направлены на восток, чтобы обнаружить русских, если они попытаются проскочить под японским берегом. Всем вспомогательным и легким крейсерам был отдан приказ идти на соединение с 1-м и 2-м боевыми отрядами, двинувшимися, немного погодя, также на запад. С броненосцами и броненосными крейсерами остались лишь крейсера вице-адмирала Уриу да авизо «Чихая» и «Тацута».

В 13:03 из 3-го отряда истребителей пришла нешифрованная телеграмма о том, что они ведут бой с двумя русскими миноносцами, идущими на северо-северо-восток, ход 15 узлов. Сообщалось также, что с миноносцев видят на северо-востоке свои главные силы в 65 кабельтовых. Немедленно 3-му боевому отряду было приказано прикрыть истребители и провести разведку в юго-западном направлении. Для поддержания связи, в случае возникновения радиопомех, направлялись оба малых крейсера.

Отходившие почти строго на север истребители 3-го отряда семафором с «Микасы» в 13:06 были направлены в разведку на юг – юго-восток. Развернувшись на новый курс, командир отряда капитан второго ранга Иосидзима приказал дать самый полный ход, однако из-за волн, даже рискуя угробить машины, не удавалось держать более 20 узлов, и через 8 минут ход сбавили до сравнительно безопасных 16 узлов. Вскоре справа были обнаружены два русских миноносца на встречном курсе, которые прошли мимо, видимо, не заметив японцев. Почти сразу за ними показался крейсер типа «Жемчуг», только он был примерно на милю дальше к западу и шел также встречным курсом (это был «Изумруд», крайний правый крейсер в русской разведывательной завесе). Вскоре он отвернул резко влево и скрылся из вида.

Обо всех обнаруженных кораблях немедленно сообщалось по беспроволочному телеграфу. Никаких помех не было. Но было перехвачено также несколько русских телеграмм из пяти-шести слов, смысл которых разобрать не удалось.

Истребители сильно качало на волнах. Их хлипкие корпуса изгибались и трещали, но они упрямо шли вперед, и в 13:18 в двух румбах впереди своего правого траверза обнаружили два больших четырехтрубных крейсера, несших по три мачты. Это были, несомненно, «Россия» и «Громобой». До них было 45–50 кабельтовых, и они шли малым ходом на северо-восток.

Следом за ними показались русские броненосцы типа «Суворов», шедшие строем кильватерной колонны. За ними дымил высокобортный трехтрубный «Ослябя», дальше разобрать было нельзя из-за тумана.

Тут на головной истребитель «Синоме» выскочил русский миноносец, оказавшийся чуть правее его курса и всего в 20 кабельтовых. С него тут же открыли огонь из носовых орудий, и японский отряд, отвернув влево, прервал контакт. Развернувшись на северо-восток, Иосидзима пошел обратно к своим броненосцам, не переставая отправлять радиogramмы о координатах, курсе и скорости обнаруженных русских кораблей. Наконец их удалось обнаружить. Однако к этому времени дымы русских броненосцев было уже хорошо видно и с самого японского флагмана «Микаса».

Продолжая отходить этим курсом, Иосидзима так и не нашел своих броненосцев и вскоре развернулся на обратный курс, а затем повернул к западу. Вскоре с его кораблей слышали звуки канонады впереди себя. Продолжая двигаться на запад, обнаружили лежащий в дрейфе одиночный трехтрубный русский броненосец, который сильно горел и имел заметный дифферент на нос. Рядом с ним был трехтрубный пароход. Обойдя обнаруженные корабли с юга, миноносцы перестали слышать стрельбу и продолжали блуждать в тумане, пока не наткнулись около четырех часов дня сначала на 5-й отряд истребителей, а немного погодя и на свои броненосные крейсера под флагом Того.

На первом крейсерском отряде сразу после получения радиограммы с «Безупречного» продублировали её семафором на эскадру, получив подтверждение в получении. Крейсера продолжали следовать своим курсом, видя неясные дымы на горизонте.

Как только началась перестрелка между «Безупречным» и японскими миноносцами, «Изумруд» увеличил ход до полного и двинулся на выручку, но не успел, встретив лишь Матуевича, очень вовремя успевшего передать свой позывной, буквально за секунду до открытия огня. Его миноносец, шедший навстречу, поначалу приняли за «японца», не признав в тумане.

Около часа дня с находившегося на левом передовом фланге разведки «Буйного» обнаружили почти прямо по курсу четыре крейсера. Через две минуты эти крейсера были обнаружены уже с «Жемчуга», шедшего на две мили позади и чуть правее. До японских крейсеров в этот момент было около пяти миль.

Одновременно с этим снова развернувшийся под опекой «Изумруда» «Безупречный» повторно обнаружил японские броненосцы и два броненосных крейсера, отправив еще одну телеграмму.

Дымы японских броненосцев уже были хорошо видны и с «Изумруда» и «Светланы». Как только эти сообщения дошли до флагмана, крейсера получили приказ на перестроение для боя. Противник был обнаружен, и пришло время собирать все, что есть под рукой, в кулак.

В 13:05, по сигналу с «Олега», фронт русских легких крейсеров шириной 5 миль начал перестроение в компактную кильватерную колонну. Флагман сбавил ход до 5 узлов. Крейсера левого фланга заложили циркуляцию вправо, а с правого фланга – влево. Многократно обкатанный маневр был выполнен безупречно. Уже через четверть часа с небольшим первый крейсерский отряд завершил маневрирование и выровнял строй. Головным теперь был «Жемчуг», дальше «Изумруд», «Олег», «Аврора» и «Светлана». Крейсера шли на предписанных адмиралом 12 узлах курсом норд-ост 23° , на виду у японских 1-го и 2-го отрядов, бывших у них прямо по курсу, меньше чем в пяти милях.

При этом Уриу оказался в трех румбах впереди левого траверза на встречном курсе примерно в 40 кабельтовых и пытался обойти нашу разведку слева, желая увидеть наши броненосцы. Однако приближаться дальше он не решился, начав забирать к западу и держа 15 узлов хода. Одновременно справа был обнаружен малый крейсер, шедший на юго-запад и почти терявшийся в дымке в 55 кабельтовых. Атаковать его не стали, понимая, что скоро все начнется. Миноносцы головного дозора, замешкавшиеся с перестроением на крутой зыби, переходили на правый борт крейсеров и выдвигались вперед, чтобы не перекрывать сектора обстрела тяжелым кораблям, когда начнется бой. К ним подтягивались остальные эсминцы, отпущенные из фланговых дозоров, идя на пределе возможного. Ими, попутно, были отогнаны четыре японских истребителя, пытавшихся обойти эскадру с правого фланга.

В 13:09 Иессен, видя у себя впереди начатое перестроение Добротворского, сбавил ход до самого малого, чтобы не влететь на своем отряде в маневрирующие легкие крейсера, одновременно сам перестроившись в кильватерную колонну с флагманской «Россией» во главе. Броненосная колонна, тем временем, подтянулась к нему почти вплотную. «Князя» встали за третьим отрядом Энквиста. Интервалы между кораблями держались минимальные. Сосредоточение сил было практически завершено. К этому времени с «Суворова» были уже видны сначала дымы, а потом и сами японские броненосцы и броненосные крейсера, идущие поперек курса справа налево на 15 узлах. На хронометре в рубке «Суворова» было 13:20. Обходившие слева четыре японских крейсера на почти встречном курсе были несколько ближе, но сокращать дистанцию до приемлемой для открытия огня пока похоже не собирались.

Поскольку в 13:25 от оказавшегося головным в длинной русской кильватерной колонне «Жемчуга» до тяжелых японских кораблей было уже около четырех миль, крейсера 1-го и 2-го отрядов, с разрешения командующего, повернули на 90° вправо, а потом снова легли на прежний курс, образовав таким образом еще одну колонну в 10 кабельтовых правее. При этом ее

головные крейсера были чуть впереди основной, не приближаясь слишком сильно к японцам. С кораблей второго, а тем более третьего броненосных отрядов японцев пока не видели, лишь дымы, но по сигналу командующего начали приготовления к бою.

Как только японская эскадра пересекла наш курс и ушла влево, Добротворский увеличил ход до 15 узлов, чтобы выйти вперед своих броненосцев. Следом за ним добавили ходу и броненосные крейсера. Теперь все семь русских крейсеров начали быстро обгонять главные силы, выходя в голову колонны, растянувшейся, несмотря на сомкнутые до предела интервалы, больше чем на две мили. Такое построение казалось совершенно не приспособленным к быстрому маневренному бою, но сам бой пока еще не начался и ситуация до конца не прояснилась. Теперь уже со всех русских и японских кораблей видели друг друга. Напряжение достигло наивысшего предела, но внешне это никак не проявлялось³⁴.

По эскадре передали приказ механикам быть готовыми дать самый полный ход. Заканчивались последние приготовления. Разносили по башням и казематам питьевую воду и перевязочные средства, ласково обтирали ветошью поданные из погребов снаряды. Дальномерщички регулярно докладывали об изменении дистанции до противника. Башни поворачивались по горизонту вслед за японскими кораблями, Орудия были заряжены. Командиры башен и плутонгов проверяли надежность работы линий связи и артиллерийских указателей, трюмные еще раз осматривали задраенные горловины и люки водонепроницаемых переборок, иллюминаторы и пожарные магистрали, приготовленные и подогнанные брусья, для укрепления переборок.

В 13:27 с «Суворова» передали обращение адмирала:

«Всем! Всем! Всем!

Вся Россия с верой и надеждой смотрит на нас! И я на вас надеюсь! Не посраим честь русского флота! Стреляйте! Стреляйте! Стреляйте до последнего! И, может быть, именно ваш выстрел решит судьбу этого боя!»

Все были готовы. Все ждали.

К 13:20 с «Микасы» уже было видно большую часть русской второй тихоокеанской эскадры. С крейсеров контр-адмирала Уриу, обошедшего русских с запада, сообщили, что в её хвосте идут устаревшие корабли и броненосцы береговой обороны. Транспорт не видно. Русские миноносцы, так некстати атаковавшие отряд капитана второго ранга Иосидзимы, не позволили выяснить, что творится восточнее колонны главных сил Рождественского. Но это сейчас было не так важно.

Совершенно случайно Того оказался в очень выгодном положении, пересекая курс противнику. Не нужно было терять время, чтобы догнать русских, можно сразу атаковать. Немедленно была отправлена телеграмма всем отрядам миноносцев в Цусимском проливе с приказом прервать поиск и присоединиться к главным силам. Надо было подготовиться к ночным торпедным атакам на русские корабли, которые до наступления темноты наверняка уже получат повреждения от артиллерии его эскадры в предстоящем, и теперь уже неизбежном бою. Уриу было приказано занять место в голове главных сил и пресекать попытки минных атак русских эсминцев и легких крейсеров.

Продолжая идти на запад, японцы видели перестроение вправо крейсеров, шедших в голове русской колонны. Это произошло, когда японские 1-й и 2-й отряды пересекали курс эскадры Рождественского. Того несколько смущало наличие семи крейсеров, в том числе и двух броненосных из Владивостока, впереди русского строя, но он все же считал их второстепенными целями, не способными серьезно помешать ему атаковать головные броненосцы Роже-

³⁴ При сближении флотов Рождественский позволил противнику узнать о себе все с самого начала, в то же время сам не зная о нем ничего. В результате к бою эскадра оказалась не готова. Все затеянные им в последний момент перестроения привели лишь к тому, что «Ослябя» был вынужден застопорить ход под огнем противника, чтобы впереди идущие броненосцы успели занять свое место в строю. Эта остановка броненосца привела к быстрому росту числа попаданий и его скорой гибели.

ственского. К тому же они шли сейчас правее колонны русских основных сил. В крайнем случае, на первое время их может связать боем Уриу, после чего крейсера можно будет отсечь от эскадры и разобраться с ними позже. Начать он планировал с головных новейших броненосцев, являвшихся костяком всех русских сил. Без них все остальные устаревшие и слабые корабли не смогут долго держаться под огнем его эскадры.

В 13:36 «Микаса» повернул на юго-запад, следом за ним «последовательно» начали разворачиваться все корабли 1-го отряда. Таким образом, он оказался на встречном курсе с русскими.

Заметив это, они начали увеличивать ход. До «Суворова», шедшего головным в основной колонне, было 53 кабельтовых, и он был на три румба впереди левого траверза. Но уже через шесть минут «Микаса» начал новый разворот влево на 24 румба, ложась на курс норд-ост 67°, а за ним снова последовательно и все остальные.

В этот момент между японским и русским флагманом было всего 36 кабельтовых. Еще не успел головной японский броненосец закончить маневр и лечь на новый курс, как над носовым мостиком «Князя Суворова» взвились белая и красная ракеты, и обе русские колонны повернули наперерез японцам, при этом головной «Суворов» и шедший шестым в строю «Николай I» открыли огонь.

А Уриу не успевал занять предписанной ему позиции, отстав от своих броненосцев почти на две мили. К тому же по его крейсерам открыли огонь с броненосной колонны русских. Спасаясь от тяжелых снарядов, ложившихся в опасной близости, он был вынужден принять влево, еще больше увеличив отставание.

Глава 2

К половине второго японцы уже пересекли курс русской эскадры и продолжали идти на запад, при этом дистанция от наших броненосцев до японских быстро сокращалась и уже едва превышала 50 кабельтовых. Сначала на «Суворове», а потом и на остальных кораблях навели на «Микасу» носовые башни.

Крейсера, как только японская колонна ушла влево, увеличили ход до полного и начали склоняться к западу, взяв на два румба левее общего курса, намереваясь выйти вперед своих броненосцев.

В 13:36 японцы начали поворачивать последовательно на встречный курс. На флагмане тут же подняли сигнал: «Самый полный ход поотрядно». Тяжелые корабли начали разгоняться. Расстояние стремительно сокращалось. В 13:37 русские новые броненосцы дали залп главным калибром по крейсерам 4-го боевого отряда японцев, шедших в 45 кабельтовых на левом траверзе. Уриу тут же отвернул на северо-запад, выйдя из-под обстрела. Ему вслед дали еще один залп из шестидюймовок и прекратили огонь, снова наведя все башни на японские броненосцы.

В 13:42 совершенно неожиданно «Микаса» снова начал поворачивать влево, ложась практически на обратный курс, чуть сходящийся с нашим. При этом за ним «последовательно» поворачивали все, шедшие следом корабли. Дистанция по дальномеру в этот момент была всего 36 кабельтовых. Такого подарка не ожидал никто. Даже самые завзятые оптимисты не могли предположить, что Того отважится на такое, буквально на прицеле у всей нашей эскадры. Тут же с «Суворова» взлетели белая и красная ракеты – сигнал «АТАКА НА ЛЕВЫЙ БОРТ». На фалах взвился сигнал: «Курс норд. Держать строй поотрядно! Машинам максимальные обороты!»³⁵

³⁵ На самом деле, Рожественский приказал лишь открыть огонь, спокойно позволив обладавшим значительным превосходством в скорости японцам охватить голову своей колонны.

Начавшие набирать ход броненосцы плавно доворачивали влево, выходя на курс атаки, а левая носовая шестидюймовая башня «Суворова» дала первый пристрелочный залп по «Микасе». Следом начал пристрелку «Николай I», взявший на прицел точку разворота японцев.

Уже успевшие разогнаться до 16 узлов крейсера доворачивали вместе со всей эскадрой, ложась на норд и выжимая все что могли из своих механизмов. За ними следом тянулись миноносцы, ухитряясь держаться на их правом траверзе. Легкие кораблики подпрыгивали на волнах, как поплавки, и их сильно раскачивало, но они не отставали.

Начатое японцами сложное маневрирование лишило их колонну подвижности. Любое резкое изменение курса влево теперь грозило полной потерей строя, по крайней мере пока все корабли не завершат начатого маневра. А справа быстро надвигались русские броненосцы. При общей длине их построения в две с половиной мили и при ходе в 15 узлов на завершение разворота было нужно не меньше 15 минут.

Кроме того, теперь уже развернувшиеся броненосцы мешали стрелять крейсерам Камимуры, только еще подходившим к точке поворота, в то время как сами корабли 2-го отряда оказались под обстрелом со второго и третьего русских броненосных отрядов. Кроме того, им доставались все перелеты. А расстояние между противниками сокращалось очень быстро.

Уже после третьего залпа «Суворова», давшего накрытие, весь первый отряд открыл огонь из носовых башен главного калибра и всей артиллерии левого борта по японскому флагману. Кормовые башни пока не доставали, но они начинали бить по следующим за «Микасой» броненосцам, уже попадавшим в их сектора обстрела.

«Адмиралы» садили из всего, что могло бить в нос по разворачивавшимся японцам, чередуя свои залпы, чтобы не было путаницы, а «антиквары» провозжали своей менее скорострельной артиллерией из носовых башен и всем остальным, способным простреливать носовые секторы, уже развернувшиеся корабли, пока теми не начинали заниматься «Суворовы».

Одновременно старики левым бортом и из кормовых башен дали несколько залпов по крейсерам 4-го японского отряда, снова опрометчиво приблизившимся к броненосцам второго отряда на 45 кабельтовых, в попытке скорее догнать свои главные силы идя по прямой.

Попав под накрытия, Уриу снова отвернул влево, начав обходить атакующую в строе уступа русскую эскадру по широкой дуге, что существенно задержало исполнение им приказа своего командующего.

Идя наперерез японцам, русские быстро приближались, развив очень высокий темп стрельбы. С первых же минут боя «Микаса» оказался под сосредоточенным огнем всех пяти новейших броненосцев Рождественского. Мощь этого огня была столь высока, что японцы поначалу даже не могли отвечать на обстрел, получая попадания буквально пачками, изредка огрызаясь из башенных орудий. Уже на третьей минуте в дело вступили и крейсера, вырвавшиеся вперед, перестраиваясь из уступа в кильватерную колонну, и начавшие охватывать голову японцам, которые сами шли под их снаряды.

Флагманский броненосец адмирала Того заволокло дымом от разрывов попадавших в него снарядов, в котором все время вспыхивали слабые вспышки новых попаданий и искры рикошетов. Рухнула сбитая стенга грот-мачты, что-то рвануло в батарее под мостиком, и там начался пожар.

Но по мере вступления в бой следующих японских кораблей русским броненосцам приходилось переносить часть своего огня сначала на «Сикисиму», затем на «Фудзи» и «Асахи», постепенно ослабляя давление на «Микасу». Однако сократившаяся за шесть минут до 20 кабельтовых дистанция, заметно увеличила вероятность попадания. К тому же теперь русские могли развернуться к противнику всем левым бортом, и воздействие их огня – наоборот – возросло. Японский флагман продолжал оставаться целью номер один. По нему стреляли три

первых русских броненосца, «Орел» бил по «Сикисиме» и «Фудзи», а «Ослябя» по четвертому в строю «Асахи».

Крейсера продолжали идти на север полным ходом и сильно вырвались вперед, стремясь пересечь курс японцев и держа под продольным огнем с быстро уменьшавшейся дистанции горящего «Микасу».

Все это вынудило Того повернуть на один румб влево, но этот сигнал едва был поднят, как тут же полетел в море, вместе со сбитым рангоутом.

Однако постепенно огонь японцев становился все сильнее. Даже их флагман оправился от первого шока, начав отвечать из уцелевших орудий. Так же как и русские, они стреляли, в первую очередь, по флагманскому «Суворову», но тоже не доставали его из кормовых башен и били частично и по всем остальным кораблям первого отряда, но больше по «Ослябе», пока его не взяли под обстрел броненосные крейсера.

Начались попадания в наши броненосцы, особенно в «Суворова». Был полностью разрушен кормовой мостик, разбит кормовой каземат левого борта, где начался пожар, который, впрочем, быстро потушили. Попадания следовали одно за другим, но большей частью они приходились в корму, а часть снарядов рвалась в кильватерном следе броненосца. Видимо, высокая скорость хода нашего первого броненосного отряда не укладывалась в головы японских комендоров. «Суворовы» уже шли на шестнадцать с половиной узлах, продолжая разгоняться.

В то время как новые броненосцы сильно страдали от огня японцев, отряды Добротворского и Иессена до сих пор не были под обстрелом! Их сорок четыре 152-миллиметровые скорострельные пушки бортового залпа вместе с четырьмя 203- и десятью 120-миллиметровками спокойно превращали в решето носовую часть «Микасы». Полностью разрушили командирский мостик, заклинили носовую башню и выбили всю артиллерию на верхней палубе и в носовых казематах. Остальные казематные орудия не могли бить так круто в нос и не доставали своих обидчиков, а от шедших вторым и третьим «Сикисимы» и «Фудзи» крейсера закрывал корпус японского флагмана и дым его пожаров.

Стреляя полными бортовыми залпами всего с 20 кабельтовых, все семь крейсеров громили «Микасу» частым продольным огнем с острых носовых углов. Кроме того, все их трехдюймовки выдавали свои 8–10 выстрелов на ствол за минуту, наверняка попадая хоть иногда. При этом дистанция быстро сокращалась, так как японцы приближались на 15 узлах. Русские крейсера поставили Того его любимую палочку над «Т», а он ничего с этим не мог поделать. Под таким ураганным обстрелом у него просто не было возможности управлять эскадрой, он даже, скорее всего, ничего уже не видел из боевой рубки, тонувшей в дыму пожара носовых казематов обоих бортов, разбитых в хлам множеством попаданий.

С русских кораблей были хорошо видны страшные разрушения на «Микасе». Спустя десять минут после начала боя, с него могли стрелять лишь одна шестидюймовка и кормовая башня из одного орудия. Появился крен на левый борт и заметный дифферент на нос. В батареинной палубе полыхал большой пожар. От обеих мачт остались лишь обглоданные и укороченные тычины, а трубы истекали дымом через многочисленные пробоины. Корабль определенно потерял боеспособность и, возможно, уже никем не управлялся, оставаясь, однако, на прежнем курсе.

Новые русские броненосцы шли на сходящемся с японцами курсе, находясь уже в 18 кабельтовых, и приближались, продолжая бить из всех башен и казематов, что могли действовать. Второй и третий отряды поотстали, но также повернулись всем бортом к противнику, стреляя гораздо реже, но убийственно точно. Лишь немногочисленные скорострелки, имевшиеся на старых кораблях, лупили с неизменной частотой, да трехдюймовки сыпали свою мелочь как горох.

Облегченные русские снаряды летели по более настильной траектории, что на таких дистанциях существенно повышало точность огня, а грамотное управление стрельбой всех

броненосцев делало их артиллерию максимально эффективной. Постепенное появление на поле боя кораблей противника позволяло добиваться высокой концентрации огня на каждой новой цели, в то же время не позволяя им стрелять прицельно.

А между тем уже восемь японских кораблей линии прошли роковую точку поворота, в том числе и два из шести японских броненосных крейсеров 2-го боевого отряда Камимур. Они немедленно открыли огонь из большей части своих орудий по «Ослабе», шедшем замыкающим в первом броненосном отряде русских, размазывая по остальным лишь то, что не удавалось на него навести. На этот момент он уже был под обстрелом с «Ниссин» и «Касуги». Этот высокобортный корабль представлял собой очень удобную мишень, и попадания в него начались почти сразу после начала боя. То и дело на его бортах сверкали яркие вспышки разрывов, начался пожар на шкафуте, замолчал верхний носовой каземат, но броненосец энергично отвечал всем бортом, стреляя по «Асахи» и не сбавляя хода, уверенно держась на курсе.

Накал боя возрастал с каждой секундой. Такой яростной схватки еще не знал ни один флот мира. Броненосные корабли всаживали залпы друг в друга практически с прямой наводки, выжимая все возможное из своей артиллерии и механизмов. На таких дистанциях отпадала надобность в корректировке и точном измерении расстояния до цели, даже прицелы были почти не нужны, поэтому на одном корабле можно было сосредоточить огонь сразу нескольких, не боясь сбить пристрелку, что приводило к ужасающе быстрому накоплению повреждений на кораблях, угодивших под такой обстрел.

Русский и японский флагманы как раз и были такими кораблями. Но русские сумели, воспользовавшись ошибкой противника, вырвать себе фору, использовав её на всю катушку. И хотя чисто внешне сейчас доставалось больше «Суворову», чей борт временами полностью скрывался за разрывами прямых попаданий и стеной поднятой близкими недолетами и попаданиями в ватерлинию воды, он переносил все это гораздо легче «Микасы», попадания в которого были не столь эффектны, но, тем не менее, заставили замолчать большую часть его артиллерии и наверняка повредили подводную часть, судя по возрастающему крену и осадке в носу.

Наконец, в 13:54 «Микаса» не выдержал и отвернул резко влево, покинув боевую линию своего флота, горя во многих местах. Под русскими снарядами всего за двенадцать минут огромный и могучий современный броненосец превратился в беспомощную дымящую развалину.

Одновременно с ним вынужден был выйти из строя для исправления повреждений броненосный крейсер «Асама». Еще даже не закончив разворота, он был накрыт залпом с «Николая I» и получил минимум одно попадание из его двенадцатидюймовой башни в корму, после чего так и не смог встать на боевой курс, продолжая катиться влево. Видимо, броневой снаряд повредил ему рулевое управление. Практически одновременный выход из боя этих двух кораблей противника был встречен громогласным «ура-а-а!!» на русских кораблях. Но бой продолжался.

В этот момент русская эскадра, разделившись на три отряда, ломаной дугой охватывала голову японской колонны, постепенно её обгоняя. Дистанция боя сократилась уже до 12–13 кабельтовых и продолжала уменьшаться. Густые клубы дыма от тоннами сторавшего в орудийных стволах пороха, перемешанные с клочьями тумана и угольной копоти, застилали поле боя. Юго-западный ветер сносил это все в промежуток между сражающимися колоннами кораблей, от чего они временами совсем теряли из вида друг друга. Как сказал потом один из офицеров «Сикисимы»: «Лишь мачты да верхушки труб русских броненосцев торчали над дымной пеленой». Но из этой серой клубящейся массы все время летели снаряды, впивавшиеся в борта японских кораблей, проламывавшие броню, сносившие за борт орудия, мачты, протыкавшие насквозь небронированные борта, трубы, надстройки.

Оказавшийся теперь головным «Сикисима», едва выйдя из дыма от пожаров «Микасы», сразу угодил под продольный обстрел в упор с русских крейсеров. К тому же японцы увидели

в клубах дыма всего в 13 кабельтовых перед собой выходящие на них в атаку эсминцы, прорезающие строй русских крейсеров в хвосте их колонны.

Уклоняясь от торпедной атаки, головной японский броненосец круто повернул на север, перенес огонь средней и мелкой артиллерии на миноносцы, а носовой башней начав обстреливать «Россию». За ним, так же последовательно, как и раньше, начали поворачивать следующие корабли, немедленно включаясь в отражение атаки.

Резкий маневр вывел японцев из-под дыма, но перенос огня на новые цели существенно ослабил давление на «Суворова». Теперь он был лишь под огнем кормовых башен японских броненосцев. Зато наш первый отряд бил теперь всем бортом в корму японским броненосцам. Противник снова оказался под продольно-перекрестным обстрелом и никак не мог из-под него выскочить.

В 13:56, начав поворачивать на север, японцы стреляли уже по всем броненосцам первого отряда. К этому времени, в отличие от «Суворова», шедший вторым в строю «Александр III» наоборот оказался под очень плотным обстрелом с «Ниссин» и «Касуги», передавших «Ослябю» 2-му отряду, а «Бородино» и «Орел» начали получать попадания с кораблей Камимуры, перенацелившего два головных своих крейсера на них с горящего и избитого «Осляби». На прочие русские корабли приходились лишь незначительные, чаще всего случайные, остатки.

Вскоре противнику пришлось полностью перенести огонь своих броненосцев на продолжавшие сокращать дистанцию наши крейсера, что избавило от обстрела флагман эскадры. На нем немедленно занялись исправлением двух заклиненных шестидюймовых башен, выбивая ломami и кувалдами застрявшие в мамеринцах осколки. Вскоре вся артиллерия снова могла действовать. За время вынужденного простоя в башнях успели пополнить кранцы первых выстрелов и били сейчас с частотой палубных установок, так, что огонь первого отряда броненосцев, несмотря на интенсивный обстрел, даже несколько усилился.

К двум часам дня «Ослябю» все еще находился под мощным огнем, правда, уже начавшим ослабевать из-за перемены целей двумя головными японскими крейсерами и из-за выхода из строя японских орудий от русских снарядов. Сам он продолжал бить по «Асахи» из кормовой башни и двух шестидюймовок кормового каземата – всего, что уцелело. Но положение корабля было очень тяжелым.

За неполных двадцать минут он получил больше 60 попаданий 76-миллиметровых, средних и тяжелых снарядов. Множество рваных пробоин покрывало левый борт броненосца, из некоторых вырывались языки пламени от пожаров. Носовая башня, успев дать лишь три залпа, получила три прямых попадания и полностью вышла из строя. Если два первых снаряда почти без ущерба разорвались на её броне, лишь расшатав лобовую плиту, то третий, большого калибра, угодил прямо в амбразуру левого орудия. При чем само орудие, уже заряженное, оказалось сбито со станка и загнано в башню до задней стенки, расплющив зарядное устройство и смяв снарядный элеватор. После чего просто скатилось влево. Теперь его ствол торчал неестественным образом задранный вверх и повернутый вправо. Сама башня оказалась намертво заклиненной. К счастью, обошлось без пожара.

Крупный снаряд взорвался у первой переборки жилой палубы, при этом пробоина оказалась в опасной близости от ватерлинии, и если бы корабль не разгрузили на Мадагаскаре и дополнительно перед боем, то через нее наверняка бы затопило первое и второе отделения жилой палубы, а возможно, даже и левый носовой 152-миллиметровый погреб, так как к этому времени уже оказались перебитыми близким разрывом тяжелого снаряда его вентиляционные трубы у самой бронепалубы.

Носовой верхний каземат был разрушен несколькими попаданиями. Силой взрыва японских фугасов просто снесло все конструкции, к которым крепилась его броня, после чего плиты

завалились внутрь. Замолчала большая часть казематной артиллерии левого борта, выбитой частично осколками, частично прямыми попаданиями. Все 75-миллиметровые орудия, не прикрытые броней, на верхней и батарейной палубе стреляющего борта вышли из строя. Тяжелых потерь в их расчетах удалось избежать, приказав прислуге с началом обстрела укрыться под бронепалубой и заниматься тушением пожаров и заделкой пробоин. А пробоин этих, особенно осколочных, было великое множество. Не прикрытые броней оконечности сильно страдали от близких недолетов, буквально обдававших корабль тоннами воды и тучами осколков, часть из которых даже пробивали обшивку ниже ватерлинии.

Задымление внутренних помещений от разрывов японских фугасов было таким, что невозможно было разглядеть горящие электрические лампочки освещения под подволоком жилой и батарейной палуб. Помещения удалось провентилировать, временно отдраив иллюминаторы правого борта в корме.

Как и в случае с «Суворовым», значительная часть японских снарядов падала позади броненосца. Всего в 10–20 метрах за кормой, но, тем не менее, они наносили лишь осколочные повреждения, не способные лишить его возможности продолжать бой.

Трубы были многократно пробиты снарядами и осколками, отчего казались черными, а не серыми. Защитные брустверы вокруг них либо сбило, либо вдавило внутрь. Разбиты оба мостика и все надстройки, рухнула за борт грот-мачта, однако получившая два прямых попадания, неестественно толстенная фок-мачта устояла. Более того, сохранилась связь по одной из двух бронированных линий с рубкой артиллерийских наблюдателей, из которой все время передавали данные для стрельбы из уцелевших орудий.

В кают-компании и на шканцах бушевали пожары, с которыми было очень трудно бороться из-за повреждения пожарных магистралей, но их удавалось держать под контролем, не дав слиться в сплошной костер благодаря грамотным действиям аварийных партий под руководством лейтенанта Саблина и мичмана Бачманова. Горели и разбитые носовые казематы, но самым страшным было не это.

В 13:58 сразу два японских тяжелых снаряда ударили одновременно в 178-миллиметровую броневую плиту главного пояса в районе носовой башни. От этого удара броненосец даже рыскнул на курсе, качнувшись вправо всем корпусом. После этого сдвоенного попадания быстро затопило угольную яму № 10, а через деформированную переборку начало затапливать запасную кюйт-камеру левого борта носовой башни. Все сильнее броненосец начинал валиться на левый борт и садиться носом. В качестве контрмер затопили три коридора правого борта и две угольные ямы, уже освободившиеся и значившиеся в списках отсеков спрямления корабля в случае подводных повреждений. После этого крен почти выровнялся, но нос корабля продолжал погружаться.

Позже выяснилось, что силой взрыва японских фугасов срезало болты крепления брони к борту и вдавило плиту внутрь. Через несколько секунд она сорвалась с обшивки и ухнула в море. Подбашенное отделение начало быстро затапливать через разошедшиеся швы и разрывы обшивки за броней. Водоотливные средства не справлялись с потоком воды, а о том, чтобы завести аварийный пластырь под таким обстрелом и на полном ходу, нечего было и думать.

Из-за увеличившейся осадки в воду ушел и нижний край пробоины в жилой палубе выше ватерлинии, уже частично заделанной. Но эта наспех вставленная заделка сильно текла под напором волн, бивших в поврежденный борт, и не могла сдерживать воду долго, что грозило новыми обширными и уже практически неконтролируемыми затоплениями. Поэтому в 14:01 старший офицер капитан второго ранга Похвистнев, вступивший в командование кораблем вместо убитого осколком командира, приказал выйти из строя вправо и застопорить ход, развернувшись целым бортом к волне.

К этому моменту в боевой рубке броненосца не было ни одного человека, не получившего осколочных ранений. Старший офицер был ранен в голову и спину, старший артиллерист

капитан второго ранга Генке – в грудь и шею, но после перевязки прямо в рубке продолжал руководить огнем. Рулевой матрос Осип Макаров получил по осколку в плечо и грудь, однако не отпускал штурвал, пока его не сменил старшина сигнальщиков Тищенко, также раненный в обе ноги, но успевший самостоятельно перевязать раны.

В 13:58 наши крейсера уже сблизилась с японской колонной на 7–10 кабельтовых, но их безнаказанности пришел конец. Один за другим разворачивавшиеся на норд японские броненосцы открывали огонь из носовых башен по «России» и «Громобое». Вскоре они совсем оставили в покое «Суворова», переключившись на обнаглевшие крейсера всем главным калибром. А после того, как в 14:00 отвернули, так и не выйдя на дистанцию торпедного залпа, миноносцы и остатки шести-дюймовок. Кроме того, в 13:59 4-й японский боевой отряд наконец смог занять позицию в голове своих главных сил, начав обстрел кораблей Добротворского, которому пришлось перенести огонь носовых плутонгов крейсеров первого ранга, а также всех орудий «Жемчуга» и «Изумруда» на крейсера Уриу.

Но за те шесть минут, в течение которых все возрастающая японская огневая мощь наваливалась на Иессена, в огромном корпусе «Сикисимы» осело уже несколько тонн русской стали и взрывчатки. С такой короткой дистанции промазать по громадине броненосца было очень не просто, и промахов было немного. Бившие с максимальной частотой наши скорострелки всаживали в свою цель в среднем один-два снаряда в секунду, с лихвой перекрывая по весу сравнительно редкие рывканья японских башен, начинавших замедлять и замолкать одна за другой. Казематные и палубные орудия японцев, занятые нашими эсминцами, также убывали с каждой минутой.

Расчеты трехдюймовок, не обращая внимания на обстрел, в бешеном азарте засыпали японца своими пятикилограммовыми снарядами, истыкав его борт, особенно в носу, как из швейной машинки. Со всех крейсеров каждую минуту набиралось почти четыре сотни таких выстрелов, почти половина из которых достигала цели. Хотя они и не могли пробить даже самой тонкой брони, но, влетая в амбразуры казематов, мелкие, но все же бронебойные снаряды или их осколки выбивали расчеты, клинили орудия, поджигали и взрывали боеприпасы. Кроме того, этот град снарядов не давал высунуться из-за брони ни одной живой душе, парализуя все передвижения по небронированным палубам и мостикам.

К этому добавлялись еще и 330-килограммовые туши снарядов главного калибра броненосцев, прилетавшие с кормы и крушившие все внутренности, почти независимо от толщины брони, их прикрывающей. Не малый урон наносили и более чем 400-килограммовые бронебойные снаряды башенных шестидюймовок, проходившие вдоль корпусов и палуб, довершая картину внутренних разрушений, не заметных снаружи, но губительных внутри.

К началу третьего «Сикисима» лишился задней трубы, грот-мачты и всех надстроек в корме. Командирский мостик был разбит, весь рангоут оборван. Обе оставшиеся трубы едва держались, пробитые больше десятка раз во всех направлениях каждая. Кормовая башня была разбита, взорвана и горела, носовая, видимо, была заклинена и не могла вращаться, а ствол правого орудия в ней был оборван. Один или два каземата в корме также были выведены из строя, и сейчас на их месте полыхал огромный пожар. Из всей артиллерии левого борта могло действовать лишь два орудия. Корабль начал оседать кормой и крениться на правый борт, сбавив скорость и тяжело отвернув сначала на два румба влево, а потом и вовсе покинув строй. При этом он не мог идти прямо, все время рыская на курсе. Следом за ним вся японская колонна довернула влево, желая, видимо, увеличить дистанцию.

С самого начала боя русские действовали очень агрессивно и стремительно, заставив противника загнуть дугой свою боевую линию и не давая ему опомниться, одним рывком заняв и прочно удерживая выгодную для себя дистанцию, позволявшую компенсировать недостаточную выучку комендоров и превосходство японцев в системах управления огнем. Кроме того,

теперь русские бронепробивные снаряды гарантированно пробивали почти любую броню японских броненосцев. К сражению в таком сумасшедшем темпе японцы никак не были готовы и не могли ничего противопоставить натиску нашей эскадры. Они просто пятились (пока пятились), сохраняя строй (пока сохраняя), но теряя один корабль за другим. Ошеломляющей неожиданностью для Того стало превосходство русских броненосцев в скорости над его флотом.

Но у японцев пока сохранялось преимущество в артиллерии, и нашим броненосцам и броненосным крейсерам под сосредоточенным огнем доставалось очень крепко. Наиболее интенсивно японцы били по новейшим броненосцам. Казалось совершенно невероятным, как под таким обстрелом может что-то уцелеть, но они упрямо шли вперед, отвечая из своих башен, почти не пропускавших залпы, даже после прямых попаданий.

К двум часам дистанция до броненосцев противника увеличилась почти до 20 кабельтовых, и они продолжали удаляться. Чтобы не снижать эффективность огня, Рожественский приказал лечь на восток-северо-запад «всем вдруг».

Снова белая и красная ракеты взвились в небо, и русские броненосцы пошли в атаку, выжимая все из своих машин.

Несмотря на отвратительную видимость, японцы сразу заметили этот маневр, и их четыре замыкающих крейсера, еще не дойдя до точки поворота, развернулись «все вдруг» влево, ложась на основной курс своего головного броненосца. Одновременно дав самый полный ход, они начали удаляться от бивших им в корму наших второго и третьего отрядов.

Теперь японский строй напоминал изогнутую кочергу, причем «Токива», «Якумо» и «Ивате» не могли стрелять по «Суворовым», так как их закрывал поотставший «Адзума». Поэтому сразу после поворота они перенесли огонь на «антикваров» и «адмиралов», стреляя кормовыми залпами без четкого распределения целей, но стараясь держать под огнем все корабли второго и третьего отрядов. Им отвечали редкими, но точными носовыми залпами, при этом «Николай I» и «Наварин» стреляли по створившимся для них «Идзумо» и «Ниссин».

Все корабли японской линии уже имели серьезные повреждения, хорошо заметные с такого расстояния. Шедший сейчас головным «Фудзи» имел пожар на ростре и недействующую кормовую башню. «Асахи» мог стрелять только из трех двенадцатидюймовок, потому что ствол левого орудия в кормовой башне лежал неподвижно на максимальном угле склонения, а казематные орудия на нем были основательно прорежены нашим огнем. «Касуга» здорово горел в середине корпуса. После того, как тяжелый снаряд с кого-то из наших «стариков», придя с кормы, рванул у него в батарее правого борта. С него могли действовать лишь башенные орудия, причем кормовая башня периодически замолкала, теряя цель из-за дыма. Кроме того, наметился дифферент на нос.

«Ниссин» получил попадание 305-миллиметровым снарядом с «Сисоя» под кормовую башню еще в самом начале боя, после чего она просела вниз, а стволы орудий упали на палубу. Имелся также небольшой крен вправо. «Идзумо», еще даже не открыв огня, только подходя к точке разворота, лишился носовой башни, полностью выгоревшей от попадания тяжелого снаряда с «Наварина». «Адзума» имел развороченную, стараниями «Ушакова», третью дымовую трубу, от чего жирный черный дым заволакивал корму крейсера, мешая стрелять кормовым казематам и башне. Кормовой каземат на верхней палубе молчал, получив 305-миллиметровый снаряд. Лишь «Токива» не имел видимых повреждений, несмотря на то, что все время был под огнем. Шедший за ним «Якумо» сильно горел в корме, после того как там взорвался каземат. Горел и «Ивате», между первой и второй трубами которого вставал столб дыма и там что-то взрывалось. Все это, в сочетании с последним японским маневром, дало передышку поредевшему первому отряду, оставшемуся под огнем четырех броненосных крейсеров японцев с уже изрядно облегченным бортовым залпом.

В отличие от японской колонны, у русских серьезно пострадали только корабли первого броненосного отряда и владивостокские крейсера. На «Суворовых», особенно на двух головных, были заметны сильные разрушения в небронированных частях и пожары, но их артиллерия, размещенная в башнях, большей частью уцелела. Была разбита кормовая башня главного калибра на «Суворове» и средняя шестидюймовая на «Александре III», обе – прямыми попаданиями двенадцатидюймовых снарядов. Кроме того, на «Александре III» у носовой левой башни 152-миллиметровых орудий практически сорвало лобовую броневую плиту, которая теперь держалась всего на трех болтах, однако орудия не пострадали и после замены контуженого расчета она снова стреляла. В носовой башне главного калибра «Александра III» взрывом японского 203-миллиметрового снаряда на её крыше вдавило вниз верхний край амбразуры левого орудия, ограничив угол подъема пятью градусами. Этим же взрывом срезало броневой грибок башенного наводчика. Однако никто в башне серьезно не пострадал, и она не снижала темп стрельбы, не пропустив ни одного залпа. Периодические заклинивания мамеринцев удавалось исправлять достаточно быстро, даже под ослабшим обстрелом.

Гораздо хуже переносили огонь главного калибра японских броненосцев наши броненосные крейсера. Не имея столь обширного бронирования и башенной артиллерии, они за шесть минут такого обстрела получили по несколько попаданий 305-миллиметровых снарядов и сильно горели.

Шедший головным в своем отряде крейсер «Россия» первым попал под накрытия японскими двенадцатидюймовыми снарядами. Сразу после переноса огня с броненосцев залп носовой башни «Сикисимы» дал два попадания. Один снаряд разбил кормовой мостик и повредил кормовое 203-миллиметровое орудие нестреляющего правого борта, смяв и порвав полдюймовые стальные листы его противоосколочной защиты. Второй проделал огромную пробоину в борту на уровне батарейной палубы, разрушив адмиральские помещения, где начался пожар. Далее попадания следовали почти каждую минуту, чаще сдвоенные. Три из них пришлись в ватерлинию. При этом поднимались огромные столбы воды, как от торпедного попадания, но броня пояса выдержала, было отмечено лишь появление небольших течей через броневые болты, крепившие плиты, которые ослабли из-за того, что броня сдвинулась со своих мест. Зато обшивка выше бронирования была многократно пробита осколками и смята взрывной волной. Через эти дыры на большом ходу начали захлестывать волны.

Кроме того, двумя попаданиями разнесло импровизированный каземат шестидюймовки на верхней палубе, разбив орудие и перебив расчет. Крупными осколками, влетевшими в амбразуру соседнего каземата, убило двоих человек и заклинило еще одно орудие. Два снаряда вспороли борт под командирским мостиком и кормовым казематом, разбив основание 152-миллиметровой пушки, стоящей в нем, после чего она уже не могла стрелять. Была сбита готмачта и срезана на треть высоты четвертая труба, при этом осколками повредило два котла в кормовой кочегарке. Из покаленной трубы теперь вместе с дымом валил пар, но крейсер не сбавлял хода, уверенно держа 18 узлов и продолжая сближение.

Попавший под раздачу вторым «Громобой» успел получить пока только семь попаданий с «Фудзи» и «Асахи», зато его комендоры изловчились вогнать снаряд из восьмидюймовки в боковую плиту кормовой башни «Фудзи», после чего она, чуть погорев, замолчала.

Из повреждений уже имелось попадание в ретирадную шестидюймовку, которую сбilo за борт, выдрав из палубы с мясом и изрубив все вокруг осколками. Три снаряда изуродовали борт, но достаточно далеко от поверхности воды, а еще двумя были разбиты два каземата: один на верхней палубе и один на батарейной (снаряд угодил в край амбразуры; силой его взрыва и осколками полностью разбило орудие и положило весь расчет). В обоих случаях возникли сильные пожары, потушить которые пока не удавалось. Из-за дыма вынуждены были прекратить огонь еще два 152-миллиметровых орудия.

Еще одно попадание было в передний угол брони носового верхнего каземата. Осколками снаряда, влетевшими в амбразуру, были ранены восемь человек, все остальные контужены. Оба этажа каземата сильно встряхнуло, сбросив все со стен на палубу. Разбило артиллерийские указатели и телефон. Взрывной волной сорвало с петель все передние броневые створки на обоих ярусах, а стволы орудий испятнало вмятинами от осколков. На броне, в месте попадания, выплывило довольно глубокую лунку с застывшими каплями стали по краям, а почти полудюймовые листы обшивки борта перед броней вдавило внутрь корпуса и искромсало осколками. Начавшийся в каземате пожар был моментально потушен расчетом 203-миллиметрового орудия и после замены выбывших номеров и осмотра ствола, не выявившего внутренних повреждений, оно продолжало действовать, так же как и стоявшая этажом ниже шестидюймовка.

На обоих владивостокских крейсерах были большие потери в экипажах. Убыль людей в расчетах орудий компенсировали номерами с не-стреляющего борта. Обслуга трехдюймовок, несмотря на инструкцию «при сильном обстреле укрыться внизу», не оставила своих постов, и уцелевшие противоминные пушки продолжали засыпать японские броненосцы градом мелких снарядов в упор, давя на нервы.

Все нормативы скорострельности были перекрыты. Там, где оказались нарушены пути доставки боезапаса, беседки с мелкими снарядами, а также шести- и восьмидюймовые снаряды и заряды таскали на руках, совершенно не чувствуя тяжести в кураже боя. Темп стрельбы из оставшихся исправными орудий не снижался. А японский огонь начал ослабевать, потеряв первоначальную организованность и эффективность.

Когда миноносцы Матусевича, получив серьезные повреждения от мощного бортового огня броненосцев, вышли из атаки, так и не приблизившись на дистанцию торпедного залпа, средний и противоминный калибры японцев переключились на Иессена. Но «Сикисима» к этому времени уже выбыл из игры. С его уходом резко ухудшилось качество стрельбы противника³⁶. Было невозможно понять, виной тому был ответный огонь наших броненосных крейсеров или какие-то технические неполадки самих установок. С двух оставшихся японских линкоров теперь набиралось всего восемь орудий 152 миллиметра и примерно столько же 76-миллиметровок. А двенадцатидюймовок осталось только пять, мощь и точность огня против «России» и «Громобоя» заметно ослабла.

Но помимо уменьшения численности стволов средних и мелких орудий в ослаблении ответного огня противника была и еще одна причина. В то время как наши пушки били как часы, частота японских залпов заметно снизилась, в том числе и башен броненосных крейсеров. К началу третьего русская и японская артиллерия сравнялись. Бой продолжался всего двадцать минут, и все еще не был ясен его исход.

В 14:05, после очередного поворота, сначала «Фудзи», а потом и «Асахи», являвшиеся первоочередными целями для русских кораблей, скрылись за своими броненосными крейсерами от развернувшихся во вторую атаку в этом бою «Суворовых», и им пришлось перенести огонь на броненосные крейсера, страдавшие до этого сравнительно мало. Били без центрального распределения целей, по тем, кто подворачивался под руку. Хорошие секторы обстрела наших башенных установок снова позволяли держать в действии почти всю артиллерию, несмотря на острый угол атаки.

Флагман занялся «Касугой», стреляя ему вдогонку из всех четырех уцелевших башен на левый борт, «Александр III» – «Ниссином», всаживая в него залпы носовых 305- и 152-миллиметровых башен, а кормовыми стреляя по «Идзумо». «Орел» и «Бородино» держали

³⁶ Перед боем в погреба «Микасы» и «Сикисимы» загрузили новые двенадцатидюймовые снаряды и заряды, только что привезенные из Англии, а в боекомплекте двух оставшихся броненосцев оказались лишь часть новых снарядов, а все заряды были старыми, хранившимися не один год на флотских арсеналах. По этой причине в их залпах был гораздо больший разброс снарядов, что наглядно продемонстрировали последние учебные стрельбы.

под продольным огнем «Идзумо» и «Адзуму». Корабли Небогатова соблазнились тем, что для них «Ниссин», «Идзумо» и «Адзума» полностью створились, подставившись под продольный обстрел, и сосредоточили на них весь свой огонь, так что недолеты по «Идзумо» попадали в «Адзуму», а перелеты уходили в «Ниссин». «Нахимов», вместе с «адмиралами» и «князьями» обрабатывал оставшиеся три крейсера.

На некоторое время против оставшихся линкоров Того оказались только наши крейсера. Причем бронепалубники были заняты перестрелкой с 4-м боевым отрядом и почти не участвовали в бою, так что Иессен со своими рейдерами оказался против двух броненосцев.

Противостояние двух русских броненосных крейсеров, построенных для рейдерства в океане, а совсем не для эскадренного боя, с архаичным расположением артиллерии, высоким надводным бортом и малой площадью бронирования, с японскими эскадренными броненосцами, зашитыми в толстую броню, созданными специально для уничтожения любых кораблей противника, продолжалось. Причем, как ни странно, крейсера, которые чисто теоретически должны уже были быть размазаны по волнам, стойко держались.

Попытка восстановить нормальную дистанцию боя не удалась. Русские тут же повернули, снова начав нагонять, выходя на траверз, и били, били, из всего, что могло стрелять прямо в борт. Английская броня не могла задержать выпущенные с такого расстояния лучшие в мире бронебойные снаряды даже калибра 152 и 203 миллиметра. Непробиваемыми оставались только узкий главный пояс, почти ушедший под воду из-за увеличившейся от затоплений осадки, барбетты с башнями и боевая рубка. При этом они, даже без пробития, страдали от попаданий из-за откалывавшихся с внутренней стороны осколков брони и мощных контузий.

Оказавшийся теперь головным, «Фудзи» получал кормовые залпы с трех легких крейсеров в небронированный нос и полные бортовые с «России» и «Громобоя». Вскоре, видя, что «Асахи» не обстреливается, «Громобой» перенес свой огонь на второго японца. Но силы были не равные. Почти все залпы башен броненосцев ложились точно в цель, нанося страшный урон. Даже близкие недолеты японских «чемоданов» засыпали крейсера градом осколков, а промежутки между ними теперь заполнялись частыми попаданиями прочих калибров.

Тяжелее приходилось «Громобою», бывшему под огнем наименее пострадавшего и более скорострельного «Асахи».

Его огромный корпус больше чем в 12 000 тонн весом качался от страшных ударов, стоил всеми связями, но держался. За пять минут было еще восемь попаданий тяжелыми снарядами. Два снаряда ударили в пояс, чуть ниже ватерлинии, но без особых последствий, еще один разворотил кормовой балкон. Крейсер лишился еще двух казематов. Причем было пробито их бронирование. Один снаряд даже прошел почти через весь корпус крейсера, разорвавшись в угольной яме противоположного борта. Но сила его взрыва оказалась неожиданно слабой. Вообще теперь начались попадания с минимальными разрушениями. Снаряды оставляли аккуратные отверстия в бортах, взрываясь внутри корпуса с клубами серого, словно порохового дыма, но броню пробивали, хотя и просто раскалываясь иногда сразу после этого.

В ответ «Громобой» сумел временно заставить замолчать обе башни своего противника, вырвав себе передышку. Носовая башня замерла неподвижно после очередного попадания, а кормовая не могла стрелять вправо из-за дыма сильного пожара в руинах кормового мостика, после того, как под ним взорвался каземат на батарейной палубе, а следом еще один, палубой выше, и вынужденно перенесла огонь на «Суворов» из своего единственного правого орудия.

В 14:06 из тумана левее наших атакующих второго и третьего отрядов показался японский крейсер «Асама». Видимо, исправив повреждение, он спешил занять свое место в строю и шел прежним курсом своей эскадры.

Обнаружив свой отступающий флот и преследующие его русские старые корабли, «Асама» лег на норд-вест и увеличил ход до полного, открыв огонь всем правым бортом по

«Апраксину» и двум устаревшим крейсерам, державшимся на траверзе броненосца береговой обороны. «Адмиралы» к этому времени немного вырвались вперед, по отношению к «антикварам» и «князьям». При этом они закрывали собой японца от броненосцев Небогатова, но «Донской» и «Мономах» его прекрасно видели и начали отвечать левым бортом из свободных орудий, вместе с кормовой башней «Апраксина».

Дистанция была небольшой, поэтому накрытия начались почти сразу же с обеих сторон. Уже на второй минуте этой перестрелки, после первого же попадания шестидюймовой стальной бомбы с «Нахимова», из-под задней трубы «Асамы» повалил пар и крейсер начал быстро сбавлять ход, не прекращая огня. Получив в течение следующих трех минут еще несколько попаданий, в том числе тяжелыми снарядами, он начал сильно отставать от своих, едва держа 10 узлов. Продержавшись под огнем старых русских кораблей всего пять минут, первоклассный, но невезучий японский крейсер отвернул влево и снова скрылся в тумане в 14:12.

Но еще до этого, в 14:08, отступающие крейсера Камимуры обогнали пытавшиеся уйти с поля боя, покалеченные «Микасу» и «Сикисиму», пройдя у них за кормой.

Увидев в четырех румбах левее своего курса два подбитых японских броненосца, уплывающих на запад, Небогатов тут же приказал принять на два румба вправо, чтобы ввести в действие кормовые башни, для обстрела новых целей, не ослабляя огня по японским броненосным крейсерам.

Начиная с 14:10 оба недобитка находились под плотным огнем кормовых башен и свободной артиллерии левого борта второго и третьего броненосных отрядов, получая попадания бронебойных снарядов и не имея возможности заняться срочным исправлением повреждений, держа максимально возможный ход.

В ответ «Микаса» и «Сикисима» открыли огонь из казематов уцелевшего левого борта и кормовой башни флагмана, также добившись нескольких попаданий в крайние левофланговые корабли русского флота, что, впрочем, не ослабило их огня и не сбавило хода. На «Мономахе» возник пожар в корме, быстро потушенный, а «Донской» временно лишился одного палубного орудия, которое удалось вскоре починить.

Только разгоревшаяся перестрелка прекратилась через шесть минут, так как противники потеряли друг друга из вида в сгустившемся тумане, после чего русские снова повернули на юго-юго-запад, продолжив преследование уже почти растаявших в дымке замыкающих крейсеров японской боевой линии.

В 14:12 «Россия» и «Громобой» с семи кабельтовых стреляли из уцелевших палубных установок почти прицельно по тем местам своих противников, откуда еще сверкали вспышки ответных выстрелов. В то время как у японцев из башен, с их грубой гидравликой, выцеливать не получалось, и они просто вгоняли залп за залпом в высоченные борта русских крейсеров. В казематах было проще, но им мешал дым от начинавшихся всюду пожаров, широким шлейфом уходивший в сторону наседавших русских.

К этому времени с нашего первого отряда снова увидели голову японской колонны, и вновь довернули носовые башни на оставшиеся два японских броненосца, разделив свой огонь между прежними целями (броненосными крейсерами), вновь открывшимися.

Вскоре с «Громобоя» было прекрасно видно, как тяжелые снаряды входят в корпус и надстройки «Асахи» с кормы, но явных повреждений от их попаданий заметно не было. Оставшиеся орудия на нем продолжали стрелять как заговоренные.

Идя на норд-норд-вест, оба японских броненосца вели за собой все остатки объединенного флота и продолжали громить наши броненосные крейсера. «Фудзи» не мог разогнаться более 15 узлов, страдая от продольного огня с носовых углов и начав садиться носом, обильно принимая воду в носовые отсеки, многократно пробитые вдоль и поперек 75- и 152-миллиметровыми снарядами.

Не желая выходить из боя и всаживая один залп за другим в «Россию», самый старый японский броненосец упрямо шел вперед, казалось, совершенно игнорируя сыпавшиеся на него снаряды. Его уцелевшие орудия вели огонь, начав давать залпы заметно чаще. У него словно открылось второе дыхание, а наши многочисленные попадания средних калибров бесследно тонули в его необъятном корпусе. Три шестидюймовки и носовая башня, способные стрелять на правый борт, выбивали на «России» одно орудие за другим. Несмотря на яростный огонь русских пушек, японская артиллерия не замолкала. Наоборот, после 18-минутного молчания кормовая башня «Фудзи» пришла в движение, развернувшись в диаметральной плоскости для заряжения орудий. А на кораблях Иессена к 14:20 осталось в действии не более четверти орудий левого борта.

Эсминцы второго отряда, под командованием капитана второго ранга Андржиевского, так и не смогли догнать наши броненосные крейсера, шедшие на 18 узлах. К 14:06 на «Бравом» начались проблемы в правой машине, о чем немедленно сообщили командиру отряда. В этот момент миноносцы находились между нашими броненосными крейсерами и первым отрядом броненосцев, пытаясь выйти в атаку на головные корабли японской колонны. Размахи бортовой качки клали корабли с борта на борт. Крены доходили до 40°.

Понимая, что на такой волне на 20 узлах миноносцам долго не продержатся и что доклад с «Бравого» – это лишь первый звоночек накапливавшихся проблем в механизмах, Андржиевский поднял на флагманском «Бодром» сигнал: «Делай как я» и ринулся в атаку на японскую колонну. Быстро сближаясь с противником, миноносцы избрали своими целями «Ниссин» и «Идзумо».

Едва русские эсминцы двинулись в атаку и пересекли курс своих броненосцев, средняя и противоминная артиллерия японских крейсеров перенесла огонь на них. Но миноносцы продолжали сближение, вилля под накрытиями. С четырех побитых броненосных крейсеров набиралось не слишком много стволов, так что заградительный огонь оказался недостаточно плотным. И, тем не менее, в 14:10 шестидюймовый снаряд с «Ниссин» разорвался в первой кочегарке «Бравого». Эсминец окутался паром и на три минуты замер на месте под обстрелом, получив почти сразу второе такое же попадание под мостик. Но вскоре механики смогли перекрыть клапаны, дав 12-узловой ход, и подранок, отвернув вправо, смог выйти из-под огня, получив напоследок еще несколько попаданий мелких снарядов.

Увлечшись добиванием «Бравого», японцы подпустили оставшиеся три эсминца к своим крейсерам на 3–4 кабельтовых. В этот момент шедший головным во втором отряде «Идзумо» получил попадание тяжелого снаряда в котельное отделение или сразу в два, второе и третье, так как из обеих задних труб и из-под них, почти одновременно, повалил пар, и крейсер начал быстро терять ход. Это позволило нашим миноносцам приблизиться к нему на 1,5–2 кабельтовых для торпедного выстрела.

«Бодрый» выстрелил обе торпеды в «Идзумо», а «Громкий» и «Грозный» дали полный залп по оказавшемуся ближе всех «Ниссину», стреляя с 3 кабельтовых вдогонку. Отстрелявшись, миноносцы тут же отвернули вправо, встав кормой к японцам, и начали отходить, резко маневрируя ходами и меняя курсы. Уже на отходе «Бодрый» получил попадание шестидюймового снаряда в первый торпедный аппарат, который снесло за борт, а 76-миллиметровый снаряд пробил борт в корме ниже ватерлинии. Имелись также многочисленные осколочные повреждения. На «Громком» была разбита радиорубка и поврежден левый холодильник, а «Грозный», на отходе, получил попадание в рулевой привод и мог теперь управляться лишь машинами. На всех миноносцах были серьезные потери в экипажах.

Из шести выпущенных торпед в цель попала лишь одна. В 14:12 чуть впереди носовой башни флагмана 2-го японского боевого отряда встал столб воды, выше мостика. Почти совсем остановившийся крейсер начал быстро садиться носом и крениться вправо. Вскоре зыбь начала захлестывать в орудийные порты нижних казематов, которые так и не успели закрыть. Его тут

же перестали обстреливать, перенеся огонь на «Ниссин», позволив экипажу покинуть обреченный корабль. Через три минуты его крен был уже 15°, а нос ушел под воду до канатных клюзов. Вода поднялась уже выше батарейной палубы с правого борта, и ни у кого не было сомнений, что он доживает свои последние минуты.

«Адзума» обошел его справа, сбросив несколько шлюпок и койки, ведя огонь по русским броненосцам и получая снаряды в ответ. После чего добавил хода, чтобы заполнить образовавшийся промежуток в колонне.

Развившие максимальный ход три концевых броненосных крейсера японского 2-го отряда также обогнали своего тонущего собрата. Идя на 18 узлах, они быстро удалялись от наших второго и третьего броненосных отрядов. Старые корабли, не жалея людей и механизмов, выжимали просто фантастические для них 14,5 узлов, но японцы все равно шли быстрее, и в 14:18 они задробили стрельбу, так как из-за возросшей дистанции и ухудшившейся видимости невозможно было различать знаки падения своих снарядов и корректировать огонь. От японских крейсеров остались видны лишь верхушки мачт, и те скоро скрылись в тумане и дыму.

В 14:22, когда фронт старых броненосцев обогнал «Идзумо», он резко повалился на правый борт и совершенно лег на бок, продолжая плавать в таком состоянии еще какое-то время. При этом дым из его труб стелился по поверхности воды, не поднимаясь вверх. Весь левый борт был заполнен спасающимися людьми. Некоторые бросались в воду, стараясь скорее отплыть от своего корабля. Через несколько минут крейсер перевернулся вверх килем и быстро нырнул под воду носом вперед, оставив после себя лишь черное дымное облако, плавающих людей и обломки³⁷.

Начиная с 14:18 против всего, пусть и поредевшего, японского флота остался лишь первый броненосный отряд, уже потерявший в самом начале боя один броненосец, да два отряда крейсеров. Причем броненосные крейсера были на грани потери боеспособности. Их высокие борта были покрыты множеством рваных дыр от тяжелых японских фугасов. Тысячи больших и маленьких осколочных пробоин испятнали всю обшивку. Большая часть артиллерии была выведена из строя, полыхали большие пожары.

«Громобой» имел две подводные пробоины позади броневых пояса от среднекалиберных снарядов. Затопления удалось локализовать своевременными и четкими действиями дивизиона борьбы за живучесть. Поврежденные горловины люков заделали деревянными заглушками и подкрепили упорами. Объем затоплений оказался небольшим и ограничился скосами бронепалубы. Возникший крен спрямили контрзатоплениями. Японцы, похоже, целенаправленно били в ватерлинию, поэтому часть снарядов ложилась с недолетами, обрушивая на корабль массы воды и осколков. Была распорота первая труба. Из-за повреждения трубок осколками этого снаряда пришлось вывести из действия четыре котла в первой кочегарке. Обе кормовые мачты были сбиты и рухнули за борт. От прямого попадания тяжелого снаряда раскололась броневая плита пояса, но удержалась на остатках болтов, хотя угольная яма за ней была быстро затоплена.

Снова пришлось спрямлять корабль, затапливая отсеки правого борта. Через осколочные пробоины на ватерлинии в носу начинало заливать помещения над бронепалубой. Пробоин было так много, что все просто не успевали заделывать, к тому же волны, бившие на полном ходу в дырявый борт, выбивали часть заделок, и все приходилось начинать сначала. Водоотливные насосы работали на пределе мощности, откачивая за борт черную от угольной пыли

³⁷ Примерно так очевидцы описывали гибель броненосца «Ослябя». Только японцы продолжали закидывать снарядами плавающих в воде людей и пытавшиеся их спасти русские корабли.

и копти воду. Но крейсер продолжал бой, держась исключительно благодаря своим большим размерам.

«Россия», имевшая более серьезное бронирование по ватерлинии, чувствовала себя несколько лучше. К тому же её оппонент был постарше и помедлительней³⁸. Из подводных повреждений пока были лишь две 127-миллиметровые плиты, вдавленные внутрь под кормовым шестидюймовым казематом, с разошедшимся заклепочным швом под ними. Образовавшуюся течь устранили довольно быстро, проконопатив щель паклей с цементом. Имелось несколько осколочных пробоин в подводной части ниже броневых поясов от разорвавшихся близкими недолетами снарядов, но их уже нашли и пытались заделать, а с поступлением воды пока справлялись насосы.

Зато артиллерия, имевшая гораздо худшую защиту, была выбита на три четверти на стреляющем борту. Из главного калибра уцелела лишь передняя правая 203-миллиметровая пушка нестреляющего борта. Трехдюймовки левого борта были выбиты полностью.

Бой уже утратил свою первоначальную динамику. Ослабшие и избитые корабли обоих флотов просто продолжали идти на параллельных курсах, вгоняя друг в друга залпы с минимальной дистанции. Русская эскадра сейчас растянулась на пять с лишним миль и состояла из трех отдельных частей, с более чем полуторамильным промежутком между броненосными отрядами. Крейсера вырвались вперед, почти на милю обогнав «Суворовых», причем легкие крейсера серьезно оторвались от броненосных, сбавивших ход сначала из тактических соображений, а после уже из-за накопившихся повреждений.

Старые русские корабли безнадежно отставали в этой суматошной гонке и не имели возможности поддержать далеко ушедшие вперед современные броненосцы и крейсера. Ветер сносил на северо-восток клубы дыма, смешавшиеся с туманом, и с «Николая I» уже не видели не только японцев, но даже и свой первый отряд. Однако они упрямо шли вперед, выжимая все из машин и котлов, постоянно слыша впереди справа грохот выстрелов, надеясь хотя бы нагнать и утопить подбитые японские корабли.

Небогатов приказал 3-му броненосному отряду и «князьям» «идти вперед, по способности, но сохранять строй в отряде». «Адмиралы», уже и так вырвавшиеся вперед в азарте погони, густо дымя из труб, еще добавили хода. Казалось странным, что от них совсем не отставал ветеран – «Нахимов», воинственно развернувший в нос обе бортовые башни и уверенно державший более 15 узлов на лаге, несмотря на крутую зыбь.

Ближе к половине третьего даже наши новые броненосцы начали сбавлять ход из-за повреждений дымовых труб и потекших трубок в котлах на двух головных кораблях, а на «Бородино» начал греться опорный подшипник в правой машине, но механики держали обороты, охлаждая его маслом. С падением скорости первого броненосного отряда, расстояние между японскими кораблями и «Суворовыми» стало сокращаться слишком медленно. К тому же японцы, оторвавшись от Небогатова и Энквиста, начали снова перестраиваться в кильватерную колонну, сомкнув интервалы между броненосными крейсерами и выдвигая их вправо. Едва вставая в колонну, они тут же вступали в бой, обрушивая свою артиллерию, какую удавалось навести, на едва державшиеся крейсера Иессена, стреляя по броненосцам лишь из того, что оставалось. Еще одним тревожным моментом было то, что японские залпы заметно участились. Судя по поднимаемым сигналам, флагманским кораблем у противника теперь стал крейсер «Ниссин».

Крейсера Уриу, получив какой-то сигнал с нового флагмана, начали сближаться с Добротворским, пытаясь, видимо, выйти в торпедную атаку на наши броненосные крейсера, уже не имевшие возможности их отогнать.

³⁸ Барбетные установки главного калибра броненосца «Фудзи» для заряжания необходимо было разворачивать в диаметральной плоскости, поэтому они не могли стрелять чаще, чем один раз в две с половиной минуты.

Видя это, русские бронепалубники чуть повернули на них, имитируя контратаку и открыв порты торпедных аппаратов на «Жемчуге» и «Изумруде». Не зная, что эти порты пусты, японцы прекратили сближение и легли на первоначальный курс, но Добротворский курс менять не стал, теперь уже сам начав пугать японские броненосцы своими крейсерами с открытыми торпедными портами.

Почти сразу «Фудзи» перенавел на него свои оставшиеся шести-дюймовки, по-прежнему вцепившись в «Россию» главным калибром. Однако это все почти не меняло тяжелого положения наших броненосных крейсеров.

Понимая шаткость сложившейся ситуации, в 14:29 Рожественский приказал дать сигнал отходить вправо. С «Суворова» выстрелили зеленой ракетой, завидев которую, все русские отряды, имевшие контакт с противником, почти одновременно начали плавно отворачивать от японской колонны. Уже на развороте с «Бородино» дали прощальный полный бортовой залп по «Фудзи» с 25 кабельтовых, кучно легший вокруг броненосца. При этом наблюдалось не менее трех попаданий. В том числе 305-миллиметровым снарядом в боковую плиту кормовой башни, разорванной в тот момент на правый борт, на наши броненосные крейсера.

Почти сразу из неё поднялся столб желто-белого пламени, как картонку скинувший в море броневую крышу, а спустя мгновение чудовищный взрыв буквально вывернул наизнанку всю корму корабля, разбросав в стороны куски корпуса и брони. Броненосец исчез в огромном дымном облаке, с которым смешались клубы пара из раздавленных взрывной волной котлов.

Долгие две секунды на русских кораблях стояла звенящая тишина, а потом, как по команде, восторженное «ура-а-а!» вырвалось из сотен глоток одновременно на всех кораблях эскадры. Казалось, это «ура», раскатившееся над волнами, должны были слышать даже японцы.

Глядя на расплывающееся грибовидное облако на месте гибели «Фудзи», Рожественский выдохнул с облегчением: «С нами сегодня бог!» И трижды истово перекрестился.

Спустя несколько секунд приказал твердым голосом: «Отбой отхода. Общая атака!» Мельком взглянув на схему маневрирования на стене рубки, добавил: «Генеральный курс вест, крейсерам приблизиться к броненосцам! Держать обороты любой ценой!»

Почти развернувшиеся на восток русские корабли, заметив белую и красную ракеты, взмывшие в небо с «Князя Суворова», резко переложили «лево руля», лихо кренясь на крутой циркуляции, и ринулись в новую атаку на начавший отворачивать влево японский флот. Чтобы подойти ближе к своим броненосцам, крейсера легли на зюйд-зюйд-вест, встав к противнику правым бортом и открыв ураганный огонь из всех стволов. Попутная зыбь сейчас была крейсерам в поврежденный борт, что сильно увеличило давление на вставленные в пробоины заделки, и скорость затопления начала расти. Но к этому времени часть дыр удалось более-менее надежно заглушить, а с остальными пока справлялись насосы.

К неожиданно мощному огню крейсеров добавились носовые залпы броненосцев. При чем при таком количестве целей с каждого броненосца могли действовать по две шестидюймовые башни с каждого борта и носовая двенадцатидюймовая. Снова сказались преимущества башенной артиллерии «Суворовых», позволившие сосредоточить столь мощный огонь при лобовой атаке. Шквал русских снарядов обрушился на избитые японские корабли, и они, не выдержав натиска, побежали.

Ни о каком строе никто уже не задумывался. Корабли просто давали самый полный ход, спеша поскорее выйти из-под обстрела, держась западных и юго-западных курсов. Но в этот момент бывшие замыкающими в японской колонне «Ивате» и «Якумо» уперлись в третий русский броненосный отряд, вывалившийся слева из грязной дымки всего в 12–16 кабельтовых и начавший подрезать их курс. Почти одновременно эти два крейсера, а затем и все остальные были замечены с кораблей Небогатова, немедленно развернувшего свои броненосцы на вест.

Продолжая гнать свои отряды прежним курсом, Небогатов не видел сигнала об отходе из-за дыма. Так же как не видел и приказа о начале третьей атаки. И благодаря всему этому оказался в нужное время в нужном месте. Выйдя из тумана и дыма в полосу нормальной видимости, «антиквары» оказались прямо на фланге отступающего японского флота и имели перед собой множество створившихся целей. Еще в тумане, обнаружив японцев с артиллерийских постов на мачтах и начав разворачиваться к ним правым бортом, они открыли кинжальный огонь с короткой дистанции.

Противник был к ним своим непострадавшим бортом и имел подавляющее превосходство над старыми кораблями по артиллерии. Зато у Небогатова и Энквиста были отдохнувшие после первой фазы боя корабли, прикрытые броней, и больше тяжелых орудий, а pistolетная дистанция стрельбы идеально подходила для наших бронебойных снарядов. К тому же японцы окончательно сломали свой строй и мешали стрелять друг другу.

Первый же залп «Николая I», прогремевший почти одновременно с залпом «Наварина», лег вдоль борта «Ивате», оказавшегося, несмотря на резкий отворот вправо, всего в 8 кабельтовых. Спустя секунду туда же вошли снаряды с «Наварина». На крейсере взорвался кормовой каземат, и из образовавшейся огромной пробоины показалось пламя мощного пожара, закрывшего дымом всю корму³⁹. А откуда-то из-за этого дыма, видимо, из машинного отделения поднялся столб пара. Вскоре пар, стравливаемый из котлов, повалил также и из первой трубы, а затем и из второй. Крейсер начал заметно крениться на левый борт и совсем остановился.

«Сисой Великий», соблазнившись близостью «Ивате», также всадил в него свой первый залп, всего через 20 секунд, после первых двух, но, видя его катастрофическое положение, перенес огонь на «Якумо». Для централизованного распределения целей времени не было, поэтому все корабли стреляли в того, кто был ближе всего. Начав охват левого фланга японского флота, броненосцы береговой обороны и «Донской» с «Мономахом» лупили в левую скулу «Якумо» и «Токивы» из своих скорострелок бронебойными снарядами, поддерживаемые залпами десятидюймовых башен. Им помогал и «Нахимов», буквально тонувший в порохом дымом после каждого залпа своего главного калибра, что, впрочем, никак не отражалось на убийственной точности огня. А с кормы японцев дожимали «Суворовы» и крейсера.

Не выдержав столь стремительного и мощного флангового удара, японский строй окончательно развалился. Сохранившие высокий ход корабли подрезали курс друг другу, шарахаясь от русских снарядов. Начавший было набирать мощь, ответный огонь японцев был полностью дезорганизован и ослаб настолько, что почти не наносил русским кораблям повреждений, в то время как наш перекрестный и прицельный обстрел был очень эффективным.

Спустя десять минут в клубах дыма и тумана можно было разглядеть лишь замерший неподвижно, горящий и оседающий в воду «Ива-те», имевший крен на левый борт почти в 20°, развороченную взрывом боезапаса и перекосившуюся носовую башню и объятую пламенем корму. Вода уже вливалась в огромную пробоину на месте кормового двухъярусного каземата, и крейсер начал быстро погружаться кормой, все больше заваливаясь влево. В 15:04 он перевернулся вверх килем и затонул.

В полутора милях к северо-западу от него тонул «Ниссин». Имевшийся вначале крен вправо выровнялся, но корма быстро уходила под воду. Когда стихла стрельба, волны захлестывали уже палубу юта и кормовые орудийные порты батарейной палубы. Крейсер не имел хода. Из задней трубы, вперемешку с дымом, валил пар, в батарее левого борта полыхал огром-

³⁹ На японских броненосных крейсерах английской постройки почти половина снарядов для шести- и восьмидюймовых пушек хранилась в казематах и башнях, что делало их весьма взрывоопасными. Это в полной мере проявилось в бою с владивостокскими крейсерами, когда 203-миллиметровый снаряд с «Рюрика» пробил крышу верхнего каземата на «Ивате» и взорвался внутри, вызвав детонацию оставшихся в нем снарядов. От этого взрыва детонировали остатки боеукладки в нижнем этаже каземата. В результате взрыва всего лишь около двух десятков оставшихся в казематах снарядов крейсер получил тяжелые повреждения и лишился также и палубной шестидюймовки, выведенной из строя осколками брони.

ный пожар, и там рвались снаряды. Сбитая мачта рухнула в корму, левее трубы, придавив палубную шестидюймовку, командирский мостик был полностью разрушен и также горел.

Остальные корабли японского флота растаяли в грязной дымке. Их не стали преследовать, занявшись неотложным ремонтом. Русская эскадра легла в дрейф, собравшись вместе между тонущими японцами. Миноносцы, способные к самостоятельному маневрированию, занялись спасением экипажей гибнущих крейсеров.

Однако пострадавший тяжелее всех «Бравый» сам нуждался в помощи. Подошедший к нему «Громкий» пытался наладить откачку воды своими помпами, но ничего не получалось, мешала зыбь. Перебравшиеся на «Бравый» матросы помогали укреплять переборки, работали на ручных помпах, но повреждения по корпусу были слишком серьезными. Эсминец продолжал тонуть на виду у всей эскадры. К трем часам волны уже перекатывались через его палубу, и он продолжал погружаться. В 15:07 «Громкий» снял с него людей, и через четыре минуты миноносец затонул. Из его экипажа погибли два офицера и пять матросов. Еще двенадцать человек были ранены.

Глава 3

Как только стихла стрельба, по распоряжению командующего, с «Николая I» по радио вызвали крейсер «Урал», отставший от эскадры с началом боя. Так как его командир имел приказ «держаться вне перелетов и оказывать помощь поврежденным кораблям, покинувшим линию», крейсер первым оказался рядом с вышедшим из боя «Ослябей».

На вызов «Урал» отозвался сразу же, доложив, что находится рядом с «Ослябей». На поврежденном броненосце удалось подвести пластырь под опасную пробоину у носовой башни, что уменьшило поступление воды. Но сильная деформация обшивки не позволяла плотно перекрыть брешь и осушить затопленные отсеки, несмотря на работу всех водоотливных средств. К счастью, удалось остановить дальнейшую прибыль воды и остальные пробоины так и остались надводными, а множество осколочных дыр в небронированных частях борта заделывали деревянными клиньями и паклей. Сейчас оба корабля на малом ходу двигались к эскадре.

Следом вызвали госпитальные суда, оставленные на месте боя с разведывательными силами для вылавливания из воды остатков экипажей японских крейсеров. «Белый Орел» и Кострома», отозвавшись, назвали свои координаты в 20 милях к югу от места сражения. Им было приказано подойти к эскадре и избавить корабли от пленных японцев, а также, по возможности, принять раненых.

После предварительной переключки выяснилось, что из первого крейсерского отряда тяжелые повреждения получила лишь «Светлана», имевшая пробоину в носу, через которую начало затапливать носовые погреба и отделение динамо-машин. Но сейчас пробоину закрыли пластырем и поступление воды приостановили. Отсек динамо-машин уже полностью осушили, его оборудование не пострадало, а погреб пока остается в полузатопленном состоянии из-за выхода из строя помп, забитых угольной крошкой. Остальные крейсера имели повреждения надстроек и надводного борта, но не опасные. Артиллерия тоже почти не пострадала. А на «Изумруде» даже уцелела рация. После получения доклада с легких крейсеров их тут же отправили в разведку в секторе от южных до западных румбов, куда скрылись японцы, на глубину до 20 миль. Начать предписывалось с юга, для встречи плавучих госпиталей.

Крейсера ушли в разведку в 15:10. К этому времени ветер уже разогнал клочья дыма, и видимость временами достигала 70 кабельтовых, порой ухудшаясь до 20–30. Туман и мгла по-прежнему заволакивали море неровными полосами. Через пять минут в дозор на север и восток на удаление 4–5 миль от эскадры были отправлены «Безупречный» и «Громкий», а на запад – еще два миноносца.

Оградив себя таким образом от возможных неожиданностей, Российский тихоокеанский флот занялся исправлением наиболее опасных повреждений. Еще только смолкли последние залпы, над морем сразу разнеслись звуки работы десятков топоров и кувалд, подгонявших и укреплявших в пробоинах вблизи ватерлинии деревянные щиты, обтянутые парусиной, приготовленные еще на переходе на всех кораблях и хранившиеся под броней. Любыми подручными средствами – от деревянных чепиков до матросских коек и матрасов – заделывались осколочные пробоины, наиболее близкие к воде. Всем чем можно откачивали воду из затопленных отсеков.

Выбитая японскими снарядами изо всех щелей угольная пыль осела на потных лицах матросов и офицеров, сделав их черными, как при угольном аврале. Смешавшись с водой от всплесков разрывов снарядов и из пожарных рукавов, при тушении пожаров, покрыла грязной липкой коркой все палубы и обломки переборок, трапов и прочих конструкций, разбитых и разбросанных всюду. На эту грязь сейчас просто не обращали внимания, наспех обтирая рукавами чумазные лица, работая без перекуров. Никто не знал, сколько продлится эта передышка, и люди спешили скорее заткнуть опасные дыры.

Минеры торопились успеть проложить временные линии связи там, где оказались нарушены основные и резервные. Артиллеристы ремонтировали поврежденные орудия и противосколочную защиту. В недрах всех пострадавших в бою кораблей стоял невообразимый грохот авральных ремонтных работ.

Развернувшись целым бортом к катившимся с норда волнам, застопорив ход, русская эскадра активно обменивалась сигналами.

Командиры докладывали о потерях и состоянии своих кораблей флагманам, те докладывали о степени боеспособности своих отрядов командующему и получали от него и его штаба распоряжения и инструкции и доводили их до командиров кораблей. Штаб анализировал полученную информацию и решал, что делать дальше.

Преследование отступающего японского флота немедленно было невозможно, так как держать достаточно высокую скорость на данный момент могли лишь «Князь Суворов», весь избитый и все еще горящий, однако сохранивший большую часть артиллерии, и «Орел», пострадавший сравнительно мало. На «Бородино» требовалось срочно остановить правую машину для кратковременного ремонта, «Александр III» имел очень большие разрушения надводного борта в носу и не мог идти при такой волне большим ходом. Броненосные крейсера также не могли держать большого хода из-за повреждений в трубах и котлах. Кроме того, они оба имели пробоины у самой ватерлинии, в которые на скорости начинали захлестывать волны, что в сочетании с почти полным разрушением обшивки левого борта выше бронепояса и увеличившейся от затоплений осадкой могло привести к катастрофе. Можно было уверенно сказать, что они оба едва держатся на плаву. К тому же вести эффективный огонь с них можно было только правым бортом. Скорости второго и третьего броненосных отрядов для погони было явно недостаточно, к тому же их механизмам нужна была передышка.

Бой с самого начала пошел совершенно не так, как планировалось, но основные боевые приемы, отработанные на учениях, оказались очень кстати и позволили свести на нет огромное превосходство японцев в артиллерии. Полностью оправдала себя очень агрессивная тактика, к которой оказался совершенно не готов противник, а многократно обкатанные в штабных играх перестроения и маневры эскадр позволили не терять время в бою на анализ ситуации, лишь выбирая из уже проработанных вариантов тот, что максимально подходил на данный момент. Благодаря этому все действия наших отрядов были быстрыми и четкими, совершенно неожиданными для японцев, и позволили вести бой так, как было нужно нам. В конечном итоге противник сломал свой строй и утратил возможность оказывать организованное сопротивление. Но к этому времени наша эскадра уже не имела возможности его добить, и контакт был потерян.

Исходя из этого, на данный момент первоочередной задачей было признано незамедлительно провести поиск поврежденных кораблей противника и по возможности их догнать и прикончить. Но при этом обязательным условием является отрыв от японцев до наступления темноты, чтобы избежать ночных минных атак.

О серьезности нанесенного противнику урона говорить было сложно. Из главных сил японского флота достоверно потоплены были один броненосец и три броненосных крейсера. Треть от его состава. Но два вышедших из боя броненосца сохранили способность вести ответный огонь до последнего момента, когда их видели, несмотря на множество попаданий, которые они получили. «Микаса» и «Сикисима» на двоих впитали в себя почти половину штатного боекомплекта первого броненосного отряда и сохранили ход, управляемость и часть артиллерии, несмотря на минимальную дистанцию, с которой по ним стреляли. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что они выведены из строя. «Асахи» и остальные броненосные крейсера смогли достаточно быстро оторваться от нашей эскадры, следовательно, их повреждения еще меньше.

В то же время с нашей стороны был потоплен один миноносец и еще два имели очень тяжелые повреждения. Безусловно, потеряли боеспособность «Россия» и «Громобой».

Хотя оба эти крейсера имеют небольшие затопления, но чтобы гарантированно пустить их ко дну, достаточно одной подводной пробоины или просто продолжать идти большим ходом, когда волны захлестывали в наиболее низкие дыры. Практически весь надводный борт выше поясной брони разбит множеством попаданий. Только двенадцатидюймовых набирается около двадцати в каждого. Причем все в один левый борт. Seriously повреждены трубы, часть котлов выведена из строя. Они теперь не в состоянии держать более 10–12 узлов. Вся верхняя палуба завалена обломками надстроек. Пожары до сих пор не удается потушить, поэтому в некоторые помещения пока нет доступа и точный объем повреждений еще не известен. Вне всякого сомнения, если бы крейсера находились под таким огнем еще хотя бы десять – пятнадцать минут, их было бы уже не спасти.

Очень большие разрушения были на «Князе Суворове». Но боеспособности он не потерял. Сохранилась в целости вся поясная броня, несмотря на множество попаданий в неё. Через отверстия ослабших броневых болтов были затоплены несколько мелких отсеков за броней, но вызванный этим небольшой крен был компенсирован контрзатоплениями. Осадка увеличилась незначительно. Пожары были взяты под контроль и скоро будут ликвидированы. Котлы и машины не пострадали.

Правда, в начале третьего часа дня, когда дым от пожаров через вентиляцию начало затягивать в котельные и машинные отделения, там было очень тяжело работать. Пришлось даже на некоторое время вывести людей из кормового отделения носовой кочегарки, выключив принудительную вентиляцию, но давление пара постоянно держалось на максимуме. Защитные брустверы вокруг дымовых труб устояли, хотя и были смяты в двух местах. Несмотря на множество осколочных пробоин в трубах, частично уже заделанных, тяга почти не упала и броненосец, по уверениям старшего механика, гарантированно может держать 16 узлов хода.

Тяжелым снарядом, влетевшим в амбразуру кормового каземата, были выведены из строя оба 75-миллиметровых орудия левого борта, стоявшие в нем. Весь расчет каземата был выбит осколками и взрывной волной. Часть осколков этого снаряда попала также в каземат правого борта, разбив беседки с трехдюймовыми снарядами и вызвав возгорание пороха из разбитых гильз. С этим пожаром быстро справились, восстановив орудия, однако орудия левого борта восстановлению уже не подлежали.

Легкая обшивка надводного борта сплошь покрылась осколочными пробоинами, а во многих местах были большие дыры от снарядов, местами соединявшиеся друг с другом и покрывающие одна другую, от чего не удавалось точно определить количество попаданий. Носовая шестидюймовая башня могла действовать только на ручном приводе, в средней

башне оборвало ствол левого орудия примерно на половине длины. Кормовая башня главного калибра получила не менее четырех попаданий тяжелыми снарядами. Был разбит механизм вертикального наведения её правого орудия, а сама башня заклинена из-за того, что броневую плиту её барбета с левого борта силой взрыва вдавило внутрь и зажало опорные катки, повредив станок левого орудия. Остальная башенная артиллерия уцелела, несмотря на несколько прямых попаданий в башни. Было зафиксировано несколько отказов электропривода наводки орудий главного калибра, но во всех случаях башни удавалось быстро ввести в строй. (Подобные отказы были на всех «Суворовых» по причине ненадежности контактов электроцепей, но окончательно исправить это было возможно лишь в базе.) Зато из восьми палубных трехдюймовок осталась лишь половина: две на левом борту и столько же на правом.

Шедший вторым в строю «Александр III» также получил множество попаданий и имел большие разрушения в легкой обшивке борта и надстройках. Мачты и трубы устояли, хотя грот-мачта была перебита между верхней палубой и палубой мостика. Прямым попаданием 305-миллиметрового снаряда была разбита средняя башня левого борта. Попадание пришлось в лобовую плиту, чуть выше мамеринца. Взрывной волной башню перекосило на катках, сдвинуло все её броневые плиты и задрало крышу, сорвав башенку наводчика и все остальное, что выступало за плоскость крыши. Станок правого орудия в самой башне был разбит, а весь расчет переранен.

«Еще один такой же снаряд угодил в передний край брони кормового каземата, но броня выдержала, лишь оплавившись. В каземате разбросало беседки со снарядами, но они не взорвались. Все, что было на стене, оказалось сброшенным на палубу, но орудия и люди не пострадали и каземат продолжал действовать. Взрывной волной порвало обшивку борта перед казематом и разрушило офицерскую кают-компанию, через которую осуществлялась подача боеприпасов в кормовые казематы. Матроса, тащившего беседки со снарядами, завалило мешками с углем, которыми был прикрыт коридор подачи, но сам он не пострадал, только не смог вытащить из-под угля свои сапоги и снаряды».

Наиболее опасные повреждения нанесли два или три тяжелых фугаса, угодивших почти в одно и то же место в самом носу. Силой их взрывов вырвало часть форштевня и огромный кусок обшивки над вторым бронепоясом, но броня снова устояла. Незначительное расхождение бронеплит даже не нарушило общей герметичности обшивки. Была полностью разрушена кают-компания кондукторов, а в наружной обшивке образовалась пробоина, площадью около восьми квадратных метров, находящаяся всего в двух с небольшим метрах над поверхностью воды и захлестывавшаяся наиболее высокими волнами. Дивизион борьбы за живучесть немедленно приступил к восстановлению герметичности поперечной водонепроницаемой переборки на 32-м шпангоуте, пробитой осколками. В кормовые отсеки было принято около 500 тонн воды, чтобы задраить нос повыше.

Остальные попадания сильно повредили надстройки и надводный борт, но на боеспособности никак не отразились. Так же как и на флагмане, броня ни разу не была пробита и подводная часть не имела повреждений. Силовая установка уцелела, и корабль сохранил возможность держать полный ход. Не имевшие никакой защиты, 75-миллиметровые пушки на надстройках были выбиты на треть. Как и на всех русских кораблях, получивших сегодня тяжелые повреждения, не раз вспомнили добрым словом максимальную разгрузку кораблей, позволившую поднять над водой лишние сантиметры брони.

Однако с такими «распахнутыми воротами» в носу броненосец не мог больше участвовать в серьезном бою. Даже просто морской переход был серьезным риском. Любая большая волна, ударившая в нос, могла отправить его на дно.

Находившиеся под огнем сравнительно недолго «Бородино» и «Орел» не успели получить серьезных повреждений. Несколько возникших на них возгораний были быстро поту-

шены. Артиллерия и механизмы не пострадали. Разбитые палубные трехдюймовки можно было не принимать в расчет.

На остальных кораблях также имелись лишь незначительные повреждения от кратковременного и неорганизованного японского огня, и они все полностью сохранили боеспособность.

Из наблюдений за огнем противника следовало, что японцы применяли тактику сосредоточения массированного огня нескольких кораблей по одной цели, так же как и мы. Но при этом они иногда стреляли залпами с нескольких кораблей одновременно, по крайней мере в начальный период боя. Один такой залп наблюдали с «Николая I» при обстреле противником «Осляби». «Одновременно до 30 снарядов упало за самой кормой броненосца, подняв при этом смерч воды. Даже представить страшно, что было бы, попади они все разом в корабль».

Противник использовал три типа снарядов, баз какой-либо системы, вперемешку. Первый тип имел очень чувствительный взрыватель, срабатывавший даже от удара о воду, самую тонкую обшивку или даже рангоут кораблей. Обладая очень мощным фугасным действием, такие снаряды разрушали обшивку в небронированных частях и надстройке, но броню не пробивали, лишь оплавляя её поверхность. При взрыве этих снарядов образовывалось большое черное облако удушливого дыма и тучи мельчайших осколков. Однако при ударе в бронированный борт, такие снаряды иногда просто раскалывались без разрыва, а рассыпавшаяся из них взрывчатка сгорала. Такие попадания наблюдались в «Громобой» (два в пояс и два в броню казематов), «Россию» (два в пояс) и «Суворов» (одно попадание в лобовую плиту кормовой башни).

Второй тип снарядов имел менее чувствительный взрыватель и не всегда сразу взрывался, падая в воду. При попадании в борт корабля он давал разрыв уже внутри. При этом его взрыв имел очень высокую температуру и вызывал возгорание всего, что было вокруг, даже корабельной краски на обшивке. При попадании в броню он выплавлял в ней достаточно глубокие лунки, причем сталь после застывала каплями и сосульками, но даже тонкую трехдюймовую плиту снаряд такого типа, даже главного калибра броненосцев, пробить не мог. Их разрывы сопровождалась очень яркой вспышкой и клубами желто-бурого дыма.

Несмотря на большую силу взрыва этих двух типов японских снарядов, внутренние помещения и оборудование, имевшее хоть минимальную защиту в виде колосников, стальных трюмов, мешков с углем или просто листовой стали достаточной толщины, оставались чаще всего не поврежденными. Их основным воздействием была взрывная волна, дополненная осколками, чаще всего мелкими, вплоть до металлической пыли. Несколько прямых попаданий в броневые башни и рубки не смогли вывести их из строя, хотя они и испытали мощнейшее сотрясение. Массы осколков при этом были отражены противоосколочной защитой, которая к концу боя была вся иссечена и изрублена ими, но почти везде устояла на своих местах.

Но по броненосным крейсерам были применены также и 305-миллиметровые снаряды третьего типа. Они пробивали броню, вплоть до шестидюймовой толщины, но были недостаточно прочными и поэтому иногда разрушались без разрыва, едва проломив броневую плиту. Кроме того, имели маломощный заряд взрывчатки, образовывавшей при взрыве густые клубы серого дыма. Их разрушительное действие было незначительным, но один такой снаряд пробил плиту бронепояса на «Громобое», угодив в неё ниже уровня воды.

Получив доклад о повреждениях, Рождественский занялся переформированием своего флота. Чтобы ставшие тихоходными броненосные крейсера и «Ослябя» не сдерживали остальной флот, их решено было отделить от основных сил. Утратившие боеспособность корабли сводились в один отряд, старшим в котором назначался командир «Александра III» капитан первого ранга Бухвостов, назначенный на эту должность, несмотря на его активные протесты. Однако прямой приказ охранять поврежденные корабли и любой ценой довести их до своих транспортов и мастерских, поставил точку в этом вопросе. Для разведки, в подчинение Бухвостову передали все оставшиеся миноносцы, три из которых пришлось брать на буксир.

На «Громком» вышла из строя правая машина, а «Бедовый» лишился хода из-за поврежденных в котельных отделениях, полученных в атаке. «Буйный» имел полузатопленное машинное отделение и продолжал медленно погружаться.

Была уже половина четвертого. Русская эскадра начала строиться в две колонны. В правой шли «Суворов», «Бородино» и «Орел», за ними второй и третий броненосные отряды в полном составе. Это были теперь главные силы второй тихоокеанской эскадры.

Левую колонну вел «Александр III». За ним шли «Россия», «Громобой» и «Светлана». Шли на 10 узлах, проложив курс на залив Миура, надеясь нагнать кого-нибудь из поврежденных японских кораблей, направляющихся туда. Пары на всех кораблях держали для самого полного хода. Ни на минуту не прекращались ремонтные работы. Палубы очищались от обломков и грязи. Все разбитое и ненужное отправлялось за борт.

На флангах, до отделения подранков от остальных сил, снова были выставлены миноносцы, но их осталось только четыре, «Безупречный» пока не мог держать большой ход и держался между колоннами, исправляя повреждения.

В 15:45 за левым траверзом колонны, возглавляемой «Александром», показался «Ослябя», сопровождаемый «Уралом». По приказу командующего, корабли «инвалидной команды» сбавили ход до самого малого, поджидая подранка. На «Суворове» подняли сигнал: «С возвращением!», запросив: «Каким ходом можете идти?» С осевшего носом и все еще имеющего небольшой крен влево броненосца ответили: «Можем держать 10 узлов. Видели 4 японских миноносца, ушедших на запад». С флагамена просигналили: «Благодарю за службу!», приказав занять место между «Громобоем» и «Светланой». «Уралу» было приказано держаться на правом траверзе «Александра III».

К четырем часам пополудни все покалеченные русские корабли собрались вместе и вновь двинулись на юго-запад, вслед за своими более везучими собратьями.

Глава 4

В 15:40 Добротворский встретил госпитальные суда, передав на них флажным semaфором: «Был бой. Нами потоплены «Фудзи», «Идзумо», «Ниссин» и «Ивате». Наши все на плаву», после чего крейсера сообщили курс, выводящий на эскадру, и отвернули резко вправо, продолжая разведку, встав во фронт, развернутый с севера на юг на 4 мили, и держа полный ход.

Они теперь шли строго на запад, надеясь в скором времени обнаружить остатки японского флота и навести на него свои броненосцы. В 15:47 был обнаружен дым одиночного корабля, чуть правее курса крайнего правого во фронте «Изумруда». Продолжая сближение, вскоре удалось разглядеть, что это «Асахи». С марса на фок-мачте «Олега» было видно, что броненосец стоит без хода, скорее всего, исправляя подводные повреждения, развернувшись левым бортом к ветру. Об этом немедленно отправили телеграмму, сразу получив квитанцию и приказ отходить к эскадре, не обнаруживая себя.

Развернувшись на восемь румбов, корабли Добротворского оказались снова в разомкнутой кильватерной колонне и на 15 узлах пошли на север, навстречу своим броненосцам, быстро сокращая интервалы в строю и не упуская из вида обнаруженного противника. Через восемь минут прямо по курсу показались наши поредевшие главные силы.

Идя на юго-запад, Рождественский получил нешифрованную телеграмму со своих крейсеров, обнаруживших «Асахи». На действующем флоте немедленно увеличили ход до полного. В 15:58 левее курса показались и сами крейсера, вскоре вставшие левее колонны броненосцев, в 15 кабельтовых. По их наводке чуть повернули вправо и вскоре обнаружили прямо по курсу сначала дым, а потом и сам броненосец, лежавший в дрейфе в 70–75 кабельтовых прямо по курсу.

Появление русских кораблей, приближающихся на полном ходу, судя по всему, оказалось полной неожиданностью для японцев, поскольку «Асахи» оставался без движения левым бортом к нам еще какое-то время. Офицер-наблюдатель из рубки на фок-мачте «Суворова» доложил, что броненосец дал ход и начал разворот вправо, лишь когда мы приблизились к нему на 55 кабельтовых. Расстояние сокращалось очень быстро, и казалось, что его участь уже предрешена, но в 16:18 была получена радиограмма с госпитального судна «Орел»: «Атакован пятью броненосными крейсерами. Нахожусь под огнем, отхожу на запад».

Получив эту депешу, Рождественский выругался в сердцах и саданул кулаком по броне боевой рубки. Тут же успокоившись, взглянул на штурманские прокладки на стене, где уже было отмечено место «Белого Орла» и «Костромы», согласно рапорту крейсеров. Через минуту он приказал повернуть последовательно на вырочку плавучим госпиталям, а всем двенадцатидюймовым башням первого и второго отряда открыть огонь по «Асахи», до которого было уже чуть больше 40 кабельтовых. Руководить стрельбой отправили в рубку на мачту самого барона Гревеница, приплясывавшего от нетерпения рядом с командующим.

Поскольку на самом «Суворове» кормовая башня была безнадежно испорчена, а в носовой на такую дальность могло действовать лишь одно орудие, данные для стрельбы передавали из верхней рубки фонарем на идущий следом «Бородино». А тот уже вел пристрелку, давая залпы поочередно из носовой и кормовой башен. Для большей надежности передачи сигналов флагман вышел из строя вправо, сократив расстояние между броненосцами до самого минимума.

Крейсерам было приказано разворачиваться и идти на восток на максимально возможной скорости, но не сближаться с противником ближе, чем на 30 кабельтовых.

Инвалидам, маячившим на северо-востоке на границе видимости, дали приказ идти на юг максимально возможным ходом, а после того, как надежно убедятся, что японцев рядом нет, поворачивать на встречу с транспортами, которых также вызвали телеграммой, предписывавшей выдвигаться к пункту временного базирования. Расчищать им дорогу отрядили «Изумруда» с исправной рацией, послав его вперед в разведку на полном ходу с приказом топить всех, кто попадется. Главное – обеспечить скрытность отхода. Ему предписывалось встретиться с обозом и охранять его на последнем отрезке перехода вдоль японских берегов.

С 16:20 вся эскадра последовательно поворачивала влево и ложилась на новый курс, под грохот залпов тяжелых орудий. Из артиллерийской рубки докладывали, что уже пятый залп по практически неподвижной цели дал накрытие. После чего снаряды ложились в непосредственной близости от японского броненосца, но были ли попадания, видно не было. Стреляли не торопясь, соблюдая очередность и внося поправки, как на учениях. Ответного огня не было совсем. Вскоре старые пушки «антикваров» перестали доставать противника, лишь «Сисой», имевший современную артиллерию, да «Бородино» с «Орлом» дали еще пару залпов, после чего огонь прекратили. В общей сложности за пятнадцать минут выпустили шестьдесят четыре 305-миллиметровых снаряда без заметного результата.

Идя на восток на максимально возможных эскадренных 14 узлах, вскоре увидели дымы прямо по курсу, а потом и силуэты самих госпитальных судов, мечущихся под обстрелом и окруженных всплесками от японских снарядов. Над «Костромой» уже вился столб дыма от пожара. С ушедших на восток крейсеров открыли огонь по невидимому пока для броненосцев противнику. Вскоре «Олег» передал семафором, что видит японские крейсера. Один левее курса, похоже «Асама», так как имеет две мачты и две близкорасположенные дымовые трубы. А еще четыре находились прямо за транспортами. Опознать их не удалось, так как они идут прямо на нас и их закрывает дым.

Обнаружив наши крейсера, японцы прекратили огонь по госпиталям, начав перестроение в одну колонну, взяв вправо и подтягиваясь к «Асаме». В этот момент их удалось опознать как «Касуга», шедший головным, за ним «Адзума», «Токива» и «Якумо». При этом они начали

пристрелку по нашим крейсерам, принявшим вправо, чтобы встать в голове своих броненосцев.

Глава 5

С «Суворова» увидели противника в двух румбах правее своего курса, в 60 кабельтовых, когда он уже почти закончил перестроение. Немедленно носовые башни всех броненосцев были наведены на «Асаму», над которым развевался адмиральский флаг.

Завидев наши поредевшие броненосные отряды, возглавляемые еще дымящим от пожара в офицерской кают-компании «Князем Суворовым», японцы оставили в покое Добротворского и перенавели свои орудия на новые цели. Дистанция сокращалась на полмили за каждую минуту. Пять первоклассных броненосных крейсеров приближались к русской эскадре в строе кильватерной колонны своим почти не участвовавшим в бою, а потому практически не поврежденным бортом, в то время, как левый борт нашего флагмана, которым предстояло принять новый бой, представлял собой жуткое зрелище.

Поначалу ни на одном из японских крейсеров не было заметно никаких повреждений. Словно они не были под нашим огнем целый час. Но по мере сокращения расстояния стали видны сначала развороченная задняя труба «Адзумы», застилавшая дымом кормовой мостик, потом сидевшая в воде неестественно глубоко корма «Асамы», выгоревший и разрушенный верхний передний каземат левого борта «Токивы». За японскими крейсерами были замечены миноносцы, медленно обгонявшие их по правому борту.

К 16:46 дистанция по дальномеру была ровно 30 кабельтовых, а головной «Асама» находился в трех румбах впереди нашего левого траверза. Японцы открыли огонь. Снова целью был «Суворов», по которому начал пристрелку «Асама». Остальные молчали. Русские корабли пока не отвечали, провожая своими башнями противника. На русском флагмане вышел из строя привод горизонтальной наводки носовой башни, а поскольку за японскими крейсерами виднелись миноносцы, явно намеренные атаковать, шестидюймовые башни приберегали для них.

Через несколько секунд наши легкие крейсера, бывшие сейчас, несмотря на снижение своего хода, в двух милях впереди броненосцев, открыли огонь по головному «японцу», проходившему их траверз, но после сигнала с флагмана начали обстреливать замыкающего в колонне «Якумо». Он ответил из казематных орудий. Вскоре к нему присоединился и «Токива», при этом оба японца не сводили стволов башен с «Суворова».

«Белый Орел» и «Кострома», закончив спасение остатков экипажей потопленных японских крейсеров, двинулись вслед за своей эскадрой на северо-восток, держа 10-узловой ход. В радиорубке «Белого Орла» постоянно дежурили минеры, ожидая приказа от Рождественского. На борту было 84 пленных японца, размещенных в кормовом салоне. Раненым оказали необходимую помощь, всех переодели в сухое и чистое и накормили. На «Костроме» было 69 спасенных, большая часть раненые. Для простоты их обслуживания всех японцев также разместили в просторной кормовой столовой, убрав столы и расставив лавки.

Около половины четвертого была получена телеграмма с запросом о местоположении. Немедленно отправили ответ и получили следующую депешу с приказом идти к эскадре с указанием курса. В 15:40 были встречены наши бронепалубные крейсера, сообщившие первые хорошие новости о произошедшем бое и уточнившие курс на эскадру.

После чего они отвернули к западу и вскоре пропали из вида. Почти сразу за этим в восточной части горизонта показались сначала дымы, а потом и силуэты четырех крейсеров. Два имели по две трубы, но на головном они были широко разнесены, а между ними стояла единственная мачта, а на втором двухтрубном мачт было две, а трубы стояли рядом. Он шел третьим в строю. Перед ним был трехтрубный крейсер, имевший две мачты с отнесенной

назад третьей трубой, покосившейся и пробитой, из-под основания которой валил дым то ли от пожара, то ли из топок котлов. Замыкал колонну также трехтрубный корабль с двумя мачтами. Характерные силуэты головного и второго крейсеров не оставляли сомнений, что это «японцы». Они приближались.

Запертые в кормовых помещениях госпиталей пленные, заметив свои корабли, заволновались, начав улыбаться и по-другому поглядывая на своих спасителей, особенно офицеры. На всякий случай у дверей выставили по два десятка самых дюжих матросов. В котельные отделения передали приказ поднять пар до максимума.

Броненосные крейсера продолжали идти наперерез. На «Орле», а затем и на «Костроме» подняли сигнал: «Являемся госпитальными судами, находимся под защитой Красного Креста».

Японцы ответили требованием немедленно остановиться. Тогда русские снова повторили свой сигнал. Хотя и без этого было очевидно, что суда, несущие все положенные в данном случае опознавательные знаки и соответствующую яркую окраску, являются госпитальными.

В этот момент с северо-востока показался еще один двухтрубный крейсер, тут же повернувший наперерез. На нем подняли сигнал: «Немедленно остановиться и не пользоваться телеграфом! В случае неповиновения открываем огонь!»

Русские ответили, что имеют на борту раненых и больных, и продолжали следовать прежним курсом.

Тут на мостик «Орла» вбежал матрос из охраны пленных и сообщил, что какой-то японский офицер говорит по-русски и предлагает остановиться, спустить флаг и сдать судно, обещая содействовать нашему скорейшему возвращению на родину. На что капитан второго ранга Лохматов, командир корабля, приказал послать его к черту, а рулевому скомандовал: «Лево на борт! Самый полный ход!»

Русские транспорты еще не закончили разворот, как по ним открыли огонь со всех крейсеров. Передав телеграмму: «Атакован пятью броненосными крейсерами. Нахожусь под огнем. Отхожу на запад», плавучие госпитали петляли под обстрелом, сбивая крейсерам пристрелку.

С первым же упавшим у борта японским снарядом среди пленных началась паника. Все, кто мог стоять на ногах, бросились к дверям, стремясь вырваться из салона, что-то громко крича и активно жестикулируя. Их едва удавалось сдерживать, успокаивая самых нервных кулаками. Получил по зубам и тот офицер, что предлагал сдаться, подвернувшись под горячую руку того самого матроса, бегавшего на мостик с докладом. После чего рухнул без чувств, и суматоха как-то сама собой быстро стихла.

Но когда фугасный снаряд рванул в корме «Костромы» и пламя пожара показало языки из иллюминаторов правого борта, обращенного к «Орлу», японцы все хором начали выть и распластались на палубе, не желая, видимо, тонуть во второй раз за день. Осторожно приближались к дверям, что-то бормоча на своем языке. Должно быть, хотели укрыться внизу, куда их, естественно, не пускали. Еще ломают чего, черти узкоглазые.

Вскоре показались несущиеся навстречу на полном ходу наши легкие крейсера. Едва завидев японцев, они тут же открыли по ним огонь с предельных дистанций, атакуя втроем пять броненосных крейсеров. Следом дымили изрядно отставшие броненосцы.

С появлением наших кораблей обстрел плавучих госпиталей прекратился, и они поспешили укрыться за своей эскадрой, как побитые щенки за родным забором.

Заминка с пристрелкой русской эскадры вскоре разрешилась. Из кормовой рубки «Суворова» фонарем передали на шедший следом «Бородино» приказ командующего: «Пристреляться по головному главным калибром. Шестидюймовкам приготовиться к отражению минной атаки». Спустя двадцать секунд левое орудие носовой башни броненосца дало первый залп по «Асаме», легший с недолетом. Второй выстрел уже хорошо лег по дальности, но требовались корректировки по целику. Не смотря на то, что русские начали пристрелку на полторы

минуты позже, пристрелялись обе стороны одновременно, перейдя в 16:50 на беглый огонь. Но еще раньше, прорезая строй своих крейсеров, в атаку на русские корабли бросились восемь японских истребителей. Заходя на боевой курс почти с траверза головного нашего броненосца, они быстро развернулись во фронт, а крейсера не прекращали огня через их головы.

Едва японцы обозначили начало своей атаки, по миноносцам открыли огонь все башни второстепенного калибра новейших броненосцев, поддержанные скорострелками с остальных кораблей, в то время как тяжелая артиллерия методично впечатывала свои залпы в тяжелые крейсера. У наших бронепалубных крейсеров не было и тени шанса воспрепятствовать этой атаке. Попытка развернуться просто привела бы их под убийственный огонь тяжелых и скорострельных орудий, ничего не меняя. В то время как им самим мешал видеть цели дым своих броненосцев. Это все уже было проверено на учениях, ведь сейчас японцы нагло скопировали наш прием всего полуторачасовой давности (правда, начинали они с большей дистанции, и эта маленькая деталь все меняла в принципе, в чем они вскоре и убедились). Единственное, что могли сделать наши легкие крейсера, это открыть массивированный фланговый огонь по едва видимым миноносцам, ослабив давление на тяжелые корабли.

События развивались очень стремительно. К 16:53, когда головной японский крейсер уже миновал траверз «Суворова», под нашим огнем находились «Асама», «Касаги», «Адзума» и «Токива», не считая беспокоящего обстрела с кораблей Добротворского по замыкающему «Якумо». Кроме того, «адмиралы» и «князья», одновременно с открытием огня, повернули на 4 румба влево, начав охват головы японской колонны, повернув потом еще на 4 румба и перестроившись в строй уступа к противнику, стреляя по необстреливаемым до того третьему и четвертому кораблям в колонне с носовых углов.

За три минуты с начала боя японские истребители приблизились к головным броненосцам уже на 15–18 кабельтовых, потеряв однако темп сближения, так как теперь должны были нагонять свои цели, войдя в зону уверенного поражения наших орудий со всех кораблей и попав под жесточайший перекрестный обстрел. Атаковать концевые корабли русской колонны, до которых можно было добраться быстрее, не было никакой возможности, так как для этого пришлось бы залезть в огневой мешок, без малейшего шанса оттуда выскочить, или хотя бы приблизиться на приемлемую для торпедного выстрела дистанцию. Единственный выход был на востоке, где плотность огня стараниями броненосных крейсеров заметно снизилась.

Хорошо организованный японский огонь очень скоро начал давать свои результаты. Русский флагман совсем скрылся за всплесками близких разрывов, и его заволокло дымом от множества попаданий. Рухнула сначала передняя, а следом и грот-мачта. Эффективность его ответного огня резко снизилась, начала падать скорость, и он покатился влево, явно потеряв управление. На него устремились сразу четыре двухтрубных миноносца, бывших на правом фланге атакующей волны. В то время как остальные бросились на «Бородино» и «Орел».

Шедшие следом за «Князем Суворовым» корабли и бронепалубники, когда миноносцы показывались в разрывах дымных шлейфов, прикрывали флагман своим огнем, не будучи под обстрелом совсем и имея возможность использовать всю свою огневую мощь, вплоть до открыто стоящих трехдюймовок. «Николай I», «Наварин» и «Сисой» открыли мощный фланговый огонь по крайним левым атакующим миноносцам, используя все, кроме тяжелой артиллерии, а третий отряд, оказавшийся поначалу левее фронта миноносцев, бил по ним теперь почти вдогонку из 120- и 75-миллиметровых пушек.

В 16:55 бронепалубные крейсера начали также ложиться на норд, образуя вторую клешню, охватывающую японцев с кормы и, по возможности, быющую всем бортом по миноносцам, в которые уже начались попадания. Но, находясь под ураганным огнем и совершенно не обращая на него внимания, восемь истребителей упорно неслись вперед, подойдя к своим целям уже меньше чем на милю и ведя ответный огонь из всех своих стволов, скорее, для самоуспокоения, нежели всерьез рассчитывая навредить. На двоих из них уже начались пожары, в

остальные тоже были попадания, но это их не останавливало. Казалось, что они решили любой ценой дорваться до больших русских броненосцев и их уже не остановить. Вдруг за считанные секунды японские атакующие порядки были ополовинены.

Первым погиб «Оборо», наравшись на залп кормовой шестидюймовой башни «Орла». Со многих русских кораблей видели, как два всплеска от её снарядов встали под самым бортом миноносца в носу, сразу после чего повалил пар из его первой кочегарки и он начал стремительно садиться носом, быстро потеряв ход, получив еще и 120-миллиметровый снаряд от какого-то из «князей» в машину.

Почти одновременно с ним на противоположном фланге атаки «Кагеро» был очень плотно накрыт залпом с «Олега», буквально закрывшим его всего всплесками. Когда поднятая снарядами вода опала, на нем не хватало первой трубы и второго торпедного аппарата, из-под палубы вырывался пар, а сам миноносец неудержимо несло влево. При этом он быстро валился на бок и вскоре совсем лег на правый борт, быстро погружаясь.

«Югири» получил шестидюймовый снаряд в правый борт под мостик, запарил и потерял управление, начав петлять, то резко вправо, то наоборот, сбавив скорость до 9 узлов и продолжая получать попадания, погружаясь носом.

Следующим был выбит «Икадзучи», получив 120-миллиметровый снаряд с «Донского» в корму и почти сразу еще три или четыре 75-миллиметровых с броненосцев. На нем начался пожар в районе мостика, а в следующую секунду боевую рубку миноносца разнесло на куски прямым попаданием шестидюймового снаряда, и он, круто отвернув влево, начал ходить кругами, засыпаясь снарядами и быстро оседая кормой.

Такие большие и почти одномоментные потери в атакующих порядках резко охладили боевой пыл остальных. Оставшиеся четыре миноносца к этому времени также уже получили повреждения и развернулись в 8–10 кабельтовых от наших броненосцев, отказавшись от атаки и начав отход к своим крейсерам под непрерывающимся обстрелом, правда, уже только из противоминного калибра. Все остальное было перенаведено на броненосные крейсера, начавшие забирать к северу, уклоняясь от наших старых кораблей, постоянно маневрируя под обстрелом. Резкие маневры противника сказывались на качестве его стрельбы. Количество промахов резко возросло.

Как только миноносцы отвернули, все броненосцы первого и второго отрядов, за исключением «Суворова», круто положив руля влево, ринулись в атаку, стремясь максимально сократить дистанцию.

В ответ японцы повернули еще правее и добавили ходу, перенеся свой огонь на броненосцы береговой обороны, до которых к этому времени было всего 18 кабельтовых. Они явно намеревались выскочить из намечавшегося мешка. Нашим «старичкам» не хватало скорости, чтобы отрезать их с запада, поэтому они легли на параллельный с противником курс, ведя максимально частый огонь правым бортом по всем японским крейсерам, в то время, как броненосцы первого и второго отрядов стреляли им в корму с 25–30 кабельтовых, преследуя противника на максимальной скорости, какую могли обеспечить их механизмы. Наши легкие крейсера продолжали продвигаться на север, но потеряли из вида японские крейсера из-за увеличившейся дистанции и клубов дыма, сносимого ветром под корму японцам.

Попадания с обеих сторон в этой фазе боя начались очень быстро. Уже вторым залпом «Адзума» накрыл «Апраксина», при этом 203-миллиметровый снаряд попал в лобовую плиту кормовой башни ниже амбразуры. Взрывной волной и осколками разбило палубу перед башней, а её саму на время вывело из строя. На «Сенявине» были выбиты обе 120-миллиметровые пушки правого борта. «Ушаков» получил подводную пробоину в носу, «Донской» и «Мономах» – несколько небольших снарядов в свои высокие борта без заметных последствий, хотя по паре орудий на них временно вышло из строя. «Нахимов» получил около десятка попаданий, в том числе и тяжелыми снарядами, но повреждения оказались незначительными. Механизмы

и артиллерия корабля не пострадали, а начинавшиеся возгорания были быстро потушены аварийными партиями.

Зато в ответ быстро пристрелявшиеся после резкого маневра своего противника русские смогли попятнать все японские крейсера. На «Асаме» была разбита и горела кормовая башня, рухнула грот-мачта. Под палубой юта также полыхал пожар, и его языки выбрасывало из иллюминаторов, вместе с клубами дыма. Часть казематных пушек молчала, а действующие стали стрелять заметно реже.

На «Касуге» было отмечено результативное попадание в боевую рубку. Причем бронбойный снаряд с «Сенявина» явно рванул внутри, выбросив из амбразур языки дыма и пламени. Кроме того, после попадания тяжелого снаряда с кого-то из больших броненосцев начался пожар в батарейной палубе левого борта. Из всех его орудий к концу боя могли действовать лишь носовая башня и две противоминные пушки на кормовом мостике. Имелся заметный дифферент на нос.

«Адзума» также горел позади цитадели, кормовая башня, развернутая влево, бездействовала, имея загнутый дугой вверх ствол левобортного орудия, а двумя попаданиями тяжелых снарядов с «Апраксина» левое крыло командирского мостика разнесло напрочь. Кормовой мостик также получил попадание 254-миллиметровым снарядом. Наметился крен влево, а корма явно просела в воду глубже нормы. Густой дымный шлейф из поврежденной задней трубы теперь смешивался с дымом пожара на шканцах.

«Токива» имел серьезный пожар в районе первой трубы, а из второй, после удачного накрытия с «Нахимова», вместе с дымом поднимались клубы пара, но он держал не менее 17 узлов хода и не покидал строй. Его артиллерия, так же как и на «Асаме», уже не могла давать залпы с той частотой, что в начале боя. Видимо, были повреждены снарядные элеваторы.

«Якумо», находившийся в начале лишь под чисто символическим обстрелом, добрал свое на отходе. Сразу после отражения торпедной атаки на него снова переключились бронепалубники, пока не потеряли его в дыму, а потом и шестидюймовки второго в колонне броненосца. Но больше всего ему досталось уже в самом конце, когда крейсер оказался под продольным огнем с «Бородино» и «Орла». На нем были разбиты кормовые шестидюймовые казематы обоих бортов, а пламя от начавшихся в них и на кормовом мостике пожаров быстро сошло в один мощный костер, закрывший дымом всю кормовую часть крейсера.

Яростная перестрелка на пределе скорострельности орудий между японскими броненосными крейсерами и старыми русскими кораблями продолжалась всего тринадцать минут. Шедшие следом за японцами наши броненосцы начали отставать. Даже вырвавшиеся вперед «Бородино» и «Орел» не могли нагнать противника, в то время как он начал серьезно досажать левому флангу Рожественского. К тому же русский строй начал распадаться из-за недостаточной скорости хода второго отряда. Видя это, Рожественский приказал прекратить погоню и выйти из боя всем кораблям. Японцы, держа максимальный ход, быстро удалялись. В 17:12 они совсем скрылись на северо-западе и бой прекратился.

Наши легкие крейсера, потеряв противника сразу после начала атаки броненосцев, пытались было добить остатки японских минных отрядов, но не смогли найти их в дыму и тумане, а догнать броненосные крейсера уже не успели и вернулись к главным силам.

Пропавшие миноносцы видели с «Суворова». Отвернув вначале к северо-востоку и выйдя из-под обстрела, они оказались в дымном шлейфе от наших броненосцев. Видимо, прикрываясь им, четыре оставшихся истребителя двинулись на малом ходу на юго-восток, вскоре обнаружив остановившийся, горящий и отставший от своих русский флагман. Не видя других русских кораблей поблизости, японцы резко увеличили ход и довернули вправо, снова решив атаковать потерявший боеспособность (как они считали) броненосец. В этот момент они были обнаружены сигнальщиками «Суворова», на котором уже исправили повреждение руля. Бро-

неносец дал полный ход, начав отворачивать влево и дав залп сначала из казематов, а потом и из шестидюймовых башен своего целого правого борта.

Несмотря на то, что корабль стрелял с циркуляции по малоразмерным целям, находившимся от него почти в миле, эти залпы дали два попадания. На «Сирануи» 152-миллиметровая граната прошла первую трубу навывлет без разрыва, а «Инадзума» получил трехдюймовый снаряд в борт, видимо, вызвавший возгорание внутри, так как из-под палубы, напротив второй трубы, показался сначала дым, а потом и пламя. Этого оказалось достаточно, чтобы японцы отказались от своей затеи и продолжили отход на юго-восток, правда, уже на приличной скорости.

День неудержимо клонился к закату, и пора было подумать об отрыве от противника. Добротворский получил приказ прочесать море вокруг эскадры, пока остальные корабли занимались срочным ремонтом.

Самым печальным итогом этой стычки стало то, что «Суворов» получивший в ней львиную долю попаданий, окончательно потерял боеспособность. Хотя выгоревшую от короткого замыкания электропроводку привода горизонтальной наводки в носовой башне смогли восстановить, она успела дать лишь три выстрела по отходящим японским крейсерам. Судя по всему, в этот раз противником были использованы и бронебойные снаряды, так как дважды было пробито бронирование артиллерии и один раз 102-миллиметровая броня верхнего пояса под разбитым кормовым казематом в помещении кормового минного аппарата. Результатом этого попадания стала временная потеря управления. Впрочем, с этим справились достаточно быстро, уже через четыре минуты восстановив рулевой привод.

Кормовая шестидюймовая башня получила попадание тяжелого снаряда в барбет, с пробитием 127-миллиметровой плиты, прикрытия подачи боеприпасов. Снаряд развалился, проломив броню без разрыва, но его осколки намертво заклинили норию, загруженную снарядами, и вывели из строя механизм горизонтального наведения башни. Загорелся порох из разбитых гильз, часть из которых упала в подбашенное отделение, вызвав возгорание матов. Начавшийся в непосредственной близости от погреба пожар был быстро потушен расчетом, обслуживавшим подачу, и взрыва не последовало.

Второе опасное попадание было в крышу такой же носовой башни. Снова была пробита броня (крыша башни толщиной 30 миллиметров), и снаряд разорвался внутри, вызвав возгорание приготовленных к бою боеприпасов. Личный состав покинул боевое отделение, отдраив броневую дверь, получив осколочные ранения и ожоги. Начавшийся пожар был быстро потушен расчетом башни, действовавшим снаружи. На элеватор огонь не проник, а поскольку кранцы первых выстрелов были уже пусты, горели только поданные в башню заряды с лотка. Осколками их сбilo на пол башни, где и вспыхнул высыпавшийся порох. К счастью, снаряды, лежавшие там же, не детонировали.

Уже недействующая кормовая 305-миллиметровая башня получила попадание в ствол левого орудия, что полностью испортило его, погнув ствол. Осколками этого снаряда сильно повредило противоосколочную защиту на обеих амбразурах, заклинив ей и правое орудие.

Несколько попаданий пришлись в главный и верхний поясы, но во всех остальных случаях броня выдержала, хотя и началась довольно сильная фильтрация из уже затопленных бортовых коридоров и сквозь наружную обшивку через выскочившие заклепки и стыки листов. Помпы едва успевали качать воду. С этим удалось справиться лишь к ночи, прочеканив ослабшие швы и заделав отверстия от заклепок.

Отмечалось малое разрушительное действие бронебойных снарядов, нередко просто разбивавшихся о броню. Одним из двух попаданий в боевую рубку сорвало броневой отражательный козырек, закинув его в прорезь и перебив им все переговорные трубы. Серьезно пострадали дымовые трубы, а осколками разорвавшихся в них снарядов повредило один котел в первой кочегарке и три во второй. Максимальный ход броненосца упал до 10 узлов.

Был тяжело ранен командир корабля капитан первого ранга Игнациус. Рождественский также получил два осколка в правое плечо и один в голову, но ранения оказались касательными, и после перевязки прямо в рубке он продолжал следить за боем. При этом его распоряжения передавались на эскадру с помощью фонаря с крыши носовой башни.

Как только японцы скрылись, он хотел, было, перебраться вместе со своим штабом на «Орла», подняв на нем свой вымпел. Этот броненосец пострадал меньше, чем «Бородино». Но отсутствие на всей эскадре целых шлюпок и свежая погода, делавшая швартовку крупных кораблей в море слишком рискованной, не позволили этого сделать, и российскую вторую тихоокеанскую эскадру все так же вел «Князь Суворов».

Из офицеров штаба, находившихся во время боя частью в боевом посту под защитой брони, на уровне ватерлинии, частью в рубке, лейтенант Церетели и флагарт Берсеньев имели осколочные ранения в голову.

Лейтенант барон Гревениц, бывший в артиллерийской рубке в момент начала перестрелки с японскими крейсерами, отделался лишь контузией и двумя осколками в бок. Едва начался обстрел, одним из первых попаданий перебило телефонные провода из боевой рубки в верхнюю, и он, вместе с обоими артиллерийскими наблюдателями, занялся их исправлением, спустившись на верхнюю палубу мостика. Как раз в этот момент японский снаряд угодил под самую стеньгу фок-мачты, перебив её напроочь и накрыв осколками всех, кто был внизу. Артиллерийская рубка ухнула за борт, скользя по броне носовой шестидюймовой башни, счастливо никого не задев. Кроме рубочного расчета были ранены два сигнальщика и посыльный матрос, а также четыре человека из расчетов противоминных пушек, двое из которых пострадали от оборвавшихся снастей. Общие потери в экипаже флагманского броненосца были очень большими: около 60 человек убитых и почти полторы сотни раненых.

В начале седьмого эскадра двинулась на юго-запад, держа максимальные 10 узлов. Отправленные в разведку крейсера никого не обнаружили, но продолжали ходить кругами вокруг главных сил. Рождественский вел свой поврежденный, но не побежденный флот назад, к входу в Цусимский пролив, на встречу со своими транспортом и плавучими мастерскими, чтобы пополнить запасы и починить корабли. Еще на переходе от Мадагаскара его штабом, исходя из английской логии, было выбрано наиболее подходящее место для развертывания временной базы на западном побережье острова Фукуэ. В проливе между ним и еще одним островком, с таким же трудно произносимым названием. В ходе штабных проработок это место постепенно начали называть просто «точкой», чтобы не ломать язык чужими словами. Вот к этой точке и направлялись сейчас три отдельных отряда русского флота. Идя на юг, в то время как, по логике, им следовало прорываться на север.

Глава 6

Из показаний японских моряков, попавших в плен в ходе боев в районе Цусимы и островов Гото

Ринувшиеся в 13:43 в атаку русские броненосцы быстро приближались, идя наперерез. При этом головной «Суворов» начал пристрелку по «Микасе» из шестидюймовых орудий, добившись накрытия уже третьим залпом. Сразу после этого, поочередно, дали проверочные двух-орудийные залпы из 152-миллиметровых орудий остальные четыре новейших броненосца, добившись одного попадания в носовую часть. Снаряд прошел навывлет оба борта и, не разорвавшись, упал в море.

Начиная с 13:45 японский флагманский броненосец оказался под сосредоточенным обстрелом с пяти быстро приближавшихся русских кораблей. К ним очень скоро присоединились и их крейсера, стрелявшие с 30 кабельтовых всем своим левым бортом в правую скулу,

при этом они продолжали подрезать курс японской колонне, явно намереваясь охватить её голову.

Попаданий было так много, что их не успевали отмечать. Доклады о повреждениях посыпались градом. Почти сразу взорвался носовой каземат правого борта на батарейной палубе, и там начался сильный пожар, дым от которого мешал стрелять носовой башне главного калибра. Была сбита стенга грот-мачты, тяжелый снаряд разорвался в верхней батарее противоминных орудий, вызвав возгорание приготовленных к бою снарядов. Из-за дыма и взрывающихся боеприпасов её пришлось покинуть всем, кто там находился.

На шквал русских снарядов с некоторым запозданием начало отвечать одно шестидюймовое орудие из батарейной палубы. Кормовая артиллерийская группа не получала приказа на открытие огня и не имела данных для стрельбы, так как всякая связь между командирским мостиком и кормовым была прервана с первых же секунд боя. Докричаться до кормовой рубки через мегафон сквозь грохот непрекращающихся попаданий нечего было и думать, а оба отправленных посыльных не добрались до места. Вскоре её совсем закрыло дымом пожара в верхней батарее. Работа дальномерной станции на кормовом мостике была практически бесполезной из-за быстрого изменения расстояния и отвратительной видимости (мостик временно полностью заволакивало дымом). По этой причине кормовая башня и казематы кормовой группы открыли огонь с большим опозданием, и он был неэффективным.

Вообще очень быстро опустели все палубы, не имевшие серьезной броневой защиты. Все, кто выжил, бросились вниз, оставив свои посты, стремясь укрыться от десятков снарядов, прошивавших все легкие конструкции навывлет. Лишь иногда, ударившись обо что-то жесткое, срабатывали тугие русские взрыватели. Даже не взрываясь, отрикошетив пару раз от достаточно серьезных преград, русские бронебойные снаряды малых калибров, сыпавшиеся на «Микасу» в больших количествах, производили жуткие разрушения на верхней палубе и обоих мостиках. Броненосец был весь в искрах рикошетов, как в фейерверках. Но иногда эти маленькие снаряды все же попадали и в амбразуры казематов. Так, было заклинено орудие в верхнем носовом каземате, разбитом вскоре прямым попаданием двенадцатидюймового снаряда, а после в этот же каземат попал еще и 152-миллиметровый снаряд с «Суворова», вызвавший детонацию оставшегося там боезапаса. После этого начавшийся, было, стихать пожар в батарейной палубе вспыхнул с новой силой, слившись в один большой костер с пожаром палубой выше. К этому добавилось еще и попадание в верхний носовой каземат левого борта снаряда с русских крейсеров, практически пересекших курс японской эскадры.

Несмотря на то, что это был всего лишь шестидюймовый бронебойный снаряд, он, придя почти с носа и легко пробив надстройку левее носовой башни, проломил тонкое, всего лишь двухдюймовое, бронирование передней стенки каземата у самой его внутренней переборки. Как раз там, где были уложены приготовленные к бою снаряды и заряды для орудия. Хотя снаряд так и не взорвался, от раскаленных осколков брони вспыхнул порох из разбитых гильз, а затем от жары взорвались и снаряды. Теперь боевая рубка была окружена огнем с обоих бортов, и из нее совершенно ничего не было видно.

После начала боя адмирал Того и его штаб едва успели укрыться в боевой рубке, а командир корабля погиб, вместе с большей частью сигнальщиков, в результате разрыва тяжелого снаряда на броне носовой башни и последовавшего почти сразу попадания снаряда меньшего калибра в правое крыло мостика, откуда все поначалу намеревались наблюдать за ходом сражения.

Получивший легкую контузию Того, едва придя в себя, приказал взять на два румба левее, чтобы парировать угрозу со стороны русских крейсеров, до которых к этому времени было уже всего 20 кабельтовых. И без того не важный обзор из боевой рубки вскоре был совершенно закрыт дымом от пожаров на обоих бортах. Было трудно дышать. Все почти совсем

оглохли от жуткого грохота, вызванного участвовавшими попаданиями и наконец-то начавшейся собственной стрельбы из тех немногих орудий, что еще уцелели.

Но носовая башня, так и не успевшая ни разу выстрелить по врагу, оказалась намертво заклинена в барбете и не могла вращаться, а ствол её левого орудия был обрублен почти на треть длины прямым попаданием среднекалиберного снаряда.

«Микаса» продолжал нестись на 15 узлах прямо на русские крейсера, обстреливавшие его продольным огнем с короткой дистанции, в то время как он мог отвечать на этот обстрел лишь из носовой 76-миллиметровой пушки правого борта. Да и она вскоре оказалась разбитой прямым попаданием малокалиберного снаряда.

Того полностью утратил контроль над ситуацией. Все, что творилось вокруг, он узнавал с большим запозданием от посыльных, наблюдавших за боем с палубы бака или из носовых иллюминаторов. При этом из пятерых вернулись лишь двое.

Боевую рубку пришлось покинуть после того, как все её оборудование вышло из строя после трех прямых попаданий. Хотя броня и не была пробита, но от осколков стали, отколовшихся с её внутренней стороны и влетевших в амбразуры, был заклинен штурвал, перебиты переговорные трубы и разбиты дальномеры и прочие артиллерийские приборы. Управлять не то что боем, а даже кораблем из неё стало совершенно невозможно. Рулевой матрос, флагманский штурман, флагарт и старшина сигнальщиков были убиты, а все остальные ранены, многие по нескольку раз. Спустившись по коммуникационной трубе в центральный пост и получив последний доклад о том, что в действии осталась лишь кормовая башня и одно орудие в батарейной палубе, а русские крейсера пересекают наш курс, Того в 13:54 приказал отворачивать влево и выходить из боя.

К этому времени броненосец уже имел устойчивый крен вправо в 5° и быстро растущий дифферент на нос. Котлы и машины не пострадали, но из-за многочисленных пробоин в трубах резко упала тяга и, хотя пока на остатках пара ход держался достаточно высокий, он все же стремительно падал. Вышла из строя одна динамо-машина, а работавшие на пределе мощности водоотливные средства не справлялись с потоками воды, хлеставшими через выскочившие заклепки, разошедшиеся от множества попаданий в броню швы и две снарядные пробоины ниже ватерлинии.

Первая пробоина была в 127-миллиметровой плите чуть впереди носового барбета. При этом 305-миллиметровый бронебойный снаряд, пробив пояс, разорвался, уже ударившись о скос бронепалубы, проломив его своими осколками. Этими осколками был разбит носовой торпедный аппарат правого борта, вместе с заряженной в нем торпедой. Её воздушный резервуар взорвался, а разлившийся керосин тут же вспыхнул. Начавшийся в непосредственной близости от носовых погребов пожар был быстро потушен водой, хлеставшей в пробоину.

Второй снаряд этого же залпа попал в борт дальше в корму в 178-миллиметровую броневую плиту главного пояса напротив носового барбета прямо на ватерлинии. Проломив бронирование, он прошел сквозь угольную яму, ударился о скос бронепалубы, срикошетил вверх и разорвался уже в угольном бункере палубой выше у самой его внутренней переборки, практически полностью её разрушив. Хлынувшая в пробоину вода начала затопливать помещения внутри броневой цитадели. Главный пояс полностью ушел под воду, а в носу до уровня воды опустились еще три пробоины выше брони.

Кроме того, была сильно повреждена обшивка под одной из плит главного пояса напротив второй кочегарки. Это обнаружилось, когда полностью затопило заполненную углем яму правого борта и вода начала выдавливать продольную переборку, давшую серьезную течь в котельное отделение. Оценить серьезность повреждения не позволял уголь.

Выйдя из боя, «Микаса» начал отходить на запад, будучи вынужден идти на максимальном ходу, из-за чего волны продолжали бить в пробоины. Устанавливаемые в них заделки выбивало прежде, чем их удавалось надежно закрепить, а завести пластырь на обе подводные

пробоины можно было только полностью остановив корабль. Вода в носовых отсеках прибывала очень быстро, увеличивая дифферент. Крен стабилизировался на величине в 6° и перестал расти. Проводились расчеты контрзатоплений для спрямления корабля.

После отворота попадания прекратились, лишь перелеты ложились в опасной близости от бортов. Командующий немедленно поднялся на верхнюю палубу. Теперь, на примере «Сикисимы», было прекрасно видно, какому ужасающему обстрелу подвергался броненосец несколько минут назад. Японская колонна, вслед за своим новым ведущим, уже повернула на север, отражая средним и противоминным калибрами атаку русских миноносцев, в то время как броненосцы Рождественского шли северо-восточным курсом, стреляя уже с прямой наводки в корму японским линкорами. Казалось совершенно невероятным, как они смогли приблизиться так быстро. По первым прикидкам, их ход был не менее 17 узлов. Русские бронепалубные и броненосные крейсера продолжали держать северный курс, начав обгонять головного в японской колонне «Сикисиму», ведя по нему частый огонь почти в упор из всех калибров. Японский 4-й боевой отряд все еще не успевал встать в голове своих броненосцев и не мог принять участия в бою. Миноносцев и истребителей, отправленных в разведку перед самым началом боя, вообще не было видно.

Шедший вторым в колонне, «Сикисима» первые десять минут после поворота на боевой курс страдал от русского огня сравнительно мало, получив лишь около двух десятков попаданий. Он вел интенсивный огонь всем правым бортом по головному русскому броненосцу, однако множество всплесков вокруг него от огня шедших следом кораблей, временами совсем скрывавших цель, не позволяли корректировать огонь, и стрелять приходилось большей частью на удачу. В конце концов, по настоянию старшего артиллериста, огонь перенесли на шедший вторым в русской колонне броненосец.

Видя начатый русскими охват головы японской колонны, с «Сикисимы» начали было пристрелку по крейсерам, шедшим наперерез, но вскоре потеряли их в дыму пожаров «Микасы», снова переключившись всей артиллерией на броненосцы. Это метание между целями сильно ослабляло результативность ответного огня броненосца, но ситуация менялась слишком быстро, чтобы успеть среагировать достаточно эффективно.

После того, как флагманский броненосец вышел из боя, вся мощь русского огня обрушилась на «Сикисиму». Сначала это были только броненосцы, стрелявшие всем бортом с 12–13 кабельтовых, но, когда был пройден дымный шлейф, оставшийся от предыдущего головного корабля, с дистанции, не превышавшей одну милю, навалились все семь русских крейсеров с их многочисленными скорострелками, бившими справа, почти в нос. К тому же были обнаружены пять миноносцев, явно заходивших в атаку с носовых углов правого борта. До них было чуть больше 12 кабельтовых, и единственной возможностью успеть отразить ее оставалось резко отвернуть влево. К счастью, вся колонна уже успела закончить первый разворот.

Резко положив лево руля и кренясь в сторону противника, «Сикисима» лег на норд, открыв жаркий огонь из казематных и палубных орудий по миноносцам, а носовой башней взяв под обстрел шестой в колонне четырехтрубный русский крейсер, над которым развевался адмиральский флаг. Этот крейсер был опознан как «Россия». Минимальная дистанция позволяла обойтись без пристрелки, поэтому сразу после окончания разворота был открыт беглый огонь. Однако русские не прекращали стрелять ни на секунду, и их стрельба был очень результативной.

Предпринятый японцами маневр поставил их броненосцы, последовательно поворачивавшие к северу, под продольный огонь тяжелых русских орудий больших броненосцев с минимальной дистанции. Именно на следующие после этого поворота пять минут пришлось наиболее тяжкие повреждения, полученные «Сикисимой» в бою.

Находясь теперь под перекрестным обстрелом с одиннадцати кораблей на дистанции прямого выстрела любых, даже самых мелких корабельных орудий, броненосец начал буквально захлебываться от попаданий. Один за другим замолкали казематы.

Это был неправильный бой для броненосцев. С самого начала неправильный. С такой дистанции не могла защитить никакая броня в принципе. А сотни больших и маленьких снарядов, выпускаемых с крейсеров и броненосцев за минуту, неизбежно находили щели в этой броне, проникая в хорошо прикрытые казематы и взрывая хранившиеся там снаряды, расшатывая многочисленными попаданиями, даже если выдерживала защита, броневые плиты пояса по ватерлинии, заклепочные швы под ними. От мощной вибрации, вызванной попаданиями и собственными залпами, срезались заклепки в обшивке, в переборках. Появлялись течи по всему кораблю, а связь через переговорные трубы становилась невозможной из-за тяжелого стального гула, издаваемого избиваемым корпусом. Современный броненосец практически терял связь с боевой рубкой. Находиться даже за её толстой броней было небезопасно, а любой посыльный, отправленный из неё, почти гарантированно отправлялся на верную смерть, с ничтожным шансом успеть выполнить поручение.

Вскоре огонь обеих 305-миллиметровых башен пришлось перенести на броненосные крейсера, продолжавшие наседать справа, но едва кормовая башня успела дать один залп по новой цели, как тяжелый бронебойный снаряд, придя с кормы, попал в её боковую плиту и разорвался внутри. Из пробоины повалил дым, быстро становясь все гуще и гуще.

Немедленно был отдан приказ о затоплении кормовых погребов главного калибра. Осколками брони и снаряда сильно повредило электропроводку, вызвав короткое замыкание, а затем и пожар. Едкий удушливый дым заполнил башню, затрудняя борьбу с огнем. Срочное отдраивание всех броневых дверей позволило немного провентилировать помещения и дало возможность спастись большей части расчета, однако полностью погасить пожар не удалось, и вскоре вспыхнули заряды на элеваторе.

Прежде чем успели затопить погреба, пламя опустилось по зарядному элеватору до уровня защитной палубы, вызвав детонацию одного или двух снарядов в башне и на зарядном элеваторе. Каким-то чудом не детонировал оставшийся боекомплект в почти затопленном погребе, но взрывной волной и осколками снарядов нарушило его герметичность и все подбашенное отделение оказалось затопленным, вместе с отсеком кормовых подводных торпедных аппаратов. Вода появилась и в коридоре правого гребного вала, начав затапливать правую машину.

В носовой башне разрывом собственного снаряда в стволе правого орудия оборвало его ствол, временно выведя башню из строя, а когда удалось восстановить вертикальную наводку оставшегося левого орудия, её заклинило.

Полная потеря связи внутри корабля, частые повороты, переносы огня с одной цели на другую и жесточайший обстрел сильно снижали эффективность собственной стрельбы броненосца, практически сводя её к нулю. Орудия, вынужденные действовать самостоятельно, выходили из строя одно за другим. Несколько попаданий полностью разрушили кормовой мостик и сбили грот-мачту. Рухнула влево искромсанная задняя труба, а обе оставшиеся сочились жирным черным дымом из многочисленных пробоин, застилая им палубу шкафута и ростр. Отданная было команда о стрельбе торпедами по русским броненосным крейсерам так и не была исполнена из-за слишком быстрого выхода броненосца из боя и проблем с внутрикорабельной связью.

На полметра ниже воды был пробит 102-миллиметровый пояс в корме. Вскоре еще один 305-миллиметровый снаряд, попавший в корму, пройдя вдоль корпуса от кормового балкона до цитадели и срикошетив от плоской части бронепалубы, пробил, не разорвавшись, кормовой траверз правее барбета кормовой башни. Зато второй снаряд этого же залпа с «Орла» попал на два метра ниже, прямо на ватерлинии, и его взрыватель сработал исправно, подорвав заряд

влажного пироксилина прямо в отсеке рулевой машины. К счастью, руль был в этот момент в положении прямо и остался неподвижным.

Лишившийся управления броненосец, сильно севший кормой и кренящийся вправо, принимал воду во все возрастающих количествах, продержавшись в роли головного корабля всего семь минут. Уже в 14:01 он, с трудом управляясь машинами, отвернул сначала на два румба влево, а потом и вовсе покинул боевую линию, так же как и «Микаса», отходя на предельной скорости на запад.

К этому моменту японский строй был согнут дугой, но атаку русских миноносцев удалось отбить массированным огнем трех броненосцев и двух броненосных крейсеров. Видимость сильно ухудшилась, особенно в юго-восточном направлении, где были основные силы русских. Японским артиллеристам приходилось наводить свои орудия, ориентируясь по верхушкам труб и мачтам, иногда видневшимся над слоем дыма и тумана, висевшего над водой. При этом результаты своего огня удавалось увидеть далеко не всегда, а следовательно, и корректировать стрельбу было очень затруднительно. Однако русские пушки, находившиеся теоретически в гораздо худшем положении, продолжали бить с той же частотой и точностью, что и в самом начале, что было очень удивительно.

После выхода из боя второго японского броненосца флот возглавил «Фудзи». Он повел за собой японскую колонну на северо-запад, придерживаясь того же курса, что и его предшественник. Около двух часов оба подводных торпедных аппарата правого борта выстрелили свои торпеды в сторону «России» и «Громобоя», но результатов этой стрельбы замечено не было (с русских кораблей не видели даже следов от японских торпед).

Примерно в начале третьего русские броненосцы снова повернули во фронтальную атаку, боясь, видимо, потерять своего противника из вида в сгустившемся тумане и дыму. К этому времени основной огонь японских линкоров был направлен против «России» и «Громобоя», державшихся на траверзе двух оставшихся броненосцев. Отряд контр-адмирала Уриу наконец-то смог занять предписанное ему место в голове колонны, начав обстрел русских бронепалубных крейсеров, что вынудило их отвечать, ослабив огонь по «Фудзи». К тому же на владивостокских крейсерах орудия начали замолкать, выбиваемые попаданиями 305-миллиметровых «чемоданов». Все остальные калибры японцам снова пришлось использовать для отражения второй торпедной атаки русских.

Вскоре после её начала шедший теперь пятым в колонне крейсер «Идзумо», являвшийся флагманским кораблем вице-адмирала Камимуры, получил свое роковое попадание. Этот корабль чуть не погиб, еще даже не открыв огня по противнику. Едва начав разворот, самый первый в этом бою, он получил свой первый снаряд, лишь по счастливой случайности не ставший последним. Попав в правую амбразуру носовой башни, бронебойный 305-миллиметровый снаряд с «Наварина» вынес начисто заднюю броневую плиту, вместе со стеллажами снарядов, которые рванули уже снаружи, приподняв и обрушив обратно крышу башни и разворотив её стены. Зарядный элеватор не пострадал чисто случайно, иначе по нему пламя моментально достигло бы погребов и корабль неминуемо погиб. Взрывной волной разрушило командирский мостик и проломило палубу позади башни. Внутренние помещения за барбетом были полностью разбиты, и там начался пожар, что вынудило затопить носовые погреба, и крейсер заметно сел носом. Многочисленные осколки пробивали оба борта, вплоть до броневых пояса, и через эти пробоины начала поступать вода, так как броня нижнего пояса полностью ушла под воду в носу. Все, кто был в рубке, получили тяжелые контузии, а штурман и два матроса погибли. От сотрясения разбились артиллерийские приборы и дальнометры, но штурвал продолжал действовать.

И вот теперь снова такой же снаряд, и опять с «Наварина», прилетел с кормы и попал в правый борт напротив кормовой башни. Идя наискосок через корпус крейсера и прошивая

одну переборку за другой, он проскочил выше броневое траверза, вспорол батарейную палубу и нырнул в дымоход третьей трубы. Оказавшись в третьем котельном отделении, он пробил его носовую переборку, разбил два котла в соседней кочегарке и остановился в топке одного из них, где детонировал от жара. Его взрывом вывело из строя все котлы в отсеке и перебило главный паропровод, а осколки пробили днище и внутреннюю переборку угольной ямы левого борта. «Идзумо» потерял ход и остановился, лишившись возможности уклониться от выпущенных русскими миноносцами в него с 300 метров двух торпед. Одна из них прошла перед самым форштевнем, зато вторая ударила в борт чуть позади носового 76-миллиметрового каземата.

К этому времени на крейсере, помимо длинного списка повреждений, уже имелись несколько пробоин по правому борту у самой поверхности воды. Он начал быстро оседать носом и валиться на пробитый борт, прекратив огонь. Обошедший его справа «Адзума» оставил три шлюпки и сбросил в воду пробковые койки.

Около половины третьего «Идзумо» затонул, перевернувшись вверх килем с дифферен-том на нос, став первым японским кораблем линии, погибшим в тот день.

После начала второй атаки русских броненосцев еще не успевшие пройти точку поворота на север «Якумо» и «Ивате» развернулись сразу на северо-запад, дав самый полный ход и начав быстро удаляться от самых тихоходных русских отрядов, вскоре обогнав «Токиву», также свернувшего вслед за ними и добавившего оборотов на винты. Теперь эти три крейсера не могли стрелять вправо, так как новые русские броненосцы для них закрывал корпус «Адзумы» и дым. Они перенесли огонь кормовых орудий на едва видимые отстававшие старые русские броненосцы, безнаказанно обстреливавшие их с самого начала боя.

Вскоре эти крейсера обогнали отходящие на запад «Микасу» и «Сикисиму», также открывшие огонь по хвостовым кораблям в русской колонне. Обстрел с этих броненосцев вынудил русских повернуть к северу, чтобы ввести в действие свои кормовые башни против отходивших поврежденных японских кораблей. Изменение курса привело к отклонению русских вправо, и они начали отставать от броненосных крейсеров еще быстрее. Однако вскоре оба японских броненосца скрылись из вида, и русские легли на прежний курс. Но к 14:18 от них все же удалось оторваться совсем.

Теперь японский объединенный флот шел одной компактной группой, начав восстанавливать первоначальный строй кильватерной колонны, обрушив всю свою артиллерию на упрямых «Россию» и «Громобоя».

Русские отряды оторвались друг от друга. Один их броненосец был выбит из строя и, вероятно, затонул, два головных горели и имели очень большие разрушения в надстройках и по корпусу, броненосные крейсера едва держались на плаву и сильно горели, потеряв почти все орудия. Половина их флота осталась где-то далеко за кормой, выйдя из игры, и чаша весов, наконец, начала склоняться в сторону флота микадо.

За время перестроения в казематах и башнях трех замыкающих броненосных крейсеров успели частично пополнить запасы снарядов, что позволило несколько повысить интенсивность огня.

Поскольку русские большие броненосцы были едва различимы, по ним стреляли лишь концевые «Ивате» и «Якумо», совсем не видевшие из-за дыма других целей, в то время как все остальные старались скорее прикончить надоевшие крейсера.

В 14:30 по сигналу ракетой с русского флагмана все их корабли, участвовавшие в этот момент в бою, начали отворачивать вправо, выходя из боя и прекратив огонь. Лишь третий в строю броненосец дал еще один залп, хорошо легший по «Фудзи».

С шедшего вторым в колонне «Асахи» было отлично видно, как русский бронейный двенадцатидюймовый снаряд вошел в нижний край тонкой боковой плиты кормовой башни броненосца, развернутой в тот момент вправо, пробив её с огромным снопом искр. Через доли

секунды из этой пробоины показали языки яркого кордитного пламени, и почти сразу мощный столб белого огня сорвал с креплений броневую крышу башни, отбросив её в сторону, как картонку. Следом вверх полетели еще какие-то части орудий или систем зарядки, и, наконец, чудовищный взрыв разметал во все стороны куски обшивки, палуб и всего того, что еще секунду назад было грозным броненосцем. Над поверхностью моря осталось лишь огромное облако дыма, пара и опадающей воды, поднимающееся вверх и сворачивающееся в гигантский гриб, из которого продолжали сыпаться обломки. Обходя его, «Асахи» положил лево руля, что тут же повторили остальные корабли в строе, исполняя пункт боевого приказа.

В этот момент, на несколько минут, русские корабли полностью пропали из вида, однако вскоре они возобновили обстрел, интенсивность которого быстро росла. Когда их снова удалось обнаружить, они оказались на сближающемся с японцами курсе и, судя по бурунам у форштевней, держали полный ход, ведя частый огонь с броненосцев в нос и на оба борта, а с крейсеров всем правым бортом. При этом избитые и горящие броненосные крейсера действовали из всех орудий правого борта, включая противоминные, и держали приличный ход, что оказалось полной неожиданностью.

В то время, как наши легкие крейсера быстро удалялись на северо-запад, их русские собратья стремительно приближались, по-прежнему держа открытыми торпедные порты, явно собираясь атаковать торпедами под прикрытием огня основных сил.

«Асахи» немедленно открыл огонь из всей своей артиллерии, включая главный калибр, по приближавшимся, в клочьях дыма и тумана, бронепалубным крейсерам, одновременно повернув еще больше к югу. Все остальные корабли также держали максимально возможный ход, забирая постепенно влево, но под жестоким продольным обстрелом все они получали новые повреждения, в то время, как строй полностью восстановить пока не удавалось.

Примерно в 14:36 «Ниссин» вдруг начал быстро сбавлять ход. Дело в том, что еще в самом начале боя 305-миллиметровый бронебойный снаряд пробил бортовую броню напротив правого машинного отделения и, пройдя сквозь угольную яму, разорвался, почти пробив скос бронепалубы. Осколками брони и снаряда был выведен из строя холодильник, а машинное отделение начало затопливаться. Помпы могли лишь замедлить его полное затопление, к тому же они постоянно выходили из строя, так как их фильтры забивало угольной крошкой из пробитого бункера. Примерно около половины третьего полузатопленное правое машинное отделение пришлось оставить, остановив машину.

В этот момент крейсер последовательно, в течение одной минуты, накрыли сразу три залпа большого калибра. Один 305-миллиметровый снаряд вошел в палубу юта, проломил кормовой траверз левее кормовой башни, две поперечные полупереборки в батарейной палубе, разделявшие орудия, и разорвался, ударившись в станок средней шестидюймовки в левой батарее. Однако носовая часть снаряда пробил еще одну перегородку между орудиями, разбив кранцы первых выстрелов обоих носовых орудий левой батареи и вызвав возгорание рассыпавшегося пороха. В результате образовалось сразу два очага пожара, быстро набравшего силу. Вскоре от огня детонировали снаряды, и все оставшиеся в батарее и над ней орудия крейсера замолчали. Из башенных орудий могло действовать лишь одно левое орудие носовой башни. У правого был оборван ствол.

Второй снаряд этого же залпа прошел кормовую надстройку и заднюю трубу, разорвавшись от удара в основание мачты. Подрубленная взрывом мачта упала сначала на заднюю трубу, соскользнув после влево. Прямо на палубную шестидюймовку.

Затем сразу два снаряда такого же калибра поразили командирский мостик, который оказался полностью разрушенным, и там так же начался большой пожар. Остатки ходовой рубки рухнули на носовую башню, полностью лишив её подвижности. В боевой рубке были ранены командир крейсера капитан первого ранга Такеноучи и младший флагман первой эскадры вице-адмирал Мису, а также еще одиннадцать человек.

Третье накрытие пришлось в корму с левого борта под острым углом, но поскольку уже имелся серьезный крен на правый борт, то слева практически весь броневой пояс оказался задран над водой. Благодаря этому снаряд, легший за кормовой башней под самым бортом, попал ниже бронирования и, пройдя через обшивку и угольные ямы кормовой кочегарки, достиг левого машинного отделения, где и полноценно рванул, повредив паропроводы, котлы и главные механизмы. Корма начала быстро садиться в море, принимая воду все большим числом пробоин, опускавшихся, по мере увеличения дифферента, до уровня ватерлинии.

Крейсер совсем остановился и начал спускать уцелевшие шлюпки, уже не имея никакой возможности продолжать бой. Огонь по нему прекратили, взяв под обстрел тяжелых орудий «Асахи», в то время как русские крейсера, хотя и перестали приближаться, также не прекращали гвоздить по броненосцу из всех стволов, как по ближайшей цели. Японские корабли могли отвечать на очень мощный русский огонь только из орудий, способных стрелять в корму, часть из которых уже была разбита. Большая часть казематной артиллерии была обречена на бездействие, так как противник находился вне секторов их обстрела.

Учитывая, что взявший на себя роль нового флагмана «Ниссин» потерял боеспособность, командир «Асахи» капитан первого ранга Номото принял командование объединенным флотом на себя, распорядившись передать на броненосные крейсера фонарем через прорези боевой рубки приказ отходить на прежнем курсе для восстановления нормальной дистанции боя и держать строй. Но едва этот приказ успели передать, новая неожиданность полностью спутала все планы.

В 14:38 левее остатков отступающего японского флота, из ключев тумана, испачканного грязными дымными разводами, показались, отставшие было, старые русские корабли.

При этом снова, уже в который раз за этот бой, они имели заранее наведенные на японцев орудия и разворачивались к ним своим правым бортом, чтобы иметь полные залпы. Более того, бывшие когда-то замыкающими в их колонне, броненосцы береговой обороны и старые крейсера начали снова охватывать японский строй с левого фланга.

Едва показавшись из тумана, русские открыли кинжальный огонь полными бортовыми залпами с расстояния меньше мили по начавшим отворачивать от новой угрозы левофланговым японским крейсерам, даже еще не успевшим навести на них свои пушки.

Шедший крайним «Ивате» угодил под залпы сразу с двух броненосцев в упор и был полностью выведен из строя за считанные секунды, даже не успев толком ответить. Резко положив право руля, чтобы ввести в действие всю артиллерию левого борта против показавшихся у него прямо по курсу шести старых русских кораблей, крейсер был внезапно и очень точно обстрелян слева. Причем с него увидели своих обидчиков только после того, как они дали первые залпы.

Сначала по вспышкам дульного пламени удалось лишь определить направление, откуда велся огонь, где были обнаружены мачты трех кораблей, торчащие из дымки, и лишь после этого из полосы тумана проявились силуэты трех броненосцев, заканчивавших разворот на запад. На них тут же были наведены все оставшиеся орудия, но в этот момент шедший головным в этой тройке и опознанный как «Сисой Великий» дал залп всем бортом.

До противника было около 8 кабельтовых, так что почти все выпущенные русскими броненосцами снаряды попали в цель. На «Ивате» взорвался нижний кормовой каземат левого борта, что вызвало мгновенную детонацию боезапаса на втором ярусе этого же каземата. Мощнейшим взрывом двух почти полных комплектов снарядов разворотило борт до самого бронепояса, сорвало все броневые плиты казематов, а две плиты верхнего 127-миллиметрового пояса от кормового траверза к носу сдвинуло со своих мест, срезав половину болтов, их крепивших. Взрывной волной и осколками разбило ближайшую палубную шести-дюймовку, буквально сдув с палубы её расчет, и заклинило соседнее такое же орудие. Все орудия левого борта на кормовом мостике также вышли из строя, а сам мостик был сильно поврежден.

Взрывом проломило палубу нижнего каземата и разрушило шахту подачи боезапаса из боевого коридора левого борта, ранив троих человек в самом коридоре. Кроме того, начавшийся мощный пожар быстро проник и в боевой коридор, забитый мешками с боеприпасами, передвигаемыми по рельсам на его подволоке, где загорелись маты и пробитые шестидюймовые гильзы с зарядами. Все, кто уцелел, бросились со всех ног в погреба либо наверх. Но японцам снова повезло, если, конечно, можно назвать везением разбитые котлы, паропроводы и главные механизмы. Начавшийся в столь опасном месте пожар был быстро потушен водой, хлынувшей в две большие пробоины от двенадцатидюймовых снарядов, пробивших борт ниже ватерлинии и проникших в первое и второе котельные отделения и левую машину. А мощная струя пара, вырвавшегося из котлов и паропроводов, моментально заполнила весь коридор и прекратила распространение огня, благодаря чему взрыва не последовало.

Кроме этих ужасающих повреждений, русские первыми же залпами заклинили кормовую башню, которая даже не успела развернуться на врага, пробили тонкий пояс в подводной части под кормовым 76-миллиметровым орудием и чуть ближе к задней башне. Причем второе попадание было снарядом калибра 229 миллиметров, и он, легко прошив пояс, проломил также и скос бронепалубы. Через четыре подводные пробоины в корпус крейсера хлынула вода, откачивать которую было уже нечем. Пара в котлах не осталось, подача электричества прекратилась. Корабль начал быстро садиться кормой и крениться на левый борт. Тушить пожары пытались, используя ручные помпы, но их мощности было явно недостаточно, и огонь вскоре совершенно вышел из-под контроля, охватив всю кормовую часть.

Носовая башня успела дать пару залпов на ручном приводе, после чего также была взорвана прямым попаданием тяжелого снаряда. Взрыв боезапаса, хранившегося в стеллажах в задней части боевого отделения, полностью её разрушил, разворотив взрывной волной все палубы командирского мостика и ходовую рубку, проломив палубу бака и вызвав возгорание пороховых картузов в подачной трубе. По ним, как по запалу, огонь моментально добрался до погреба, и над носовой частью уже обреченного крейсера поднялся огромный огненный гейзер. К счастью, снарядный погреб к этому времени был уже почти пуст, и взрыв оставшихся в нем четырех бронебойных снарядов не смог проломить днище и вызвать детонацию соседних, уже затопленных и также почти пустых 152- и 76-миллиметровых погребов, лишь разворотив переборки и вызвав почти моментальное затопление подбашенного отделения через боевой коридор. Это несколько уменьшило дифферент на корму, зато в воду ушли еще две пробоины в верхнем поясе под носовым казематом, и крен начал расти еще быстрее.

Стрельба из оставшихся трех казематных шестидюймовок была затруднена значительным креном корабля и потому не была эффективной, а вскоре и вовсе прекратилась, так как заряжать орудия на перекосившейся палубе стало невозможно, а их стволы смотрели в воду под самым бортом, даже поднятые на максимальный угол возвышения.

Около трех часов в огромную пробоину на месте кормового каземата хлынула вода, перебиваясь через верхний пояс, полностью ушедший в воду, и крейсер стремительно повалился на левый борт, проваливаясь кормой.

Шедшие дальше к северо-западу «Якумо» и «Токива» оказались под очень плотным и точным обстрелом с «Нахимова» и еще двух устаревших русских крейсеров.

«Нахимов» бил из своей устаревшей артиллерии по ближайшему для него «Токиве». Его шесть 203-миллиметровых и пять 152-миллиметровых пушек, стрелявших на борт, были орудиями устаревших образцов и не могли стрелять часто, а бурый порох в зарядах главного калибра образовывал густые клубы дыма после каждого залпа, что еще больше увеличивало паузы между выстрелами. Но зато обслуживали эти пушки старые и опытные расчеты и их снаряды неизменно хорошо ложились в цель. Кроме того, в боекомплекте русского крейсера оставили только тяжелые снаряды.

На «Токиве» с самого начала оказалась выведена из строя носовая башня, получившая прямое попадание восьмидюймового снаряда левее амбразуры левого орудия. Хотя снаряд, попавший в броню под невыгодным углом, не смог ее пробить, лишь срикошетив в надстройку, но расчет башни получил сильнейшие контузии, а осколками брони, отколовшимися с внутренней стороны, разбило накатник и механизм горизонтальной наводки левого орудия, ранив четверых человек.

Отрикошетивший снаряд, проткнув надстройку, ударился в переднюю стенку носового верхнего каземата, прикрытую всего лишь двумя дюймами брони. Потеряв уже почти всю свою пробивную силу, 133-килограммовая стальная болванка застряла в этой преграде, а через доли секунды сработал взрыватель.

В результате детонации оставшихся в каземате снарядов разрушило его внутреннюю и заднюю переборки, сорвало и выбросило в море переднюю шестидюймовую броневую плиту, повредило орудие в нижнем ярусе и соседнюю палубную установку, а также обе 76-миллиметровые пушки на мостике. Получили осколочные повреждения первая труба и вентиляторы первой кочегарки. Начался сильный пожар, дым от которого мешал стрелять оставшимся орудиям.

А попадания не прекращались, но столь результативных больше не было. В главный и верхний пояс попало еще пять снарядов, но острый угол встречи брони и снарядов вызвал лишь снопы искр, сопровождавшие сравнительно безвредные рикошеты. Легкая потеря герметичности обшивки в результате смещения броневых плит не могла иметь фатальных последствий, так же как и разрушения жилых помещений экипажа и надстроек от остальных попаданий.

«Якумо», засыпаемый снарядами скорострелок с «Дмитрия Донского» и «Владимира Мономаха», быстро потерял обе палубные шестидюймовки левого борта, причем там, где они стояли, полыхал пожар и рвались приготовленные для стрельбы снаряды. Шестидюймовка в носовом верхнем каземате была заклинена и не могла стрелять. Три 76-миллиметровые пушки были разбиты, причем одна из них слетела со станка.

Из-за острых курсовых углов, на которых происходил бой, бронирование цитадели не было пробито ни разу, но носовая оконечность, надстройки и трубы были продырявлены почти четырьмя десятками снарядов, причем часто насквозь. Тонкий 89-миллиметровый пояс позади защиты носового торпедного аппарата был пробит дважды, и в эти пробоины начала поступать вода, так как они находились у самой ватерлинии и встречные волны их захлестывали.

Но, несмотря на ожесточенный обстрел и множество попаданий, «Якумо», единственный из всех, смог открыть достаточно серьезный ответный огонь, что заставило отвернуть на северо-восток старые русские крейсера и, в конечном итоге, позволило вырваться всем остальным.

Крейсер «Асама» получил свое первое попадание также еще до того, как вступил в бой. В момент самого первого разворота, еще в 13:53, его поразил в корму 305-миллиметровый снаряд с «Николая I», в результате чего оказался поврежден рулевой привод и заклинен руль в положении «лево руля». Крейсер, так и не выйдя из разворота, выкатился влево из строя и покинул боевую линию.

С этим повреждением удалось справиться достаточно быстро, и «Асама», уже через десять минут, бросился догонять свой флот, пропавший в тумане где-то на северо-востоке. В 14:06 были обнаружены русские корабли, бывшие замыкающими в их колонне. Они снова шли в строе уступа влево на полном ходу, держа курс на север-запад. Развернувшись на параллельный с ними курс, открыли огонь всем правым бортом по броненосцу береговой обороны, бывшему к крейсеру ближе всех («Апраксину»), и по двум устаревшим высокобортным крейсерам с казематной артиллерией, державшимся левее его.

Русские немедленно начали отвечать, используя лишь кормовые орудия, продолжая бить из носовых по отступающим японским крейсерам, которые, наконец, увидели и с «Асамы», но пока никак не могли догнать.

Дистанция была небольшой, и попадать обе стороны начали почти сразу. Однако если хорошо заметные разрывы японских фугасов на бортах русских кораблей никак не сказывались на их боевых возможностях, то практически незаметные попадания русских бронебойных снарядов и стальных гранат средних калибров сразу начали давать результат. Уже во втором залпе шестидюймовый снаряд разорвался в основании задней трубы, повредив осколками котлы в кормовом котельном отделении. Давление пара резко упало, в результате крейсер начал терять ход, который быстро снизился до 10 узлов. Прямое попадание в нижний край лобовой плиты получила кормовая башня. Хотя броня пробита не была, но башня все же вышла из строя до конца перестрелки. Были повреждены 76-миллиметровые орудия на крыше кормового каземата и на командирском мостике. Крупные осколки русских снарядов проникли в отсек кормовой динамо-машины, полностью выведя её из строя, что обесточило половину корабля.

А когда к русским скорострелкам присоединилась еще и кормовая башня обстреливаемого броненосца, точно положившая свой первый снаряд в корму японского крейсера, разрушив командирскую каюту и снова нарушив работу рулевого привода, положение «Асамы» стало просто критическим. Пока удалось восстановить управляемость, было получено еще три таких залпа, с одним попаданием. Причем осколки 254-миллиметрового снаряда, угодившего в правый борт и уничтожившего командирский буфет, пробили обшивку у ватерлинии по левому борту, пройдя поперек всего корпуса и прошив по пути две палубы и пять легких переборок. Через эти пробоины начало быстро затопливаться кормовые отсеки.

Через пять минут после начала этой стычки, едва починив руль, «Асама» резко отвернул влево. Снова покинув поле боя, крейсер направился к видневшимся чуть севернее двум поврежденным японским броненосцам, также отходившим на малом ходу для исправления повреждений.

«Микаса», выйдя из боя, пытался на полном ходу покинуть место маневрирования сражающихся флотов, но новая атака русских броненосцев не позволила этого сделать. Резко отвернувшись на северо-запад крейсера Камимурэ очень быстро прошли за кормой своего флагмана, начавшего сильно сбавлять ход, а открывшиеся за ними старые русские броненосцы, повернув вправо, открыли огонь из кормовых башен и казематов по японскому броненосцу.

К этому времени крен на правый борт был уже 6° и продолжал расти, так же как и дифференциал на нос. Переборки прогибались и трескались под напором сотен тонн воды, вливающейся в корпус. В носовой части, наиболее пострадавшей от огня русских крейсеров, затопления выше бронепалубы нечем было ограничивать, так как не осталось ни одной целой водонепроницаемой переборки. Даже сам настил защитной палубы имел множество повреждений и потерял герметичность, отчего постепенно были затоплены носовые провизионные кладовые, шкиперская кладовая и цепной ящик. Началась фильтрация в носовые погреба и боевой пост. Вода в кормовом котельном отделении продолжала прибывать, сочась через начавшие сдавать швы затопленных угольных ям. Нужно было срочно стопорить ход для заделки наиболее опасных пробоин, но это было возможно лишь после выхода из зоны боевого маневрирования обеих эскадр.

Вместо этого тяжело поврежденный броненосец снова оказался под огнем, начав отвечать из орудий левого борта и кормовой башни. Из-за густого тумана и сильной задымленности противники быстро потеряли друг друга из вида, но до этого «Микаса» успел получить дополнительные повреждения. Прямым попаданием была разбита кормовая башня главного калибра. Снаряд разорвался, еще даже не пробив толком броню лобовой плиты, но снопом осколков, влетевших в промежуток между орудиями, сильно повредило поворотный стол

башни, намертво его заклинив, и станки обеих пушек. Железо приняло на себя весь удар, так что расчет отделался лишь контузиями.

Другим попаданием такого же снаряда, прошедшим до этого через офицерские жилые помещения, был пробит кормовой траверз левее барбета у самой бронепалубы. Едва проломив броню, снаряд остановился, так и не взорвавшись. Около десятка среднекалиберных попаданий легли в корму, сильно разрушив адмиральские помещения и каюты офицеров, где начался пожар. В целом, полученные повреждения не были смертельными но, уходя из-под обстрела, броненосец потерял почти десять минут драгоценного времени.

За эти десять минут вода смяла и порвала внутреннюю продольную переборку угольных ям правого борта второй кочегарки, и отделение начало быстро заполняться водой. Водоотливные средства не справлялись. Приемники эжекторов осушительной системы почти сразу забило углем. В аварийном порядке стравили пар из котлов и загасили топки, еле успев эвакуировать людей. Крен вправо дошел до 8°, а в корме вода хлынула через две пробоины в верхнем поясе, опустившиеся под воду. Кроме того, полностью погрузился в воду 10-миллиметровый пояс позади цитадели, и волны начали захлестывать в пробоины небронированного борта, считавшиеся до этого безопасными. Срочными контрзатоплениями удалось уменьшить крен до 3°, но корма продолжала погружаться, быстро увеличивая и без того сильно возросшую осадку. Вся самая толстая броня по ватерлинии ушла под воду, и броненосец погрузился почти до батарейной палубы.

Едва вырвавшись из-под обстрела, занялись срочной заделкой множества ставших подводными пробоин. Пластыри, заведенные на пробоины в носу, позволили прекратить поступление воды в носовые отсеки, но кормовые пробоины перекрыть полностью не удавалось, и броненосец продолжал садиться все глубже.

«Сикисима», покинув линию, вскоре присоединился к отступающему «Микасе», участвуя вместе с ним в перестрелке со старыми русскими кораблями. Он, так же как и флагман, остро нуждался в срочной заделке пробоин, а вместо этого получил дополнительные повреждения кормовой части, в том числе подводную пробоину в левом борту. Два попадания тяжелых бронебойных снарядов пришлось в батарейную палубу и вывели из строя два каземата, к счастью, без взрывов и пожаров. Когда, наконец, удалось окончательно выскочить из боя, броненосец был уже практически обречен. Вода в правом машинном отделении поднялась на полметра выше настилов, залив мотылевые колодцы и нижние шейки вала. При работе механизмов эта вода, смешанная с маслом, разбрызгивалась по отсеку, до крайности осложнив обслуживание машины, которая начала работать со все усиливающимся стуком. Кроме того, появилась сильная вибрация. Видимо, пострадал и сам правый вал или его подшипники. Вскоре машину пришлось остановить.

Имея разбитое и затопленное румпельное отделение, одну лишь левую действующую машину и поврежденный правый вал, корабль потерял возможность идти прямо. А быстро прибывавшая вода, которую уже нечем было откачивать (почти все водоотливные средства вышли из строя), сажала корабль все глубже. Начали сдавать переборки, и командир приступил к эвакуации экипажа, остановив свой обреченный броненосец рядом с флагманом, к которому уже приближался заметно севший кормой «Асама». Из-за свежей погоды спустить шлюпку или катер было довольно сложно, кроме того, ни на одном из японских кораблей не осталось неповрежденных мелких плавсредств, поэтому «Асама» пришвартовался с подветренного борта «Микасы», и адмирал с частью своего штаба перешел на крейсер.

Получив наконец-то возможность заняться своими повреждениями, «Микаса» подождал к себе сигналом «Асаму», чтобы адмирал Того мог перейти на крейсер и присоединиться к своему флоту, снова его возглавив. Сам «Микаса» уже совершенно не годился для этого. Вода

продолжала прибывать, и нужно было срочно вести броненосец к ближайшему берегу, каковым являлся остров Окиносима. (Едва достигнув острова и приткнувшись к его северному берегу, он начал быстро погружаться кормой, плотно сев на грунт и полностью затонув к полуночи. Над водой возвышались примерно три четверти корпуса. Палуба в корме ушла под воду.)

Адмирал Того, перейдя на борт «Асамы», хотел немедленно двинуться на звуки канонады, но повреждения крейсера требовали срочного ремонта, к тому же дать ход сразу не удалось. В корме вода затопила несколько помещений, а на средней палубе её уровень доходил до колена. Осадка кормой увеличилась на полтора метра, но повреждение удалось локализовать и поступление воды прекратилось. К сожалению, осушить затопленные отсеки не было никакой возможности, и максимальный ход крейсера упал до 17 узлов. Радиостанция была разбита, антенны оборваны, так что управлять флотом с нового флагмана было весьма затруднительно.

Пока исправляли повреждения, появилось авизо «Чихайя». Воспользовавшись его станцией беспроволочного телеграфа, Того передал приказ всем японским кораблям в Цусимском проливе, не связанным боем, собраться у острова Окиносима. Для прояснения обстановки авизо отправили на северо-запад, на поиск основных сил объединенного флота, с приказом оставаться при них и вести их на «Асаму».

С начала боя «Асахи» находился под достаточно плотным обстрелом, что, впрочем, невозможно сравнить с тем, что творилось на «Микасе» и «Сикисиме». Однако броненосец успел получить серьезные повреждения до того, как были выбиты из строя оба головных корабля. Стремительное сокращение дистанции боя привело к быстрому росту числа попаданий. Столь быстрого накопления повреждений, как в этом бою, не видел еще ни один флот в мире. Несмотря на то, что первые полчаса «Асахи» обстреливался, скорее всего, лишь из соображений затруднить его собственные действия и преимущественно из мелких орудий, на нем были большие потери в экипаже, в том числе и в надежно прикрытой броней боевой рубке.

«Около двух часов 75-миллиметровый снаряд ударил в фок-мачту. Его осколки влетели в боевую рубку, ранив нескольких человек. Квартирмейстер Ягинума, стоявший на руле, получил осколок в правое плечо, но продолжал держать штурвал левой рукой, сохраняя невозможное выражение лица, лишь попросив стоявшего рядом с ним минного офицера осмотреть плечо. Рана оказалась достаточно большой, чтобы просунуть в неё палец. Ягинума был бледен как мел, но продолжал управлять кораблем, пока его не сменили, лишь потом отправился на перевязку». Следующими разрывами русских снарядов в районе командирского мостика был убит старший помощник командира корабля капитан второго ранга Кититаро Того и старший артиллерист.

Однако самые опасные повреждения броненосец получил в конце боя, находясь под продольным огнем с тяжелых русских кораблей. Несмотря на несколько возросшую дистанцию, попадания следовали одно за другим. Даже снаряды среднего калибра прошивали вдоль почти полкорпуса корабля, прежде чем разорваться, оперевшись в серьезное препятствие, а тяжелые – просто сметали с пути эти преграды, проникая во все отсеки и круша все на своем пути.

К тому моменту, когда русские решили выйти из боя, «Асахи» уже имел дважды пробитый кормовой траверз, абсолютно разбитые кормовые жилые помещения и надстройки, большей частью выбитую артиллерию в казематах и на верхней палубе правого борта быстро нарастающие затопления вдоль всего пострадавшего борта, как от подводных пробоин, так и от выскочивших заклёпок и разошедшихся швов обшивки. Водоотливные средства едва справились с быстро прибывавшей водой.

Однако третья атака русских броненосцев и крейсеров не дала возможности справиться с этими повреждениями. Снова пришлось дать полный ход, для восстановления приемлемой дистанции боя, что ускорило затопление ряда отсеков в носу и еще больше увеличило осадку.

Новые попадания нанесли дополнительные повреждения, отсрочив выполнение первоочередных мероприятий по борьбе за живучесть, что осложнило все эти работы в дальнейшем.

К началу четвертого остаткам японского объединенного флота удалось оторваться от атаковавших его с двух сторон русских отрядов. Начавшие разбегаться в разные стороны броненосные крейсера были собраны вместе сигналом с «Асахи». В этот момент с востока показало авизо «Чихайя», с которого передали приказ командующего о сборе всех кораблей. К этому времени последний японский броненосец окончательно потерял боеспособность. Нужно было двигаться к ближайшей своей базе, которой оказался залив Миура, на восточном берегу Цусимы, для срочного ремонта, но сначала пришлось остановиться, для заделки пробоин у ватерлинии и ниже. Но заведенные наспех пластыри помогли мало, и полностью остановить прогрессирующие затопления не удавалось. Пробоин и повреждений было слишком много. Едва дали малый ход вперед, как все пришлось начинать сначала, пластыри отошли, и вода хлынула в искалеченный корпус с новой силой.

Лежа в дрейфе, развернувшись носом на восток, чтобы волны не били в поврежденный борт, пытались подвести дублирующие пластыри, когда в 16:15, совершенно неожиданно, чуть впереди левого траверза показались русские броненосцы в строе кильватера, несшиеся на полном ходу прямо на японцев. Немедленно отдали приказ в машину дать полный ход, резко положив руля вправо, но русские приближались очень быстро. Казалось, что уже ничто не спасет подбитый броненосец от неминуемой гибели, но вдруг, совершенно неожиданно, приближавшиеся корабли Рождественского начали последовательно отворачивать на восток, куда еще недавно ушли японские крейсера. Одновременно с поворотом русские начали пристрелку двухорудийными залпами главным калибром со второго в строю броненосца с большой дистанции, превышавшей 40 кабельтовых.

С мостика было хорошо видно, что теперь у них не хватает уже двух новых броненосцев и обоих броненосных крейсеров. А едва различимый за колонной главных сил отряд легких крейсеров состоит теперь всего из трех кораблей. Это известие вызвало трехкратное «Банзай» во всех палубах броненосца. Начавшийся обстрел не принимали всерьез, учитывая дистанцию открытия огня и тот факт, что теперь русские удалялись, почти на контркурсе. Было достоверно известно, что стрельба на дальности свыше 30 кабельтовых в русском флоте не освоена, тем более на этой, наспех сформированной и необученной эскадре. На самом «Асахи» не осталось ни одного целого дальномера, так что открыть ответный огонь не было никакой возможности.

Однако, к удивлению всех японских офицеров, русским удалось накрыть свою цель уже пятым залпом (всего через четыре минуты с момента начала обстрела), после чего начали стрелять все остальные большие броненосцы, кроме головного. «Их снаряды поднимали большие фонтаны воды в опасной близости от «Асахи». Они круто входили в воду с противным воем, тянущим нервы, оставляя за собой светящийся след, а из-за волнения моря, казалось, что они извиваются в воде». Было выпущено уже около полусотни снарядов, легших рядом, но все же мимо. Вскоре старые русские броненосцы прекратили огонь, так как последний залп с «Наварина» лег недолетом. Все уже вздохнули с облегчением, но «Сисой» и два «Суворова» дали еще несколько залпов.

Один снаряд в их предпоследнем залпе все же достиг цели. Попав в палубу юта и легко прошив её и батарейную палубы, он ударил в бронепалубу позади и правее барбета. Поскольку траектория его полета на завершающем отрезке была достаточно крутой, а прочный и сравнительно короткий корпус этого фугасного снаряда в принципе не имел склонности к ricochetированию при падении сверху, он проломил броню, разорвавшись над подводным торпедным аппаратом правого борта, полностью его разрушив вместе с заряженной в него торпедой. Осколками брони и снаряда была пробита и приготовленная рядом запасная торпеда. Её воз-

душный резервуар взорвался, а обломки моментально вспыхнули, облитые разлившимся керосином.

Срочно начали затапливать расположенные рядом кормовые погреба, но потушить начавшийся пожар в торпедном отсеке не удавалось. Взрывом снаряда, а потом и воздушного резервуара перекосило все люки и двери. А помещения над бронепалубой быстро заполнились едким дымом. Через семь минут, когда русские уже совсем скрылись на востоке, от жары взорвались боевые отделения торпед, и просто чудо, что не детонировали снаряды в полузатопленных погребах. От мощнейшего сотрясения рухнула на палубу едва стоявшая задняя труба. В образовавшуюся огромную подводную пробоину хлынула вода, моментально потушившая пожар, но броненосец теперь было уже не спасти. Сильные вибрации, словно судороги, долго не стихали в корпусе, заставляя дрожать переборки и палубы.

Взрывом разбило сальники и подшипники правого гребного вала, перебив и сдвинув с места сам вал, поэтому, вслед за подбашенным отделением и отсеком торпедных аппаратов начало быстро затапливать правое машинное отделение. Быстрое увеличение осадки кормой привело к тому, что через ушедшие в воду пробоины, бывшие когда-то надводными, и дыру от убитого броненосца снаряда в бронепалубе стало затапливать также все помещения средней палубы позади траверза. Через поврежденный верхний пояс вода заливала отсеки внутри цитадели.

Орудия нижних казематов попытались втянуть внутрь по-походному, но это удалось далеко не везде. Также затопили несколько коридоров и небольших отсеков левого борта в качестве контрмер. Броненосец качнулся сначала влево, окутанный густым дымом, а затем быстро повалился на правый борт. Крен и дифферент на корму росли с угрожающей скоростью, а все средства борьбы за живучесть были исчерпаны. В сложившейся ситуации командиру не оставалось ничего другого, как начать срочную эвакуацию экипажа.

Поскольку целых шлюпок на «Асахи» не осталось, за борт полетело все, что могло плавать: деревянная отделка внутренних помещений, матросские койки, брусья с ростров. Люди просто прыгали за борт. Раненых вынесли на ют, разместив их на импровизированных плотках, собранных веревками из подручных материалов.

Вода быстро поднялась до уровня орудийных портов, часть из которых была разбита, и хлынула через них в батарейную палубу, разливаясь по всем помещениям корабля. Под воду ушел уже почти весь правый борт, покрытый пробоинами, когда с покаленного русскими снарядами мостика спустился командир капитан первого ранга Номото и старший штурман, единственные старшие офицеры, уцелевшие на броненосце. Обойдя весь корабль, они просто вошли в воду, уже захлестывавшую верхнюю палубу в корме, и отплыли прочь. В 16:57 броненосец перевернулся вверх килем и довольно долго плавал в таком положении, затонув примерно через полчаса кормой вперед, высоко задрав форштевень.

Когда остатки объединённого японского флота, только что вырвавшиеся из-под русских снарядов, нашло авизо «Чихайя», они отходили малым ходом на юго-запад, собравшись вокруг броненосца «Асахи». Все корабли имели достаточно серьезные повреждения, но больше всех досталось, конечно, броненосцу. Вообще в этом бою русские уделяли больше всего внимания именно броненосцам, все время стараясь держать их под сосредоточенным огнем нескольких кораблей, максимально используя возможности для охватов, стремясь поставить их под продольный огонь. Для этого они даже пожертвовали своими последними броненосными крейсерами.

Но эта варварская тактика давала хорошие результаты. Ценой практически гарантированной потери двух больших, пусть и не самых удачных крейсеров, вызвавших на себя огонь японских броненосцев, русским удалось держать под продольным обстрелом со своих тяжелых кораблей все японские корабли линии.

Учитывая, считавшееся избыточным, бронепробивающее действие русских снарядов, это позволило превратить их недостатки в преимущества. Русские броневой снаряды, выпущенные с оптимальной для них дистанции, прошивали тонкое траверзное броневое прикрытие артиллерии, водонепроницаемые переборки. Идя вдоль корпусов японских кораблей, они, даже если не взрывались, производили серьезные разрушения внутри, нарушали внутрикорабельную связь и даже проникали в считавшиеся хорошо прикрытыми котельные отделения, без пробития всех слоев броневой защиты. (Эта защита просто не рассчитывалась на такое воздействие.) Даже несмотря на малое фугасное действие своих боеприпасов, русским удалось нанести очень серьезные повреждения всем без исключения кораблям первого и второго японских отрядов.

Их бешеный натиск с самых первых минут боя не позволял опомниться и принять верное решение. С самого начала они диктовали японцам свою волю и делали все, что хотели, и так, как хотели. Это было совершенно не похоже на тот русский флот, с которым японцы привыкли иметь дело. И это вызвало серьезное замешательство, не позволившее отреагировать адекватно на все их выходы. На протяжении всей схватки приходилось только отбиваться. Любой маневр русского флота был совершенно неожиданным, но в то же время максимально эффективным. Теперь это был противник, у которого нужно было учиться.

Но для осмысления всего этого необходимо время, которого не было. А еще нужно было, чтобы все японские офицеры, имевшие дело с русскими сегодня, собрались вместе и обсудили то, через что им пришлось пройти. Но большинство из тех, кто выжил сегодня и приобрел этот бесценный боевой опыт, попали в русский плен, будучи подобранными из воды противником после гибели своего корабля. Сегодня отступали с поля боя, если оставалось кому, только японцы, поэтому все трофеи доставались русским.

Получив приказ Того, все оставшиеся четыре броненосных крейсера двинулись малым ходом, вслед за авизо, на восток, на ходу производя неотложные работы по заделке наиболее опасных пробоин. В то время как «Асахи» продолжил свое движение к Цусиме.

Вскоре с шедшего головным «Касуги» обнаружили в 60 кабельтовых, чуть впереди правого траверза, «Асаму» на встречном курсе под адмиральским флагом. Крейсера повернули вправо и пошли на сближение. Спустя три минуты после поворота снова справа, в тумане, были обнаружены два парохода, шедших на северо-восток и имевших яркую белую окраску. Эти пароходы были очень похожи на русские госпитальные корабли. Новость немедленно передали на «Асаму», с которого был получен приказ захватить транспорты.

Получив этот приказ, крейсера легли на запад-северо-запад и увеличили ход до 13 узлов. Почти сразу же их обнаружили русские и подняли сигнал: «Являемся госпитальными судами и находимся под защитой Красного Креста. Следуем для спасения терпящих бедствие».

В ответ с «Касуга» передали приказ: «Немедленно остановиться!»

Тогда русские еще раз повторили свой сигнал.

Теперь оба транспорта были хорошо видны и с «Асамы». Прочитав сигнал с русских судов, на новом японском флагмане подняли: «Немедленно остановиться и не пользоваться телеграфом! В случае неповиновения открываем огонь!»

На что русские ответили: «Имеем на борту больных и раненых» и продолжали следовать своим курсом, но вскоре, видя, что «Асама» режет им курс, резко отвернули влево и начали набирать ход.

Тут же грянул пристрелочный залп с «Асамы», легший с недолетом. Вслед за флагманом открыли огонь и остальные японские корабли, ложась на параллельный с русскими курс и увеличив ход до 16 узлов. Транспорты металась под обстрелом, уходя из-под накрытий, но японцы быстро догоняли. Вскоре во второй транспорт, явно более тихоходный, попал 203-миллиметровый снаряд с «Адзумы». После попадания начался пожар под палубой в корме, но русские и не думали останавливаться, держа курс на запад и максимальные обороты на винтах.

Добившись попадания, «Адзума» перешел на беглый огонь, но это попадание так и осталось единственным. Почти сразу с «Асамы» просигналили, что прямо по курсу показался противник, и приказали сомкнуть строй, встав в кильватер флагману.

«Касуга», а следом и остальные, резко повернул вправо, в то время как «Асама» сбавил ход. На западе были видны дымы нескольких кораблей, вскоре проявившиеся в виде трех русских бронепалубных крейсеров на встречном курсе. Несмотря на то, что до них было почти 50 кабельтовых, они открыли огонь, причем достаточно точный. Их снаряды падали в опасной близости от «Касуги» и «Адзумы». Это заставило перенавести всю артиллерию на новые цели, так и не добив транспорты.

В момент начала перестроения японских сил с северо-востока показались низкие силуэты миноносцев, вскоре опознанные как корабли 2-го и 5-го отрядов истребителей, быстро догонявшие «Асаму». Это подкрепление оказалось как нельзя кстати.

Русские крейсера взяли правее и сбавили скорость, прекратив огонь, как только перестали обстреливаться их госпитальные суда. Вскоре за крейсерами показались еще дымы, опознанные к концу перестроения как русские броненосцы. Дистанция была определена примерно в 7 миль, и они находились на 6 румбов впереди траверза головного «Асамы». В голове колонны броненосцев шли три корабля типа «Суворов». Только три, а не четыре! А трехтрубного броненосца «Ослябя» вообще не было видно. И горизонт вокруг был пуст. Ни одного дымка, если бы отстал еще кто-то. Не было видно и «России» с «Громобоем» и ни одного из их миноносцев, бросавшихся еще совсем недавно в самоубийственные атаки. В бинокли и подзорные трубы, даже с такого расстояния, было хорошо видно большие разрушения на головном корабле, но точно опознать его не удавалось. Откуда-то из кормовых помещений все еще поднимались клубы дыма. Кормовая башня была развернута влево и не двигалась, видимо, выведенная из строя.

Русские шли встречным курсом большим ходом, в то время как пять японских крейсеров держали 15 узлов, также идя им навстречу. На этот раз миноносцы были только у японцев, а их тяжелые артиллерийские корабли приближались к противнику своим наименее пострадавшим левым бортом, имевшим полностью готовые к бою орудия, в то время как русские броненосцы вынуждены были принять бой своим уже пострадавшим в предыдущем бою бортом. И на этот раз Того не собирался подпускать их слишком близко. После краткого обмена флажными сигналами японские крейсера изготовились к бою.

Дистанция сокращалась очень быстро. Подошедшие японские миноносцы быстро догнали свои крейсера, держась с правого борта. В 16:46 до головного русского броненосца было уже 30 кабельтовых, и «Асама» начал пристрелку. Ему ответили русские бронепалубные крейсера, оказавшиеся на его траверзе в 23 кабельтовых, вскоре перенесшие огонь на концевой «Якумо». А броненосцы поначалу не отвечали, хотя носовая башня головного и все остальные на других больших броненосцах были наведены на японские крейсера. Лишь спустя примерно полторы минуты второй в русской колонне броненосец начал отвечать одиночными выстрелами из носовой башни главного калибра, пристрелявшись одновременно с «Асамой». Вместе с первым его залпом (выстрелом левого орудия в носовой башне) шедшие в хвосте колонны старые русские корабли начали отворачивать влево, покинув общий строй и забирая все больше к норду.

Едва была нащупана дистанция, все пять японских броненосных крейсеров обрушили всю свою огневую мощь на головной, уже серьезно поврежденный русский корабль. По приказу Того, стреляли вперемешку фугасными и бронебойными снарядами, но из-за слишком большой концентрации огня на одной цели корректировка была чрезвычайно затруднена, что, несомненно, сказывалось на его качестве. И, тем не менее, обстреливаемый броненосец получал множество попаданий, совершенно не отвечая на обстрел, в то время как шедшие за ним пять кораблей, после того как русские добились накрытия по «Асаме», открыли огонь по пер-

вым двум японским крейсерам из 305-миллиметровых башен, а легшие совсем на норд броненосцы береговой обороны и три старых крейсера образовали уступ в сторону японцев, шедший им наперерез, и открыли огонь по третьему и четвертому в строю «Адзуме» и «Токиве» с носовых углов левого борта из тяжелых орудий.

Русские залпы были намного реже, но зато ложились в строгой очередности, что позволяло вносить поправки и положительно влияло на точность стрельбы.

В 16:50, как только обе стороны начали огонь на поражение, все восемь японских миноносцев обоих отрядов бросились в атаку на головные русские корабли, почти достигшие траверза «Асамы». По ним немедленно открыли огонь все орудия средних и противоминных калибров русской эскадры, в том числе и головного броненосца, очень сильно страдавшего от японских снарядов. Но его огонь был не эффективным и быстро ослабевал. На нем одна за другой были сбиты обе мачты. Начались пожары по всему кораблю. Временами он полностью скрывался за разрывами снарядов в воде и на его бортах. Вскоре он покатился влево, видимо, получив повреждение руля.

Но и японцам тоже доставалось крепко. Под редким, но очень точным огнем тяжелых орудий они были вынуждены взять на два румба правее, чтобы увеличить дистанцию. А когда совершенно явно обозначилась угроза охвата головы их компактной колонны, еще повернули вправо. В то время как миноносцы увязли в затянувшейся атаке, перешедшей почти на параллельные с противником курсы. Ураганный огонь русских скорострелок не позволил истребителям просто пройти сквозь строй эскадры Рожественского, как это планировалось изначально, а погнал их на восток. Так была хоть какая-то надежда приблизиться к кому-нибудь из головных броненосцев на дистанцию выстрела торпедой. По причине почти полной дезорганизации огня с головного броненосца интенсивность обстрела в восточном секторе была заметно ниже. Сюда доставали лишь орудия ушедших вперед крейсеров да часть артиллерии шедших следом за флагманом броненосцев. Все остальные стреляли уже с приличной дистанции и поэтому были не столь опасны.

В 16:55 бронепалубные крейсера русских начали последовательно отворачивать влево, намереваясь, по всей видимости, попытаться произвести охват хвоста колонны японских броненосных крейсеров. Кроме того, этот маневр мог отрезать атакующие японские миноносцы от своих крейсеров, но они упрямо продолжали сближение, выжимая все что могли из своих машин, не жалея трещавших и хрустевших от огромных напряжений в металле корпусов, начавших «дышать» на волне при такой скорости. До практически потерявшего боеспособность, головного русского корабля было уже около мили, когда японские легкие силы, меньше чем за минуту, лишились половины своего состава.

Сначала «Оборо» получил двоянное попадание 152-миллиметровым снарядом в первое котельное отделение. Первый снаряд просто пробил корпус наискосок, без разрыва (правда, ниже ватерлинии и зацепив, по пути, переднюю водонепроницаемую переборку носовой кочегарки). Зато второй, также попав в корпус уже в подводной его части и пройдя сквозь угольную яму правого борта, пробил котел и разорвался у внутренней переборки угольной ямы левого борта, пробив осколками днище, обе поперечные переборки отсека и разбив главный паропровод. Спустя секунду с кормы миноносец догнал еще один среднекалиберный снаряд, разорвавшийся в жилых помещениях правого борта и также пробивший своими осколками обшивку под водой. Миноносец окутался паром и полностью потерял ход, начав быстро садиться носом в воду.

Затем «Кагеро» угодил под кучное накрытие с одного из бронепалубных крейсеров. На нем был разбит руль, в результате чего корабль вынесло влево. Рухнула первая труба, а котлы в котельном отделении под ней разбило осколками. Кормовой торпедный аппарат получил прямое попадание и слетел за борт. Минимум тремя снарядами, разорвавшимися в угольных ямах, сильно разворотило правый борт на ватерлинии напротив второго котельного и машинного

отделений. Угольные ямы быстро затопило, и вода хлынула через разбитые продольные переборки во внутренние отсеки миноносца. К этому добавился еще и кренящий момент от крутого поворота, окончательно положивший корабль на бок.

«Югири» получил попадание шестидюймового снаряда с кого-то из старых броненосцев под мостик. Его взрывом перебило рулевой привод от штурвала и повредило котлы в носовом котельном отделении. Корабль начал сильно рыскать на курсе, резко сбавив скорость и получив за следующие несколько секунд еще семь 75-миллиметровых снарядов. Начало затапливать машинное отделение и носовые отсеки, и миноносец остановился, продолжая получать снаряды, сыпавшиеся со всех сторон.

«Икадзучи» получил свой первый снаряд раньше всех, еще в самом начале атаки. Его взрывом разрушило каюту командира, вызвав там пожар. Через осколочные пробоины начало затапливать кормовой патронный погреб. Затем миноносец попал под накрытия трехдюймовок со второго в русской колонне броненосца, получив пять или шесть попаданий. Загорелись кранцы первых выстрелов у носового орудия, была повреждена левая машина, но он продолжал сближение, пока прямым попаданием шестидюймового снаряда с того же броненосца не была разбита боевая рубка. Орудийная площадка 76-миллиметровой пушки сразу просела вниз, а погружающийся кормой миноносец бросило в левую циркуляцию.

Двукратное уменьшение числа целей для русских противоминных пушек позволило резко повысить интенсивность обстрела оставшихся четырех миноносцев. В результате им пришлось прервать атаку и резко отвернуть к северу, выходя из-под огня. Но русские продолжали бить по отходящим истребителям из мелких орудий, пока не потеряли их в своем дыму.

Более того, они развернули оба свои, оставшиеся боеспособными, новые броненосцы и тихоходную троицу – «Николай», «Наварин» и «Сисой» – вслед за миноносцами, снова бросившись во фронтальную атаку всеми силами, догоняя уже сильно выдвинувшиеся к северу и отделившиеся от них свои старые корабли.

Видя это, Того приказал начать отход, не желая сокращать дистанцию боя. Одновременно под обстрел были взяты все русские корабли, шедшие на пересечение курса японских крейсеров и начавшие последовательно ложиться на параллельный с японцами курс. Дистанция до них была небольшой, поэтому с первых же залпов японским комендорам удалось добиться попаданий. Замолчала кормовая башня на одном из русских малых броненосцев, получившая прямое попадание 203-миллиметровым снарядом, на другом перестали стрелять скорострелки, третий несколько раз подряд плотно накрывали залпы с «Якумо» и «Токивы» с несколькими достоверными попаданиями. Были отмечены также попадания в «Нахимова», шедшего замыкающим и крайним правобортным кораблем в их атакующих порядках. Два казематных крейсера, возглавлявших «подрезающий» отряд, но имевших наименьшую боевую ценность, обстреливали по остаточному принципу, то есть почти совсем не обстреливали, так как 76-миллиметровых пушек на японских кораблях почти не осталось, а все остальные стволы били по более приоритетным целям.

Японские броненосные крейсера шли плотной кильватерной колонной, возглавляемой «Асамой», ставшим новым флагманом объединенного флота. Компактное построение давало возможность легко маневрировать в бою, без риска развалить строй, в то же время позволяя добиваться высокой концентрации огня на желаемом направлении. Даже изрядно потрепанные пять крейсеров, оставшиеся у Того, намного превосходили по огневой мощи шесть русских кораблей, являвшихся сейчас для них основными противниками, и тем не менее полностью подавить их ответный огонь им не удавалось.

Русские башни стреляли не часто, но очень точно. Они снова оказались на выгодной для себя дистанции. Их тяжелые бронебойные снаряды проникали слишком глубоко в корпуса японских кораблей, чтобы это все проходило бесследно. «Асама» был под обстрелом тех же кораблей, что три часа назад выбили его из боевой линии во второй раз, так и не дав поучаст-

воват в большом бою. И ему снова не повезло. Если около десятка попаданий среднекалиберных снарядов с двух головных крейсеров смогли лишь выбить одну палубную шестидюймовку, не считая пробитых труб, снесенных раструбов вентиляторов и сквозных пробоин небронированного борта в оконечностях, то уже первое попадание из единственной оставшейся носовой башни шедшего за ними броненосца оказалось очень болезненным. Снаряд, снова угодивший в корму, вошел в левый борт сразу за кормовой башней, всего в одном футе от поверхности воды, над самым бронепоясом, уже почти ушедшим в воду в этом месте. Пройдя весь корпус по диагонали, пробив водонепроницаемую переборку на 185-м шпангоуте и вспоров настил средней палубы, он разорвался уже у правого борта в подводной части, напротив отсека рулевой машины, прямо под самой первой пробоиной от 305-миллиметрового снаряда в уже затопленных от прежних повреждений помещениях. При этом его ударом и последовавшим взрывом вывернуло наружу нижний край у двух плит 89-миллиметровой гомогенной стали-никелевой брони кормового пояса, распоров ими заклепочный шов обшивки борта. Эта трещина своим нижним краем уходила под бронепалубу, и через неё вода начала заливать рулевую машину. А через входное отверстие стали захлестывать волны, распространяя затопление дальше в нос, вплоть до траверза.

Следующим попаданием с броненосца разворотило борт в жилой палубе экипажа. Видимо, снаряд оказался фугасным. Его осколки вывели из строя противоминную пушку в носовом каземате, пройдя по внутренним помещениям корабля больше 15 метров и пробив четыре легкие переборки. Затем таким же попаданием разрушило три офицерские каюты по левому борту и вконец доломало все, что еще оставалось целым в каюте командира. В разрушенных помещениях начался сильный пожар. И наконец, одним из последних залпов была сбита грот-мачта и разбита кормовая башня главного калибра. Снова взорвались остатки боезапаса, но, к счастью, снарядов в ней уже было не много, а снарядный погреб вообще пуст. Быстро выгоревшие остатки зарядов в подбашенном отсеке уничтожили всех, кто там находился, но тяжелых повреждений не было.

Шедший следом «Касуга» получил прямое попадание тяжелого снаряда в боевую рубку с пробитием брони, но удержался в строю. Затем три залпа подряд – обстреливавший его броненосец береговой обороны накрывал носовую часть крейсера. С кормового мостика «Асамы» видели, как русские тяжелые снаряды прошивали насквозь оба борта и улетали в море, чаще без разрыва. Однако вскоре «Касуга» начал садиться носом, все больше зарываясь в волны, видимо, была повреждена подводная часть. Но больше всего бед наделал 305-миллиметровый снаряд от кого-то из догонявших броненосцев, попавший в палубу, левее кормовой башни уже в самом конце боя. От этого попадания, так же как и на «Ниссине» ранее, вспыхнул огромный пожар в батарее, из-за чего замолчали все орудия стрелявшего борта.

«Адзума» получил два фугасных снаряда в мостик, который был ими полностью разрушен. Осколками этих снарядов, влетевшими в амбразуры боевой рубки, были убиты командир крейсера капитан первого ранга Мураками и британский военно-морской атташе капитан первого ранга Пакингхем. Все оборудование рубки вышло из строя.

Разрывом снаряда на кормовом мостике вывело из строя две 76-миллиметровые пушки левого борта и тяжело ранило старшего офицера корабля Того Сидзуносукэ, а также еще восемь человек в кормовой рубке, разбив запасной штурвал. Крейсер теперь мог управляться только из центрального поста или из румпельного отделения. Попаданием тяжелого бронебойного снаряда в нижний край дула левого орудия кормовой башни ствол пушки согнуло дугой, а снаряд, срикошетив вниз, задел переднюю часть барбета по касательной под самой башней. Отскочив от него, он вспорол верхнюю палубу, как консервным ножом, и ушел под надстройку, где и взорвался, вызвав пожар. Этим попаданием была заклинена башня, так как осколки брони зажали опорные ролики. Следующим попаданием был пробит тонкий пояс в корме напротив

башни над самой ватерлинией, и вода начала заливать среднюю палубу, когда волны захлестывали пробоину. Из-за этого крейсер начал крениться влево и садиться кормой.

«Токива» был под огнем наиболее медлительного из всех «Нахимова», но тоже не смог избежать повреждений. В борт, позади уже разбитого носового каземата, попал 203-миллиметровый снаряд, вызвавший пожар в районе первой трубы. Осколки этого снаряда вызвали короткое замыкание в распределительном щите носовой динамо-машины, из-за чего там начался пожар, быстро охвативший весь отсек. Близкими разрывами 152-миллиметровых снарядов были разбиты обе 76-миллиметровые пушки на командирском мостике, а ходовая рубка была разрушена и горела. После серии попаданий в район второй трубы осколками снарядов, попавшими в кормовую кочегарку через дымоход, были повреждены два котла, давление пара начало падать, но пока удавалось держать достаточно высокий ход. Близким разрывом разбило и кормовую динамо-машину, полностью обесточив корабль. Подводных повреждений не имелось, но без электричества современный крейсер, имевший исправной больше половины своей артиллерии, полностью утратил боеспособность⁴⁰.

На замыкающем «Якумо», при отходе японской эскадры, оказался сосредоточен почти весь огонь русских больших броненосцев. Он получил попадания в оба кормовых каземата на верхней палубе 305-миллиметровыми снарядами, от чего возникли большие пожары. Кроме того, два шестидюймовых снаряда разорвались в офицерской кают-компании под левым кормовым казематом, где также начался пожар, из-за жара которого пришлось покинуть расположенный рядом каземат в батарейной палубе левого борта, задраив наглухо элеватор подачи боезапаса. В срочном порядке был эвакуирован погреб-накопитель⁴¹, также оказавшийся в опасной близости от этого пожара.

Другим тяжелым снарядом были уничтожены командирские помещения, а обе стоявшие там 76-миллиметровые пушки выведены из строя. Беседки со снарядами для них разбило, и боеприпасы загорелись и начали взрываться. Несколькими крупными осколками русского снаряда пробило правый борт ниже уровня воды, и корма начала медленно оседать, но удачное расположение защитной палубы ограничило затопление, и осадка увеличилась незначительно. Тремя шестидюймовыми и одним 305-миллиметровым снарядами полностью разрушило кормовой мостик, также загоревшийся от разбитых патронов 76-миллиметровых пушек, что вынудило покинуть запасную боевую рубку. Осколком тяжелого снаряда почти напрочь перебило ствол шестидюймового орудия в носовом правом каземате. Были пробиты трубы, но котлы и машины не пострадали.

В 17:12 русские корабли остались за кормой и стрельба стихла. Вскоре появились истребители, отправленные еще после полудня (до начала боя главных сил) на перехват русских к западу. Они прикрыли отходящие крейсера дозором с юга. Погони не было, так что японцы смогли застопорить ход и произвести минимально необходимые работы по подводке пластин и заделке пробоин. Затем Того приказал остаткам флота занять позицию примерно посередине пролива, на широте острова Окиносима, и патрулировать, развернувшись в цепь, чтобы не пропустить русских на север к Владивостоку.

Почти сразу после отрыва от русской эскадры снова появились отряд Уриу и авизо «Чихайя», нашедшие своих по звукам канонады. Появление этих кораблей было как нельзя кстати для японцев. На флагманском крейсере немедленно был поднят сигнал приблизиться и

⁴⁰ Японские броненосные крейсера имели очень плотную компоновку, в результате динамо-машинам не нашлось места под бронепалубой и они не имели никакой защиты.

⁴¹ Построенный в Германии по японскому заказу, «Якумо» имел лучшую защиту из всех броненосных крейсеров, несмотря на меньшую длину главного пояса. Немцы, в отличие от англичан, не стали складировать боеприпасы прямо у орудий, а оборудовали специальные погреба-накопители за 127-миллиметровой бортовой броней, в которые снаряды поступали по боевым коридорам из основных погребов. Правда, платой за это стало меньшее число шестидюймовок и меньший боезапас для всех калибров.

принять на борт адмирала. Подойдя к борту «Асамы», «Цусима» приступил к приемке на борт командующего флотом и его штаба. Свежая погода делала все это весьма рискованным мероприятием, но все обошлось, и через полчаса, бронепалубный крейсер стал новым флагманом японского флота. Через его беспроволочный телеграф в 18:15 передали приказ командующего объединенным флотом о сборе всех японских отрядов в районе патрулирования крейсеров.

Вновь сгустившийся туман сильно осложнял поиски. Имевшихся под рукой сил было явно недостаточно для надежного перекрытия пролива, а связаться с другими отрядами удалось не сразу.

К этому времени стало ясно, что все броненосные крейсера полностью выведены из строя, практически не имеют боезапаса для оставшихся исправными орудий. А «Асама» и «Касуга» продолжают погружаться, несмотря на энергичные меры по заделке подводных пробоин и откачке воды. Из-за этого сначала пришлось сбавить ход до 5 узлов, а потом и вовсе остановиться, едва заняв позицию. К половине седьмого был получен доклад, что в открытом море с повреждениями на этих двух крейсерах не справиться, и они были отправлены в залив Миура.

Наибольшие опасения у всех вызывал «Асама», севший кормой по балкон и продолжавший гореть. Двинувшись на максимальных для него 11 узлах на запад, крейсер, сопровождаемый погружающимся носом «Касугой», вскоре пропал в тумане. Выделить какой-либо эскорт – для сопровождения тяжело поврежденных кораблей – Того уже не мог. Начальнику морского округа Такесики вице-адмиралу Цунада отправили телеграмму, чтобы выслали навстречу буксиры и катера, а все боеспособные силы были брошены на поиски вновь пропавшей русской эскадры.

Так и не дойдя до залива Миура, в 20:58 «Асама» затонул в точке с координатами 129°51' в.д. 34°37' с.ш. Экипаж был принят на борт удачно подвернувшимся вспомогательным крейсером «Америка-Мару».

«Касуга» смог добраться до залива и приткнуться к отмели, но вода продолжала быстро прибывать. Начали сдавать переборки, и к рассвету он полностью лег на грунт, оставаясь на ровном киле и погружившись почти до самых портов батарейной палубы.

До наступления темноты оставалось совсем мало времени, и надо было успеть развернуть все отряды миноносцев на пути следования русской эскадры, для ночных минных атак. Но для этого нужно было её найти.

Свежая погода и разбросанность японских сил по большой площади моря привели к тому, что поисковая цепь на линии 20 миль севернее острова Цусима – остров Мисима из вспомогательных крейсеров и части миноносцев была развернута лишь в сумерках, и обнаружить до наступления темноты никого не удалось.

Оставшиеся три тяжело поврежденные броненосные крейсера около семи часов вечера были отправлены в Симоносеки, так как к ведению артиллерийского боя ни один из них уже не годился. Свежая погода и постоянные переходы на большой скорости не позволяли нормально заделать пробоины, и экипажам крейсеров все время приходилось бороться с морем, рвущимся вовнутрь корпусов своих кораблей. Все установленные подкрепления и затычки в пробоинах могли выскочить при первом же залпе своих орудий, не говоря уже о попаданиях вражеских снарядов. Бронепалубные и вспомогательные крейсера отправились в залив Миура, чтобы не нарваться в темноте на торпеды своих миноносцев.

Всю ночь японские минные отряды прочесывали северную часть Цусимского пролива, жестоко страдая от волн, но русские как сквозь землю провалились. Не удалось обнаружить даже их поврежденные корабли, которые, по крайней мере теоретически, должны были отстать от основных сил, если, конечно, они их не затопили, чтобы не сдерживали остальную эскадру.

Зато в темноте, в результате столкновения, получили повреждения истребитель «Акицуки» и миноносец № 35. Миноносец вскоре затонул, а «Акицуки» (бывший «Решительный»), сняв с него экипаж, был вынужден уйти на ремонт в Симоносеки.

Глава 7

С наступлением темноты отряды второй тихоокеанской эскадры собрались вместе и двинулись по прямой к заветной точке на японском берегу в архипелаге Гото, куда с юга уже спешили русские транспорты со снарядами, углем и запчастями, под эскортом «Изумруда». До подхода своей эскадры тыловикам предстояло максимально надежно обосноваться на месте. Развернуть дозоры, изолировать рыбацкие селения, имевшиеся на островке и в округе, конфисковав все джонки и лодки, чтобы исключить возможность преждевременного обнаружения или хотя бы максимально отсрочить этот момент.

Дозорные крейсера и миноносцы, сновавшие вокруг тяжелых кораблей, до наступления темноты задержали три небольших каботажных парохода, которые теперь шли в хвосте колонны под управлением призовых партий. Четыре попавшиеся джонки – из соображений секретности – были потоплены после снятия с них рыбаков.

Когда стемнело, на всех кораблях эскадры были погашены огни, лишь прикрытые с бортов кормовые ходовые фонари тлели вполнакала. Двигаясь в полной темноте и уйдя в сторону с кильватера впереди идущего корабля, рулевые могли ориентироваться лишь по полотнищам белого шелка, выброшенным с кормовых балконов всех крейсеров и броненосцев, идущих в основных колоннах. Расстилаясь на 20–25 метров по поверхности за кормой, эти маяки давали достаточно хорошие ориентиры для восстановления строя, будучи в то же время практически не заметны со стороны.

Свои миноносцы отправили вперед на полном ходу, от греха подальше, заодно поручив им разведку маршрута. Но едва они начали набирать ход, из пробитых труб полетели снопы искр и показалось пламя. Хотели было одернуть их сигналом, но, видимо, сами миноносники поняли свою ошибку, прекратив «шуровать в котлах». Демаскирующие яркие снопы сразу исчезли, правда, давление пара поднять до максимума так и не удалось, и ход ограничился 15 узлами. Учитывая общую медлительность главных сил, это тоже было не плохо. Миноносцы быстро вышли из поля зрения, растворившись в темноте.

Основные силы шли в двух колоннах и держали максимальный ход, ограниченный всего 10 узлами, из-за повреждений. На всех палубах шла приборка после боя. Все обломки и клочья разодранной снарядами обшивки срубались и выбрасывались за борт. Мощными струями воды смывалась гарь и грязь.

Сигнальные вахты на всех кораблях были усилены. У заряженных орудий постоянно находились комендоры. Офицеры руководили ремонтными работами либо обходили боевые посты до самого рассвета. За всю ночь никто из экипажей второй тихоокеанской эскадры не сомкнул глаз. Уже ночью были встречены еще три джонки, взятые на буксир «Александром III» после того, как их экипажи заперли в трюмах под надежной охраной.

Около 10 часов вечера с «Изумруда» была получена радиограмма, что транспорты он встретил и теперь они вместе движутся вдоль берега. Все спокойно. На место рассчитывают прибыть к полуночи. В ответ им было приказано сохранять радиомолчание, максимально ускорив развертывание.

К ночи на столе у командующего лежал подробный рапорт Политовского о полученных всеми кораблями боевых повреждениях, с примерным планом первоочередных ремонтных мероприятий. Флагманский механик имел совершенно замученный вид. Лицо посерело от усталости и недосыпа, но он ручался, что через сутки действующая эскадра снова сможет держать 14-узловой ход. Не все было ясно пока лишь с «Ослябей». Осушить затопленные отсеки

полностью до сих пор не удалось, и точный объем повреждений был не известен. Высказывались предложения о затоплении броненосца в проливе на большой глубине, чтобы об этом никому не было известно, но командующий приказал попытаться удержать его до последнего, добавив, что за эту войну потерь было уже достаточно.

Остальные корабли, имевшие повреждения подводной части, могли заделать свои пробоины в кратчайшие сроки, как только будет возможность. Нужно было лишь тихое место без ветра и волн да три-четыре часа без тревог и резких маневров. Исходя из этого, Рожественский планировал пополнить необходимые запасы, подремонтировать корабли, а с рассветом 16 мая снова двинуться к Владивостоку в готовности принять бой с поредевшим и потрепанным японским флотом.

Вероятность остаться незамеченными, стоя хоть и у пустынного, но все же японского берега, была ничтожно мала, но, по крайней мере, успеть сосредоточить весь японский флот в столь неожиданном месте за это время было невозможно. А что наше место будет известно противнику, так это даже и к лучшему. По крайней мере, не придется его искать для боя. В своих кораблях, а тем более в их экипажах, Зиновий Петрович был теперь уже абсолютно уверен.

Точка

Глава 1

«Изумруд», отправленный для встречи и охраны транспортов и шедший все время на полном ходу, нашел их в условленной точке randevu, чуть к югу от Готских островов. К этому времени уже совершенно стемнело, луна еще не взошла, но рассеянного света звезд было достаточно, чтобы опытные сигнальщики крейсера, даже в тумане, смогли обнаружить караван русского обоза с 8 кабельтовых. Прекратив сближение, чтобы исключить всякие неожиданности, передали свой позывной. После первой попытки со стороны транспортов не было заметно никакой реакции. После повторной передачи сигнала также тишина. Попробовали осторожно приблизиться, в третий раз передав свой позывной, и лишь после получения соответствующего отклика подошли к борту «Камчатки», бывшей главной в конвое.

Кратко доложив начальнику тыла Витте детали обнаружения, а самое главное последовавшего сближения со своими транспортами, с крейсера посоветовали удвоить вахту сигнальщиков на мостиках, отправив всех, кто стоит сейчас вниз, на отдых. После чего изложив вкратце подробности боя, в том виде, в каком он их знал, командир крейсера капитан второго ранга барон Ферзен предложил пробежаться до места и разузнать, что к чему. Помимо разведки это позволило бы избежать случайной стрельбы, в случае внезапного появления «Изумруда» из темноты. А так, маневрируя поблизости и будучи готов появиться в любой момент, он мог обеспечить гораздо более эффективную защиту.

До ближайшей вражеской базы было меньше 60 миль, но теоретически ожидалась встреча лишь со вспомогательными крейсерами. Все остальные японские корабли должны были быть намного севернее. Считалось, что с началом боя основные силы передовые дозоры между островами Гото и островом Квельпарт будут сняты или, как минимум, существенно ослаблены. Это должно было позволить проскочить нашим транспортам под самым берегом, где вероятность встречи с патрульными судами считалась минимальной. На всякий случай планировалось вести конвой на максимальной скорости, чтобы иметь возможность уклониться или уйти обратно на юг, в случае невозможности продвижения к намеченной точке.

На случай встречи с рыбаками, каботажниками или нейтралами имелся строжайший приказ не либеральничать и топить всех, но в обязательном порядке принимать все меры для спасения экипажей. Первоочередной считалась задача сохранения секретности выдвижения, а все возможные политические и дипломатические осложнения оставались на после войны.

Примерно в половине одиннадцатого со стороны берега показалась цепочка огней. На транспортах сыграли боевую тревогу. Расчеты 37-и 47-миллиметровых орудий, которыми пароходы были утыканы как ежи иголками, навели их на обнаруженную цель. Конечно, в случае реального боя толку от них было бы мало, но отбиться ночью от миноносцев шансы были.

Весь конвой развернулся на северо-запад, и огни вскоре пропали из вида. После примерно получаса хода курсом на середину пролива развернулись обратно. Вскоре такие же огни разглядели на западе, только эта цепочка была короче и реже, а поскольку транспорты и так от неё удалялись, обошлось без лишнего маневрирования.

В том, что эти огни имеют явно не природное происхождение, никто не сомневался. Однако встретить столь оживленное движение в районе предстоящего базирования было большой неожиданностью. С «Камчатки» передали на все суда приказ сбавить ход до 5 узлов, а капитану первого ранга Радлову – прибыть на борт для совещания. Когда шедший замыкающим в колонне «Иртыш», на котором держал свой флаг командир транспортов, как младший флагман в отряде, нагнал флагманскую мастерскую, с него быстро спустили шлюпку, чтобы

доставить Радлова на военный совет. Но её тут же разбило волной о борт, пришлось совещаться через мегафоны с мостиков максимально сблизившихся транспортов.

После недолгих размышлений решили продолжить движение, увеличив ход до полного, рассудив, что в случае появления серьезных сил японцев все равно уже не уйти, а эти огни вполне могут быть рыбацкими флотилиями.

В два часа ночи взошла луна. При её свете стали видны вершины гор Осеяма и Сенда на юго-западной оконечности острова Фукуэ с правого борта, возвышавшиеся над дымкой. По их вершинам, явно выделявшимся на общем фоне, удалось точно определить свое местоположение. До намеченной точки оставалось не более 8 миль, но из-за непредвиденных задержек обоз опаздывал на два с лишним часа. На паровых катерах, еще стоящих на палубах транспортов, уже развели пары. Их планировалось спустить на воду милях в трех от места и послать вперед, на разведку и высадку десанта, для захвата причалов и всего, что способно плыть в окрестностях деревушек на острове Сагано. Ветер начал стихать, и волны под берегом стали заметно меньше. В таких условиях уже становилось возможным использование катеров и спуск их на воду с транспортов.

Примерно в половине третьего прожекторы с «Камчатки» и «Анадыря» тщательнейшим образом начали обшаривать берег острова Сагано, именовавшегося «точкой» в оперативных планах, входя в пролив с юга. Десантные команды на шлюпках и катерах уже приблизились к мысу, на южной его оконечности, стремясь скорее высадиться на берег у рыбацкой деревушки, расположенной чуть восточнее его на юго-восточном склоне горы Онодаке. Вдоль всей хлипкой деревянной пристани этого селения были пришвартованы рыбацьи джонки. Почти сразу минеры с «Камчатки» засекли работу японской радиостанции где-то совсем рядом. Её тут же забили своей искрой, оповестив семафором все суда южной группы.

Одновременно минные катера двинулись в глубь пролива, где снова были замечены те же огни, что и три часа назад. Вскоре выяснилось, что это были рыбаки, возвращавшиеся с моря. Это вызвало огромное облегчение. Принять бой сейчас не было никакой возможности. С сообщением об этом и об обнаруженной вражеской станции немедленно отправили катер к северному входу в пролив, где должны были разворачиваться корабли второй группы, не имевшие радиотелеграфа.

Спустя десять минут после начала «иллюминации» у южного устья пролива точно так же озарился ярким электрическим светом прожекторов берег у северной оконечности острова Сагано. Высаживался десант, выдвигались партии для промера глубин и обвеховки фарватеров. Многократно обкатанные на учениях операции выполнялись быстро и четко. Уже в половине пятого все транспорты вошли в пролив, заняв предписанное каждому место. А на оба берега свозили десантные орудия и пулеметы. Оборудовались и маскировались огневые точки и посты наблюдения и освещения. Минеры тут же прокладывали линии связи.

При этом катера и шлюпки сновали между кораблями и берегом в почти полной темноте, соблюдая правила светомаскировки. Разведотряды отправились вдоль берега в поисках японской сигнальной станции, а разгоревшаяся вскоре перестрелка в районе вершины Онодаке показала, что кого-то они все же нашли. Спустя полчаса появился посыльный, доложивший, что наблюдательный пост, оборудованный пародинамо и станцией беспроводного телеграфа, обнаружен и уничтожен. Найдены трупы трех японцев в морской форме, еще несколько скрылись, воспользовавшись темнотой. Наши потери: трое раненых и один пропавший без вести.

Учитывая, что японская рация, похоже, осталась незамеченной, судя по вновь восстановившейся тишине в эфире, работы по развертыванию базы продолжались в максимальном темпе. На восточном низменном берегу пролива было найдено место для постановки на якорь буксиров «Свирь» и «Русь», оборудованных под штабные корабли для сил обороны восточного сектора.

Все коммуникации подводились к этим пароходам, а от них велись провода к прожекторным постам, размещенным на берегу, вблизи орудий. Катерная флотилия, охранявшая восточные и северные подступы к проливу, также была привязана к этим кораблям, с которых пополнялись все запасы и получались все распоряжения. Связь с противоположным берегом была возможна лишь с помощью сигнальных фонарей, а с наступлением темноты или при ухудшении видимости только посыльными и репетичными катерами, что было недостаточно надежно, так что рассчитывать приходилось в основном на себя.

Как только рассвело, появился и «Изумруд», немедленно подошедший к борту «Иртыша» для пополнения запасов. С него сошла десантная рота, при содействии все тех же отрядов добровольцев зачистившая остров Сагано. Были обнаружены и взяты в плен еще два японских матроса, а офицер и два его подчиненных погибли в перестрелке, в которой были ранены и пятеро матросов с крейсера. В развалинах сигнальной станции не нашли ничего, кроме пепла сгоревших документов и книг.

Глава 2

Вскоре показались наши миноносцы, вставшие под погрузку угля к борту своей базы «Корея» и транспорту «Анадырь». Из девяти эсминцев, бывших при эскадре еще сутки назад, на бункеровку пришли лишь пять. «Громкий» ремонтировал машину, идя на буксире у броненосцев, а «Буйный» и «Бедовый» затонули от полученных повреждений еще до ухода миноносцев от эскадры.

Одновременно с погрузкой топлива мастерские с обеих плавмастерских и экипажи кораблей занялись исправлением повреждений. Пробоины, заткнутые подручными средствами на скорую руку, латались более основательно. Проверяли главные механизмы, рулевые приводы, вооружение. Заделывали дыры в трубах. Убыль в экипажах компенсировали матросами с транспортов. При этом отбирали лишь лучших из множества добровольцев.

Теперь все минные силы были сведены в один минный отряд под командованием капитана второго ранга Матусевича. У него имелся четкий приказ Рождественского немедленно после пополнения запасов и срочного ремонта выдвигаться в дозор к югу от стоянки, на пределе видимости с берега. Поэтому он лично обошел все корабли своего отряда, торопя с окончанием работ.

По пути, навестил раненого Андржиевского, отлеживавшегося на своем флагмане. С ним обсудили возможные дальнейшие действия русских минных сил, сойдясь во мнении, что для успешной дневной минной атаки миноносцев теперь явно недостаточно. К тому же все оставшиеся в строю корабли уже имели достаточно серьезные повреждения. Исходя из этого, офицеры прикинули возможные варианты использования минных сил эскадры для контратак вражеских миноносцев ночью. Это предложение взялся донести до командующего Андржиевский, вынужденный отправиться на «Белого Орла» из-за открывшейся раны.

В начале десятого из тумана на северо-востоке показались сначала дымы, следом мачты и корпуса остальных кораблей эскадры. «Изумруд» с миноносцами к этому времени уже выходили из гавани. Свой поврежденный, но не побежденный флот встречали тыловики, уже развернувшие катерные дозоры. Эскадра втянулась на внутренний рейд новой базы, следуя за двумя лоцманскими катерами. При этом каждому кораблю было сообщено его место стоянки, где уже ждали грузчики и готовые наполненные мешки с углем.

Едва войдя в пролив, Российский флот Тихого океана лег в дрейф, начав свозить раненых на госпитальные суда. «Камчатские» (так теперь называли всех мастеровых, без разницы, были они с «Камчатки» или с «Ксени») первыми поднялись на палубы, прикидывая возможные варианты срочных ремонтных работ, чтобы успеть ВСЕ. Хотя, конечно, понимали, что это невозможно в принципе. Но они знали и то, что успеть НАДО.

С величайшими предосторожностями раненых спускали в подошедшие шлюпки и катера. Больше всего пострадавших было, естественно, на «Суворове» и «Ослябе». Однако, несмотря на то, что флагманский броненосец гораздо дольше находился под огнем неприятеля и вынес на себе всю тяжесть второго боя, потери в его экипаже были в полтора раза меньшими, чем на менее защищенном собрате. Общие потери по эскадре составили 344 убитых (из них 32 офицера) и 693 раненых (из них 167 – тяжело). Часть раненых, чьи раны были не опасными, оставались на своих кораблях, не желая покидать их до прихода во Владивосток, и в общее число пострадавших не попали. Медики не возражали и оказывали им необходимую помощь на месте, так как плавучие госпитали были просто не в состоянии принять всех.

Пленных японцев с потопленных кораблей перевезли на два перехваченных японских транспорта, укомплектованных экипажами с погибших эсминцев. На них уже успели сбить с бортов японские иероглифы и хризантемы на форштевнях, написав суриком новые названия. «Бравый-2» и «Бедовый-2». А на мостиках установили по два пулемета – все, что успели перетащить со своих истребителей.

Все пять боеспособных миноносцев, выйдя южным выходом и развернувшись во фронт, двинулись вниз, вдоль побережья острова Шимаяма. Отойдя на восемь миль к юго-юго-западу от Сагано, они начали патрулирование, курсируя на переменных курсах, по линии с северо-запада на юго-восток от имевшейся на западном берегу Шимаямы рыбацкой деревушки, не допуская выхода из её гавани ни одного суденышка. Но сначала в самой деревне был высажен десант, доподлинно установивший, что она не имеет ни телеграфного, ни телефонного сообщения с остальным островом. Как только отсутствие телеграфа и телефона было подтверждено, десант вернулся на миноносцы, не тронув ни одной джонки из её рыбацкой флотилии. На «Громком», тем временем, заканчивали ремонт главных механизмов. К вечеру он уже должен был занять свое место в боевом строю.

«Изумруд» же двинулся сначала строго на запад, после развернувшись к северо-востоку и разлив полный ход, прошел до самого пролива Дженкай-Нада, откуда развернулся на обратный курс, продолжая, однако, держаться максимально далеко от берега, чтобы лишь не потерять ориентиров. В свою временную базу крейсер вернулся только к пяти часам вечера, приведя еще один трофейный пароход примерно в семьсот тонн водоизмещения, груженный местным японским углем. Попутно было потоплено семь рыбацких джонок. Их экипажам давали возможность покинуть свои корабли, после чего пускали ко дну несколькими выстрелами в ватерлинию в упор из трехдюймовок. Боевых кораблей так и не было встречено.

А между тем во временной русской базе на японском берегу кипела работа. На пополнение припасов и ремонт в первую очередь вставляли корабли действующего флота, чтобы быть готовыми к бою как можно раньше. В то время как подранки занимались перемещением своих грузов из поврежденных конечностей в противоположные уголки кораблей. Из-за этого их стоянка, названная ремзоной, являла довольно тревожное зрелище. Стоявшие вплотную друг к другу под самым берегом корабли были перекошены кренами и дифферентами, отчего со стороны могло показаться, что они приткнулись к отмели и лежат на грунте. Зато, благодаря таким радикальным мерам, удалось поднять все подводные пробойны выше уровня воды и приступить к их серьезной заделке. Изодранные японскими снарядами борта «России» и «Громобоя», с выгоревшей краской, обнажившей красную, еще заводскую, суриковую грунтовку, покрытые копотью, латали деревянными заплатами, срубая клочья искореженной стали, мешавшей работе, и заливая бетоном все, что было возможно. То же самое было на «Суворове» с «Александром III» и на «Ослябе».

На большинстве кораблей резервного флота контрзатоплениями и перегрузкой угля и прочих припасов удалось заменить отсутствовавшие при эскадре готовые кессоны и доки. Лишь на «Ослябе», пострадавшем больше всех, несмотря на все принятые меры нижний край самой опасной пробойны по-прежнему оставался под водой и полностью осушить затопленные

отсеки в носу не удавалось. Поэтому было принято решение посадить максимально разгруженный броненосец носом на отмель в большую воду, с тем, чтобы при отливе он поднялся, показав пробоину. Заделав её и откачав воду, можно будет гарантированно сняться потом с мели.

На том и порешили, подыскав подходящее место с ровным каменистым дном. Все поврежденные корабли стояли плотной группой, вокруг «Осляби». Среди них нашли себе место «Камчатка» и «Ксения», шлюпки с которых курсировали между поврежденными кораблями, перевозя материалы, рабочих и оборудование.

Едва русские вошли в свою временную базу, Рождественский отправился в обход по своему искалеченному флагману. За ночь в палубах успели навести порядок, насколько это было вообще возможно при таких разрушениях. Смыли копоть, грязь и кровь. Убрали вниз стреляные гильзы, завалившие все палубы, где стояли орудия. Сбитые и закрученные трапы заменили временными деревянными, заделали наиболее опасные и близкие к воде пробоины. Все уцелевшие офицерские каюты (несколько помещений по правому борту), в том числе и каюта адмирала, были отведены для размещения раненых. Сам командующий, как и все офицеры его штаба, за ночь, прошедшую в совещаниях, так и не успел переодеться, и все были сейчас в тех же мундирах, что и в бою, лишь наскоро почищенных и подлатанных денщиками.

Обойдя все отсеки, Зиновий Петрович благодарил офицеров и матросов за службу. Проведал раненых, лежавшего в беспомощности командира броненосца Игнациуса, выслушал доклад корабельного врача. Даже спустился в дышащие жаром котельные и машинные отделения, где обнял и расцеловал инженер-механика Обнорского и флагманского инженер-механика Стратановича, грязных, что черти, и совершенно валяющихся с ног от усталости, как и все их люди.

Обратившись к машинной команде, Рождественский сказал: «Нашим успехом мы в большей степени обязаны вам и артиллеристам! Но если из башен и казематов виден враг, и от этого там легче, несмотря на огонь и смерть от вражеских снарядов, то у вас, в самых недрах корабля, лишь адский жар и смрад от топок и дыма пожаров наверху. Но вы выстояли, несмотря ни на что! Держали пар и обороты на винтах и не дали врагу уйти! Родина не забудет вашего подвига! А я тем более! Спасибо вам, братцы, и мой поклон!» И поклонился. А матросы, измотанные до последней крайности, слушали его, не шевелясь и почти не дыша. Казалось, они готовы были схватить своего адмирала на руки и так и нести его до самого Владивостока, а хоть и до Токио, куда прикажет. Прямо в этом иссеченном осколками и испачканном кровью и копотью мундире, чтоб японцам страшнее было. Здоровенные дядьки, сплошь в угольной пыли, мазуте и копоту, на чьих лицах белели лишь глаза, плакали как дети.

Закончив обход «Князя Суворова», Рождественский приказал штабу отдыхать три часа, а сам вызвал катер и обошел на нем все корабли своей эскадры, благодаря экипажи за службу и лично выслушивая доклады командиров и флагманов, как обычно, делая пометки в блокноте. При этом он в приказном порядке требовал от командиров максимально обеспечить отдых для экипажей, благо наличие при эскадре штатных грузчиков и большая численность экипажей транспортов позволяли освободить измотанные за последние сутки команды кораблей от погрузочных и прочих работ.

Вернувшись на «Суворов» к половине первого, он приказал разбудить его через час и прилег в свое парусиновое кресло, прямо на мостике, и тут же заснул, под грохот и визг грузовых лебедок. Топот сотен каблучков по палубам, издаваемый матросами транспортов и грузчиков, абсолютно его не беспокоил, так же как и большую часть команды, заснувшую прямо на своих постах после обеда с двойной винной порцией. На всех кораблях эскадры стоял жуткий грохот из-за непрекращающихся ни на минуту ремонтных работ.

Проснувшись через час, еще до того, как старший флаг-офицер лейтенант Сверебьев решил его разбудить, адмирал пригласил отобедать с ним и штабом эскадры офицеров броненосца и очень внимательно выслушал все мнения относительно дальнейших действий эскадры, превратив обед в совещание. Мнения высказывались самые разные: от предложения

идти в Шанхай или Цындао, для более серьезного ремонта, чтобы потом повторить попытку прорыва, до «попытаться проскочить пролив ночью, отправив транспорты и подбитые корабли в нейтральный порт интернироваться».

В конце ужина командующий поблагодарил офицеров, сказав, что он горд тем, что ему довелось принять вчерашний бой вместе с ними, и, тепло простившись, отбыл на «Орел», назначенный новым флагманом. Этот броненосец пострадал в бою меньше всех. Несмотря на то, что он имел достаточно большие разрушения в надстройках и небронированных частях корпуса, его артиллерия и механизмы не пострадали. Все разрушения сказались лишь на условиях обитаемости на корабле, но это можно было и потерпеть. Подводных повреждений не было, если не считать несколько мелких отсеков, за броневым поясом, затопленных через ослабшие болты. Но самым главным было то, что минерам удалось восстановить сбитые осколками радиоантенны и «Орел», единственный из всех кораблей первого отряда, имел действующий беспроволочный телеграф, что позволяло руководить всей эскадрой.

Едва перебравшись на новое место, вызвали всех флагманов, и штаб продолжил свое совещание. Спорили до хрипоты, приводя всевозможные доводы и рассматривая вопрос со всех сторон.

Однако, после обсуждения всех вариантов, удалось выработать единое мнение, что просто проскочить во Владивосток мало. Слабые ремонтные мощности этого порта не позволят быстро восстановить боеспособность эскадры, а ограниченность запасов угля быстро поставит на прикол большую её часть. В то время как японцы довольно легко смогут исправить свои повреждения и снова получат, на этот раз подавляющее, превосходство.

О катастрофических потерях объединенного флота в корабельном составе никто тогда еще не знал и даже не догадывался. А практически поголовное уничтожение нами японских легких крейсеров сулило противнику лишь небольшие тактические неудобства, учитывая ограниченность театра боевых действий.

Исходя из этого, было принято решение, что японцев нужно добивать сейчас, не дав им опомниться и переформировать свой флот. Несколько выбитых флагманских кораблей, несомненно, должны будут осложнить управление оставшимися силами, если не дать противнику «освоиться». Сразу же после минимально необходимого ремонта было решено всячески искать встречи с Того и навязать ему бой до полного разгрома. Все транспорты и корабли обеспечения оставить на попечение резервного флота, который должен будет под прикрытием боя основных сил, в любом случае, прорываться во Владивосток.

Пока штаб решал, как быть дальше, было полностью завершено развертывание сил обороны. Все, имевшиеся на эскадре десантные пушки были размещены в четырех береговых батареях по десять штук в каждой. Имевшие малый угол поворота сухопутные станки вынуждали размещать орудия полукругом, обращенным выпуклой частью к морю, чтобы перекрыть больший сектор. Две такие батареи разместили на южных склонах горы Онодаке на южной оконечности острова Сагано, а еще одну – на северной оконечности острова прямо на вершине горы Онодаке. На другом берегу пролива, дальше к северу, у мыса Нииракумати оборудовали четвертую батарею.

Их позиции обнесли брустверами из камней, замаскировав водорослями и прочим мусором, валявшимся на берегу. Со стороны суши прикрыли надежными заслонами и секретами, имевшими приказ стрелять поверх головы любого, кто бы ни пытался приблизиться. Вместе с пушками на берегу установили и все пулеметы, которым не хватило места на катерах. Немного выше уреза воды под батареями разместили прожекторные посты, соединив их кабелями с динамо-машинами на кораблях обеспечения, в роли которых выступали буксиры и транспорты, имевшиеся при эскадре и замаскированные под берегом.

Поперек северного выхода из пролива у мыса Нииракумати с транспорта «Анадырь», оборудованного еще в Нуси-Бе минными рельсами, поставили оборонительное заграждение. Мины ставили на минимальную глубину в два ряда, рассчитывая в первую очередь на миноносцы. Все мины, когда-то имевшиеся на броненосцах и крейсерах, выставили за три часа. Дневная минная постановка была рассчитана еще и на то, что об этом станет известно японцам до начала атак и это несколько стеснит их действия севернее стоянки. Планировавшуюся, чисто демонстративную, постановку с юга просто не успели провести из-за нехватки времени.

На северной и южной оконечностях острова Сагано в брандвахту поставили «Мономаха» и «Донского». Оба крейсера встали на якоря максимально близко к берегу с таким расчетом, чтобы простреливать из своих скорострелок устья пролива. Все поврежденные прожектора на обоих крейсерах были заменены исправными, чтобы обеспечить максимальное освещение контролируемых и простреливаемых зон. Вдоль их бортов, смотрящих от берега, устроили импровизированные противоторпедные заграждения из реквизированных в деревнях и на переходе джонок, также поставленных на якоря в восьми-десяти метрах от борта и для надежности сцепленных между собой цепями. С них срубили мачты, а все рыбацьи сети свесили с обоих бортов.

Сразу за «князьями», дальше в пролив, были места ночной стоянки миноносцев, по три с севера и юга, куда должны были вернуться дозорные эсминцы с наступлением темноты. (Во избежание путаницы, в случае ночных торпедных атак японцев, в самом проливе ночью должны были действовать лишь наши катера, а все остальные корабли вести огонь с места.)

В самой глубине пролива, в седловине острова Сагано у его восточного берега, были стоянки первого броненосного отряда, чуть южнее ремзоны, а еще немного дальше к югу от них, – второго и третьего броненосных отрядов. Поскольку все стоянки находились фактически на рейде небольшого селения, раскинувшегося вдоль берега, в этот городишко был высажен десант, патрулировавший его улицы, чтобы избежать неожиданностей.

Со стороны пролива стоянки были прикрыты самодельными бонами из списанных с кораблей противоторпедных сетей и реквизированных у местного населения рыбацких снастей, закрепленных на бочках из-под масла и надежно заякоренных сайпанах. Боны натягивались также и на цепях между транспортами, дооборудованными соответствующим образом.

Крейсера на ночь планировалось отправить в море, так как там считалось безопаснее. Оставшиеся, почти пустые, транспорты снабжения стояли на якорях между «Мономахом» и ремзоной, где было относительное мелководье. Установленные на них малокалиберные пушки, снятые когда-то с броненосцев и крейсеров, были дополнительной защитой, помимо артиллерии эскадры. Но командирам пароходов были даны четкие инструкции, запрещавшие открывать огонь без приказа или крайней необходимости. Начальник штаба Клапье де Колонг лично накачивал их на этот счет.

На подступах к проливу и в нем самом с наступлением темноты планировалось снова развернуть катерные дозоры, задействовав в них все без исключения вооруженные паровые и моторные катера с крейсеров и броненосцев общим числом почти в 60 вымпелов. Имелись полные комплекты сигнальных и осветительных ракет и почти на всех катерах сорокасантиметровые прожекторы.

Все оборонительные мероприятия были закончены к трем часам дня, но противник не спешил появляться. В пять часов встретили вернувшегося из дальней разведки «Изумруда». Но не успел еще его командир отправиться на доклад к Рождественскому, как дозорные катера, стоявшие под восточным берегом пролива у северного устья, сообщили фонарем на батареею, что видят два японских миноносца, пробирающихся вдоль самых пляжей к базе. С батареи эту новость передали дальше, на штабной «Русь», а тот доложил фонарем на «Орел».

Немедленно был отдан приказ «Изумруду», единственному крейсеру, имевшему все котлы под парами и способному дать полный ход на тот момент, атаковать противника. Лихо развернувшись в проливе, крейсер ринулся в атаку, что вынудило миноносцы начать отход на

северо-запад на большом ходу. Серые низкие корпуса были почти не заметны на фоне берега. Их выдавал лишь появившийся белый бурун под форштевнем да густые клубы дыма, повалившиеся из труб при начатом быстром наборе скорости. Они шли по мелководью, рискуя выскочить на камни, но это позволяло держаться от русского крейсера на безопасном расстоянии. Не став подходить слишком близко к недостаточно изученному берегу, «Изумруд» смог приблизиться к ним лишь на 18 кабельтовых и прекратил погоню, так и не открыв огня, когда японцы отвернули за мыс Катвязаки.

В 17:22 с крейсера обнаружили дымы еще нескольких судов на северо-востоке и повернули обратно. Но едва легли на курс в «свой» пролив, как получили приказ идти полным ходом на вырубку к миноносцам южного патруля, атакованным двумя японскими вспомогательными крейсерами. Кажется, началось!

Около половины шестого из радиорубки флагманского «Орла» доложили, что вокруг «точки» начался оживленный радиообмен противника. С «Урала» сообщили, что удалось засечь не менее восьми работающих передатчиков в непосредственной близости и еще несколько в отдалении на западе и северо-западе. Несколько раз повторялись позывные двух групп кораблей, чьи сигналы были слышны сильнее всего. Минеры запросили разрешения прервать их работу своей искрой.

Поскольку эскадра все равно уже была обнаружена, командующий приказал забивать японские переговоры, вплоть до особого распоряжения. Добротворский был вызван на «Орел» для получения боевого приказа, а его крейсера начали готовиться к выходу в море и ночному бою, оттягиваясь на середину пролива, чтобы освободить место на стоянках.

На флагманском броненосце командир первого крейсерского отряда пробыл не долго. Полученный им приказ был краток и предельно прост. Его крейсерам предписывалось к наступлению темноты покинуть базу и, маневрируя западнее и севернее её, обнаружить и атаковать вражеские минные отряды, выдвигающиеся к проливу.

В том, что от них в ближайшее время вокруг будет не протолкнуться, никто в штабе эскадры не сомневался. Приказом запрещалось использование своих прожекторов. Ход, построение отряда, боевые курсы, схемы взаимодействия и ведения огня оставались на усмотрение командира отряда. Оповестительные сигналы для светового телеграфирования и связи по беспроволочному телеграфу в крайних случаях сохранялись прежними. С рассветом крейсерам надлежало вернуться обратно, если не поступит других распоряжений.

Глава 3

Адмирал Того провел всю ночь на борту крейсера «Цусима» в бухте Миура, ожидая сообщений от своих истребителей и миноносцев. Но до рассвета обнаружить русских так и не удалось. Все это время с юга продолжали приходить телеграммы и их обрывки, сообщавшие об обнаруженных огнях и подозрительных пароходах, но ни одна из них не подтвердилась. Обнаруживались лишь мелкие каботажники, либо нейтралы. В конце концов, на эти сообщения просто перестали обращать внимание.

В 06:30 он вывел крейсера четвертого боевого отряда из гавани и направился на север к мысу Коросаки, где собирался сейчас весь боеспособный японский флот. Одновременно он отправил авизо «Миако» в Симоносеки с телеграммами морскому министру и в генштаб и вызвал телеграммой адмирала Дэва на крейсере «Касаги», исправлявшего полученные накануне повреждения в заливе Абурадани. Спустя полчаса от Дэвы пришла ответная телеграмма, в которой сообщалось, что «Касаги» прибыть не сможет, так как имеет затопленным правое машинное отделение и недееспособными половину котлов в кормовой кочегарке.

Повреждения, полученные крейсером во вчерашнем бою, оказались намного серьезнее, чем это представлялось в начале. Один из русских снарядов, упав с небольшим недолетом с

правого борта, пробил обшивку в полутора метрах ниже ватерлинии, пройдя под водой более 15 метров. Пробоина была небольшой, но ее было невозможно обнаружить, так как она находилась в заполненной угольной яме, ниже бронепалубы. Бункер был быстро затоплен, и из него вода начала поступать в правое машинное отделение.

Течь была достаточно серьезной, но помпы поначалу справлялись, пока их не забило угольной пылью. «Флагман адмирала Дэвы продолжал принимать воду через пробойну... на крейсере не могли ни заделать пробойну, ни откачать воду. Машинное отделение вскоре пришлось оставить и его полностью затопило, сильно накренив корабль...

Вода появилась и в кормовом котельном отделении, но из-за крена её невозможно было откачивать, так как заборники осушительной системы и донок находились в диаметральной плоскости. Пришлось загасить все котлы правого борта во второй кочегарке и стравить из них пар».

В таком критическом положении крейсер отходил сначала на юго-запад, но вскоре был встречен вспомогательный крейсер «Америка-Мару», сообщивший, что русские крейсера отходят в этом же направлении. Дэва повернул на восток, выжимая все что мог из единственной машины, оставшейся в действии. «Америка-Мару» сопровождал поврежденный крейсер, пока не был получен приказ Того на общий сбор. Тогда оба корабля повернули к Окиносиме.

Проходя мимо острова, вспомогательный крейсер оставил «Касаги», двинувшегося самостоятельно на восток. К 21 часу, уже в полной темноте, «Касаги» пришел в залив Абурадани, где наконец-то смог заняться своими повреждениями. С помощью водолазов и плавмастерской «Куанто-Мару» на пробойну удалось подвести пластырь и начать откачку воды⁴².

Считая, что Рождественскому все-таки удалось проскочить на север, и не имея достаточных сил для его преследования, Того просто хотел собрать вместе все боеспособные крейсера японского флота. «Чихайя» и «Тацута» были отправлены собирать разбежавшиеся по морю миноносцы. В этот момент была получена телеграмма из Томиэ о появившихся ночью у западного берега острова Фукуэ подозрительных кораблях.

Было 10:15. Японских кораблей там не было, купцам в этих водах делать нечего, да еще и сразу несколькими. Значит, это могли быть только русские. Того тут же приказал отправить на разведку вспомогательные крейсера «Садо-Мару» и «Мансю-Мару», стоявшие под погрузкой угля в Томиэ. Командующему военно-морским районом Сасебо вице-адмиралу Самедзима Кадзунори отправили телеграмму с приказом срочно выслать в этот район миноносцы с кораблями обеспечения для проведения разведки.

⁴² Эту пробойну «Касаги» на самом деле получил в цусимском бою, и она вызвала все эти неприятности, несмотря на свои малые размеры. В ходе осмотра в доке было установлено, что ее сделал, скорее всего, крупный осколок или головная часть снаряда, упавшего с недолетом и разорвавшегося в воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.